

Священник

Анатолий Гармаев

МАТУШКА

Волгоград, 2003

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

митрополита Волгоградского и Камышинского

ГЕРМАНА

Матушка... Кто она? Как ей устроить свою жизнь в священнической семье, как ей быть на приходе, чтобы не терять отношения с Богом?

Как любой женщине остаться женою, подругою, спутницею жизни для мужа? Эти, и множество еще других вопросов, недоумений и душевных страданий переживает матушка, и любая верующая женщина, чувствуя себя порой невольной пленницей обстоятельств и поворотов судьбы. Впору опустить руки, отчаяться, ли обидеться, озлобиться. Но выход ли это?

Книга раскрывает четыре характера матушек: имеющих духовную ревность, душевных, деятельных и отступивших от Бога. Живо рассказывает, как при каждом из них сохранить ревность угождения Богу, предупреждает возможность охлаждения веры.

Глава первая. Матушка

Жену священника в народе называют матушкой. Кто она? Какого образа ей самой нужно держаться?

Как устроить ей свою жизнь, и как самой быть устроенной в священнической семье и в приходе, чтобы не терять отношений с Богом? Очень трудный вопрос, еще более трудный в его практическом разрешении, когда требуется не только услышать совет, наставление, но, самое сложное – исполнить его.

Характер ревностный о духовном

Счастлива та матушка, в которой с самого начала ее воцерковления теплая ревность к Богу неизменно остается в сердце.

Будут периоды, когда собственное неумение управляться с мутными движениями души (настроением, чувственностью, минутной горечью) будет приводить к потере теплого чувства Бога и обращения к Нему. Но привычка держаться за свою ревность к Богу, и больше того, чувство жизни, ясно переживаемое именно в пребывании с Богом, будут давать склонение в сердце, в душе к той части себя, где это живое отношение с Богом всегда есть. Тогда, в итоге, каждый период помутнения души или каждый минутный наплыв худого настроения, охлаждающего, отлагающего веру, будет восприниматься как еще одна возможность упражнения в склонении к тем расположениям сердца и тем уголкам души, в которых всегда есть теплота веры.

Навык этот – наиважнейший в жизни верующего человека. Из него, как из семени, произрастают затем все побеги деятельной веры, совершающей в человеке его живую молитву, его искреннее и всегда с ним пребывающее покаяние, жизнеудостоверяющее его упование на Бога и, наконец, его любовь к Богу.

В других случаях временное помрачение веры, угасание ее будет восприниматься как поущение Божие и испытание ради умения стоять в уповании на Него или, как минимум, в терпении упования. И то, и другое требует и самих испытаний, подаваемых от Бога, и личного разумения, чтобы смирением распознать, что подается. Это от самое смирение распознавания, которое святые отцы называют смиренномудрием. Оно дается кроткому сердцу в разумение духа и позволяет возставать над помрачениями веры. Оно поддерживается извне чтением молитв, чтением житий святых или трудов святых отцов и сердечным размышлением над ними, т.е. тем размышлением,

которое происходит живым откликом сердца, совершается в разуме, в сердечной потребности жить, согласно прочитанному. Действия эти, казалось бы, обычные и всем знакомые, но поддерживаются они изнутри сердца и происходят как самая жизнь в делах по дому, по приходу, больше, чем общение с людьми или поддержание себя пищей и сном.

Это – дар драгоценный, данный от Бога: может, частью, по молитвам и праведной жизни предыдущих поколений – дедов, бабушек, прабабушек; может, частью, по молитвам самого батюшки, мужа матушки, если есть в нем особая любовь к ней, в сердечной благодарности Богу молитвенно собираемая; может быть, где-то по молитвенному участию духовника, если есть такой, умеющий скорбеть и молиться за чад своих; возможно, это просто дар от Бога ради Его несказуемой и неизъяснимой любви к нам и премудрого Промысла, которым Он хранит, поддерживает и пестует Свою Церковь.

В любом случае дар этот нужно беречь в себе больше, чем что-либо на свете, больше батюшки, больше детей, потому что из этого дара теплой ревности к Богу дается немало утешений и богатств участия и батюшке, и детям, и всем окружающим матушку людям. Его нужно поддерживать постоянством обращения к нему и действием из него, черпая теплоту участия в ближних из этого дара – пребывания с Богом, жизни по Богу, из упования на Него.

Дар этот – смиренномудрие, нужно развивать тремя действиями воцерковления: первое – разумением учений Церкви, второе – разумением себя, жизни и своего служения, третье – сообразованием души, духа и своей жизни с Церковью, т.е. с Господом и Его волею, со святыми, с церковными людьми, с обычаями Церкви, их смыслами и содержанием.

Все это свойственно было благочестивым людям прошлых веков с самого детства, напечатлено ими как уклад церковной жизни своих родителей и окружавших их добронравных людей Церкви. В наше же время, когда семья была неверующей или скрыто верующей, когда с детства нельзя было взять в умение все действия воцерковления, приходится осваивать их извне, сознательно прибегая к ним и научая себя пользоваться ими, жить ими, порой усилием воли и разумением вводя их в свой собственный уклад и уклад своей семьи. Помогать в этом будет сама ревность к Богу, она будет искать этих действий, по началу как своей пищи, а со временем все больше, как своей жизни. Так сознанием нужно будет трудиться над этими действиями как над необходимостью, а ревностью прибегать к ним, сначала как к пище, а затем и самую потребностью жить ими и в них.

Значительную помощь в таком характере жизни будет батюшка, искренне ревнующий о богоугодном жительстве. Искренне – значит в любом месте и в любое время, не только во время богослужения, или на людях, но, что особенно характерно, в своей семье он будет любить церковный уклад и церковные обычаи, будет жить ими как собою и весь пребывая в них.

Если же батюшка не так живет, а, приходя домой, расслабляется, т.е. церковная жизнь дается ему с некоторым напряжением, делается больше потому, что сан обязывает, да и на людях не будешь распускать себя, т.е. в своих не вполне церковных хотениях, и поэтому, приходя домой, батюшка может включить телевизор и отдаться тому, что там происходит, может заняться хобби: собаками, марками, музыкой, в том числе и современной, видеофильмами, газетами, компьютером и забавами в нем, может принять вина и водки для «легкости настроения», может ходить в чем попало, в какой угодно домашней одежде и т.д. – даже если все это присуще батюшке, тем не менее, сам характер его служения, сама необходимость регулярного обращения к Богу и весь порядок внешне церковной жизни уже сами по себе большая подмога матушке в ее ревности к Богу и устройении ее жизни по Богу.

Совсем плохо, если батюшка оступился и весь предался богатству и наживе, еще хуже, если запил, или, того хуже, отдался распутству, загулял на сторону. Равно бывает, когда батюшка охладел к служению, стал избегать церковных служб, треб, общений с людьми. Или наоборот, загордился, стал возноситься, впадать в надмение, высокомерие, стал резок, груб, начал ценить свои заслуги, звания, чины, держаться за них и, соответственно тому, стал устраивать свою жизнь в высокопоставленных встречах, застольях, окружать себя подобного рода людьми, сам входить в их круг. Либо, напротив, напала на него хандра, уныние, печаль, туга душевная, беспомощность, бессилие, апатия, а то и депрессия, – мало ли что может произойти с человеком.

Тем более, если за плечами нет сколь-нибудь длительного воцерковления: только начал церковную жизнь, и через два-четыре года уже рукоположили; нет опыта ревности к Богу – одно только воодушевление; не сформированы нравственные и духовные ценности; нет опыта нравственной и тем более духовной борьбы; может быть, что и вообще нет об этом никакого понятия и представления. По причине молодости – человеку еще до тридцати лет – не отжили юношеские страстные увлечения; если ему до сорока-сорока пяти лет, бывает, что не пришла еще жизненная зрелость, не выстоялся характер, или, наоборот, застоялся в нецерковных привычках и ценностях. Много подобного и другого может быть.

При этом батюшка может не отдавать себе отчета, что с ним происходит, не знать, что вообще может происходить с верующим человеком по мере продолжения им церковной жизни, не ведать о жизни духовной, не чувствовать аскетику, напротив, безотчетно противиться ей, разбавлять ее, ту, что помимо его воли задается уставом Церкви, послаблять ее для себя и окружающих, не зная при этом ее настоящих смыслов, действий и плодов. Со временем ко всему этому может прибавиться обывание, т.е. восприятие служения и церковной жизни как чего-то привычного, внешне исполняемого, с постепенной потерей благоговения, ревности духовной, жажды Бога. Затем пойдет процесс обмирщения, т.е. превращения церковных действий в ритуал, привычный, доведенный до возможной простоты и регулярной последовательности; либо обмирщение пойдет в другую сторону – умножения внешнего лоска и богатства храма, облачений, богослужения при потере или незнании внутренней нравственно-духовной жизни; еще хуже, если обмирщение поведет вообще в сторону от храмового служения – в разные житейские дела, увлечения или, казалось бы, жизненные необходимости: огород, сад, хозяйство, машина, дом, дети, друзья, знакомые и др.

Подобное развитие атмосферы в доме может сильно осложнить жизнь для матушки. Тем более духовная ревность приобретает в этом случае особые условия для постоянного горения Богу как за себя, так и за батюшку, так и за детей. Нужно будет прилагать немало усилий, чтобы сохранить в доме лад. Нужно будет обретать нравственную и духовную мудрость, чтобы, как минимум, поддерживать в батюшке самые наипростейшие смыслы церковной жизни, о которых он сам немало знает и говорит с амвона, но которые так и не вошли в кровь и плоть его личной жизни. Не задевая его самолюбия, как каплями живительной влаги, напоить его разум, его сердце, веру и совесть, чувство долга тем добрым откровением, которое вдруг останавливает человека в его худом стремлении, приоткрывает ему живую правду и божественную реальность жизни и дает неожиданное переживание и размышление, преображающие душу, переплавляющие ее в новую жизнь. Это будет происходить медленно, порой очень медленно. Но оно должно происходить. Иначе враг рода человеческого будет праздновать свою победу.

Каждое утро в своих утренних молитвах мы молимся: «Да не убо похитит мя сатана и похвалится, Слове, еже отторгнути мя от Твоея руки и ограда; но или хочу, спаси мя, или не хочу, Христе Спасе мой». И перед сном в вечерних молитвах мы просим: «Вем убо, Господи, яко недостоин есмь человеколюбия Твоего, но достоин есмь всякого осуждения и муки. Но, Господи, или хочу, или не хочу, спаси мя». Об этом же пусть молится матушка за своего батюшку. Просит за него и днем, и ночью, на всякий час и на всякое время.

Где взять ей силы для этого подвига, где самой найти утешение в житейских болезнованиях от скорбей ее семейной жизни? Во Христе и нужно черпать силы, во Христе и искать утешение. А иначе – зачем мы христиане, иначе чем мы отличаемся от других, неверующих или в иное верующих людей?

Духовную ревностью нужно идти за Господом. Сослагаться не только с Ним, но и с Его подвигом любви к людям, с Его страданиями, смертью и воскресением. Нужно услышать сердцем и верою, что любить Господа, значит быть с Ним не только теперь, когда Он сидит одесную Бога-Отца и обещает помогать нам во всяком нашем добром прошении, но быть с Ним и тогда, когда Он страдал за наши грехи, а теперь ныне и присно, по любви Своей ради нашего единения с Ним дает нам разделить с Ним малую часть его страданий.

Любовь наша к Нему ищет этого разделения и не может не разделять. Когда же разделяет, то есть все скорби семейной жизни принимает от Него, как необходимые страдания из любви к Нему, Господь входит в сердце наше Своею благодатью и совоскрешает нас из смерти, из плена этих страданий, растворяя воскресением Своим их тугу и напоая терпением, великодушием и благопопечением о домашних каждую минуту и каждый час жизни. Скорбь и легкость ее несения сочетаются одновременно. И открываются сердцу необходимые слова утешения батюшки, или ободрения его в нравственных и духовных радениях, или буквального подталкивания в его обязанностях перед Богом, перед паствой и перед своей семьей. Все это знает духовная ревность

и всему этому учится, и подвизается, и сама возрастает. Поэтому счастлива та матушка, у которой есть этот дивный дар от Бога.

Иное, если к матушки вера коротка и дар ревности к Богу слабый. Только в первые годы ее воцерковления и то и другое будет гореть в ней. Это действует призывающая благодать, участием которой большинство из нас, будучи неверующим, затем, как-то быстро, в год-два стали верующими. Первое время даже и с большим жаром. Только в этом жаре часть его силы составляется верою, а часть нашим самолюбием. Оно, примешиваясь к вере, дает ей ревность.

Только в такой ревности нет дыхания кроткого духа. Больше огонь притязания. Нет и разума, и мудрости. Больше себялюбивая прямолинейность, стремление исполнить задуманное во что бы то ни стало, упорная настойчивость, пронизанная чувством собственной правоты и правды. Стремление к эрудированности и пользование ею, церковной эрудицией, как в общении с ближними ради того, чтобы убедить их, так и в формировании собственных стремлений, ради того, чтобы осуществить их. Ревность не по разуму. Активность из самоутверждения, не ведающая, что есть сообразовывать свою волю с волей Божией. В этом состоянии матушка может годами не сознавать своего положения, не отдавать себе отчета, в чем пребывает и не слышать внутренних движений души и духа, которые в ней происходят. Слышать, чувствовать и видеть только проявления этих движений, но не их самих и поэтому не знать причину своих чувств, настроений, поступков. Спасает матушку в таком положении веры ее добрый нрав.

Характер душевный

Покладистая, внимательная к нуждам мужа, батюшки, трудолюбивая, ровная в обхождении с мирным характером, она все необходимое по дому будет делать: мыть, стирать, готовить, заниматься с детьми, помогать батюшке, если о чем попросит. Жизнь ее будет в том, что все это она будет делать с радостью, ревностью и любовью. Церковная жизнь будет освящать ее основные душевные занятия, придавать им дополнительный смысл и оправдание.

Жизнь ее все же будет не в отношениях с Богом, а в ведении хозяйства, занятиях с детьми и уходе за батюшкой. Она будет искать помощи Божией, молиться, благословляться у своего батюшки на предстоящий день и, имея за собою благословение Бога, всею душою влагаться в дела дня. Дарования души помогают в таком случае матушке исполнять нужное в благую волю Бога, то есть так, как того требует само дело и материалы, из которых дело делается. Благой волей Своей Бог сотворил все предметы природы и дал им свойства, согласно которым исполненное дело будет иметь добротный вид и строй, будет долговечно.

Если матушка наделена способностями к приготовлению пищи, рукоделию и разному домашнему ремеслу, если имеет чувство уюта, вкус к порядку и чистоте, и за время своей дозамужней жизни

обрела умения вести домашнее хозяйство, а теперь возрастает в них, тогда многое в доме будет делаться хорошо.

Если у матушки есть дарования нравственные, как то попечение об устройении дома ради всех, кто живет в нем, то и коврик теплый ляжет под ноги бабушке, потому что ноги у него слабые, застужаются; и занавески на окна в детскую подберутся плотнее, чем в остальные, чтобы не перегревалась комната из-за южной стороны, и детям было прохладно летом; и все прочие предметы в доме будут подобраны по людям, кому что нужно, что удобнее.

Другой дар души – созерцательная сила, благодаря которой матушка слышит уют, красоту не внешнюю, но ту, сообразную с природой самих вещей и с назначением, для чего они делаются или сделаны, а теперь применяются в доме; чувство благолепия всего, что она устраивает; чувство ладного, когда она одевает, обувает детей, бабушку, себя, чтобы все были по-Божьи ладно одеты: просто, со вкусом, благолепно, т.е. в согласии с нравом и видом самого человека, чтобы одежда отражала его душу, сама же, в свою очередь, собирала его в лучшем.

Третий дар – чувство долга, чувство обязанности и самая глубина того и другого, из которого оба первых исходят – свойство властоустройства, когда человек не может не ответить добром на услугу, помощь или внимание другого. Порой, бывает, один сделал другому совсем немного, да и обязан был сделать, а чувство властоустройства отвечает на всю полноту: я теперь до самой смерти тебе обязан. Обязан – то есть схвачен, повязан обязанностью. Не насильно, но по жизненной и личной необходимости так делать. И будет теперь делать, как сказал. Это свойство души рождает верность, составляет суть преданности матушки своему бабушке, детям. Я по жизнь обязана быть тебе помощницей – так слышит себя матушка в отношениях с бабушкой, дети, я с вами всею душою до самой смерти – так слышит она себя в отношениях с детьми. И не может по-другому быть устроена душа, если ее сотворил Бог, сотворил по Своей благодати и вложил в нее благие свойства. Лишь бы только человек услышал в себе эти дивные дарования Божии и жил бы весь в согласии с ними.

Четвертый дар души – деятельная сила, которая не знает праздности, но вся в трудах без усталости. Не любит играть, не любит сидеть или лежать, не любит пустых и ничемных разговоров, не знает пересудов, сплетен, не живет ими, избегает их; не знакома с ленью, бежит от лени, не будет раскачиваться или мотаться из угла в угол. Всегда при деле.

По темпераменту матушка может быть разной. Одна в трудах стремительная, быстрая: не успели оглянуться, а уж все переделала, все исполнила, во всем навела порядок. Другая в движениях медленная, степенная, однако, и она успевает все по дому. Никуда не торопится, но и у первой ее стремительность не есть торопливость. Вторая делает все ладно, добротное, но и у первой все ладно и добротное выходит, скорость только иная. Обе в деятельной силе, т.е. в чувстве труда и любви к труду, не обделены Богом, потому и лени не знают.

Пятый дар – творческая сила, умение души неповторимо совершать жизнь. Действительно, что бы мы ни делали от души, все выходит по-новому, все чем-то отличается от сделанного раньше. Лишь там, где душа схвачена установками или какими-то обязательствами непременно делать один в один, там она и штампует, сама при этом не живя в своей творческой силе. Либо, бывает, что человек от испуга начинает повторять одно и то же, либо от страха перед наказанием или перед «крутым» характером ближнего запирается в своих возможностях творить жизнь и начинает быть вымуштрованным, как оловянный солдатик. Ты ему одно, он тебе: «Никак нет». Ты ему другое, он тебе: «Как изволисте», или «Как скажете». Да ты ответь по-человечески: «Не могу». Бывает, в разговоре человек постоянно поддакивает тебе или на каждое твое слово кивает головой. Это что-то не в порядке у него с душой. Каким-то страхом и подобострастием она перехвачена. Вот и творческая сила в тисках. Не может он творить жизнь, весь односложный, однотипный. Крайние случаи такой болезненности души описаны в литературе: человек в «футляре», человек-«шинель», -«нос» и другие.

Матушка, наделенная творческим дарованием души, как вода в ручье – сколько ни смотри, не наскучит. Ни один перелив не повторится, а, казалось бы, то же русло, те же камешки на дне, да и вода, не иное какое вещество, одни у нее свойства, прозрачная да быстротекучая. Но в движении неповторимая. Что в деле повтора не будет, что в беседе, что в обхождении. И со всяким человеком она жизнь творит, так что душа его жизненностью окрыляется, оживает, как пробуждается ото сна, и радостно становится всякое дело делать, любую обязанность нести. Разные матушки по-разному этот дар исполняют. Одни тихие и кроткие, скажут – утешат, сделают – ободрят; другие шуточные и веселые, скажут – рассмешат, сделают – как горизонты откроют; третьи серьезные и вдумчивые, скажут – встряхнут, сделают – словно заново родишься.

Все дарования души, сколько бы их не было, одной душе принадлежат, не отдельности какие-то, не разные стороны ее, но каждая свойственна всей душе. Как огонь источает свет и тепло вместе, поэтому и свет тепел, и тепло всегда со светом, так и душа со всеми ее дарованиями так живет, что одно дарование напояет богатством другие, и другие напоят богатством первую. Поэтому, когда трудится матушка, она влагается в труд всеми силами души, какие имеет. Оттого и дело получается добротное да ладное. От деятельной силы в него труд вложен, от творческой – неповторимость, от попечительной – чувство того, кому и для кого делалось это дело, от владавства – верность человеку и делу для него, от созерцательной – благолепие дела. Так же и с остальными силами. Чем богаче человек, тем богаче и добротнее и дело будет исполнено.

Шестой дар души – почитание, благоговение перед большим. Что же есть благоговение? Страх, исполненный любовью. Это дивное свойство души, благодаря которому душа проникается особым отношением ко всему доброму в ближнем, благоговееет перед добром. Даже чувство уважения, признания меньше, т.к. относится к внешнему ближнего и к проявлениям его нрава. Почитание же слышит сам нрав, доброе в нем. Больше того – оно имеет в себе избыточное благоговение, которое дарится другому сверх того, что он заслуживает. Так как это проявление любви, то и отношение к ближнему оно дарит от избытка, даром, наперед. Сила этого чувства в

том, что им один поддерживает в другом его доброе и возвышает другого над собой. Это возвышение придает другому силы, поэтому и дорожит он почитанием.

Почитание близко лежит к взаимоотношению и одного с ним корня. Поэтому имеет отношение и к преданности, и к верности. Последние из него происходят. Господь вложил это свойство в душу человека как начальное и положил заповедь ему с самого младенчества: чти отца и мать твою. И из этого свойства души разовьются многие добродетели.

Хорошо матушке, если в ней есть эта сила души. Ею она чтит батюшку, ею чтит своих и его родителей. Ею же она чтит все угодное Богу в детях своих: чистое и доброе в дочерях, мужественное и великодушное в сыновьях. Услышав со стороны родителей почитание тех или иных своих качеств, дети начинают дорожить ими, лелеют их в себе, берегут и растят. Имея почитание, матушка никогда не впадет в чувственность или душечковость к батюшке, никогда не услышит он от нее какой-либо дерзости, не найдет ее обиженной, не услышит капризов, истерик, не встретит кокетства, жеманства. Все это не свойственно почитанию, и оно гонит из души матушки все такие интонации и переживания.

Обращенное к детям, почитание хранит и развивает в них то, что по достижении возраста составит славу Божию в их характере и нраве. В мальчиках – все, достойное мужчины, воина, гражданина, отца семейства, мужа в супружестве, Божьего человека. В девочках – все, что достойно женщины, жены в супружестве, матери, дочери своего Отечества, человека Божьего. Отсюда в матушке мир, простота и одновременно сила в обращениях с детьми, почти не видимый, но явственно слышимый тон уважительности к ним, ласка и одновременно непозволительность с их стороны неприличного поведения. Это тот тон почитания, который обычно есть между равными и одинаково достойными, и, вместе с тем, незримо, но всегда присутствующая справедливость, по которой детям отведено все же детское место в семье. И это все просто и естественно живет в матушке, как что-то само собой разумеющееся, только потому, что в ней есть дар души – почитание. При таком свойстве матушки невозможно детям сделаться капризными, истеричными, непослушными, обидчивыми, упрямыми. Даже если и есть эти свойства в ребенке, очень скоро они исчезают в нем почти полностью, т.к. матушка ничем, никогда не поддержит их, не разовьет, больше того, даже как бы и не заметит их.

Седьмой дар души – разумная сила, та, которую многие отцы Церкви называют мыслительною силою души. Это не разум, которому свойственно наблюдать внешнее предметов и явлений, а о внутреннем заключать по внешнему. Это то зрение души, которым она проникает в самое существо вещей и явлений, открывает их для себя, во внутреннем взоре своем слышит, что происходит в окружающем ее мире. Этой силе души свойственно открывать существенное мира так, как оно есть, не придумывая, не представляя. Ибо в отличие от нее разум обо всем судит примерно, догадками, почти призрачно, почти всегда сочиняя и фантазируя, добавляя от себя, мечтая.

Разумная сила есть причина мудрости матушки. Благодаря ей она не торопится с результатами, но может предчувствовать, предведать их; слышит, как повести дело, когда и с чем подойти к бабушке, к каждому отдельному ребенку; никогда и никого не раздражит, не обидит; не будет многословна, но всегда скажет просто и точно по делу, обстоятельству или по нраву ближнего; знает, как кого поддержать, всегда с этим будет вовремя, кого и когда утешить, знает и чем утешить; ни перед кем не заносится, всегда скромная, уступчивая, незлобивая, со словом веским, или словом метким, или словом, смысл которого откроется спустя время, тогда удивишься матушке и невольно будешь прислушиваться к ней, уважать, а потом и почитать ее. И все это дается матушке по причине дара Божьего – разумной силы.

Восьмой дар – любовь, сердечная сила. К чему ни прикоснется этот дар, все то наделяется от нее сугубой живостью, теплом, исполняется добротностью и начинает быть в мире с каким-то особым правом на свое присутствие среди вещей и предметов, источая щедрость, возвышенность, благолепие, одним словом, источая жизнь.

Печет ли матушка лепешки, пироги, хлеб – все выйдет пышным, румяным; растит ли цветы дома, сажает ли огород – все подымается сочно, богато; вяжет ли платки, варежки, носки – наденешь и не хочется снимать, так все мягко, тепло, уютно; возьмет ли в руки младенца – только что плакал отчаянно, а тут затих, успокоился, утешился; присядет ли к средним детям, немного поговорит, скажет что-то – и те придут в особый лад души, в котором ребенок укрыт, наполнен ласкою, побудет ли со старшими – и те остепенятся, придут в радушие, благодарность; останется ли с бабушкой – и он услышит мир, а в нем себя, в себе же часть себя, матушку, как свет и славу свою. И все это потому, что в матушке есть любовь.

Девятый дар души – ее вожделевательная сила, вожделение добродетелей, желание добра, воление. Она, как говорит св.Иоанн Дамаскин, является естественным стремлением души к добру, разумным и свободным, т.к. в человеке соединяется с разумом, и душа через нее сама в себе имеет образ предмета, дела или поступка, к которому рождается вожделение, желание. Поэтому вожделение не бывает пустым. Оно всегда напоено предвкушением добродетелей. Более того, приобретая это предвкушение добродетелей, оно и становится вожделением, т.е. разумным и свободным стремлением.

В этом смысле сила эта, коль она есть в человеке, и почему она отличается от похожего в животных, всегда живет и предвкушением и уже единением с добродетелями. Она ими и в них живет, напоая их движением.

Поэтому, влагаясь в добродетели или сочетаясь с ними, вожделение делается действием, имеющим свою цель, и подвигающим в свою деятельность остальные силы человека, в том числе разум, память, тело с его членами, а вовне в деятельность вовлекаются все внешние составы дела или события: материалы, средства, условия, люди.

Три последние дара – разумная, сердечная и вожделевательная (волевая) силы являются, по словам святых отцов, основополагающими силами души. Ими, составляющими нравственные основания, совершается ведущая деятельность души. При этом, в разумную вовлекаются созерцательная и творческая силы, в сердечную вовлекаются почитание и взаимоотношения, в волевою – попечительная и деятельная. Где-то вовлекаются, а где-то ведущие силы сами облачаются другими и через них или в них живут. Из этого складывается все богатство и разнообразие человеческих нравов и характеров.

Матушка, одаренная вожделевательной силой, имеет вкус к добродетельной, нравственной жизни. Это именно вкус, желание жить в добром, потребность души. Больше того, это и сама уже жизнь в добрых делах, поступках, в добром нраве. Это не разсуждение, что добро, что зло, не эмоциональное предпочтение, в котором живет чувственное «нравится или не нравится». Это по вкусу изнутри желаемое исполнение добра. Сама потребность добра вожделевательно живет в душе, ожидая возможности и условий для его осуществления. Но и не только ожидая. Многие матушка делает, потому что предвидит: первое – нужды своих домашних (одежда ли стареет – скоро потребуются новая; пост ли близится – нужно сделать заготовки; трудные испытания наступают – нужно предупредить, утешить); второе – возможность устройства жизни в более удобное, уютное, доброкачественное; третье – необходимость перемены нрава домочадцев из жадности в щедрость, из зла в добро, из неверия в веру. Вожделение деятельного участия в домашних и порождает ее живое присутствие в доме.

Бывает, что матушка в этом неудержима и неутомима. Так сделает, как никто и придумать бы не смог, о таких деталях попечется, на что бы и не обратил внимание. Но вот сделала – и правда, удобно, так удобно, как никогда.

Вожделение воли батюшки – оно одно только и слышит послушание как послушание. Батюшка сказал – примется и будет сделано. Это существенное свойство воли – входить в отношения с волей другого. Не разумом, не разсудком, и не эмоциональным откликом на человека, но непосредственно самой волей. Воление, будучи разумным и добродетельным, свободно ищет и хочет таких отношений со старшими, с большими. Так живут дети в те моменты, когда они принимают от взрослых повеление, совет и сразу приступают к исполнению. Образ дела уже дан в словах взрослого. Они берут его не разсудком, чтобы через него потом включить волю, а может и не включить, пропустив через какое-нибудь самомнение. Они берут непосредственно волей, своим волением, т.е. желанием делать и делать так, как сказал старший.

Как сказал старший – в этом разумность воления. Разумность, т.е. распознавание добра в том, что сказал старший. В грех разумная воля не пойдет. Сразу остановится или воздержится. Свобода же в том, что берут непосредственно, без разсудительных заплетений. Последнее свойственно обычно разсудку, который по природе своей не знает, что есть добро, будет путаться в представлениях и самомнительных разсуждениях, боясь потерять какую-нибудь свою корысть.

Входить в отношения непосредственно или свободно – это значит быть с человеком не через эмоциональное восприятие его: нравится он мне или не нравится, обижена я на него или нет, хочу быть с ним или не хочу. Так ведет себя только та воля, которая повязана эмоциональными впечатлениями.

Свобода же в том, что ребенок легко поднимается от своих увлечений или занятий, не повязан ими, сразу отлагается от своих хотений. Детское воление еще незрело в разуме, но зато исполнено доверия взрослым и потому свободно откликается на действия взрослых. Воление же матушки тем более свободно, чем более оно стало зрелым в разуме. А по внешнему и внутренним чувствам оно такое же: сказали – свободно отложились от своих занятий, пошла и сделала. Потребность послушаться воли ближнего есть внутренняя потребность самого воления.

Этот же свободой матушка, исполняя то или иное дело, всею душою пребывает в нем, оставив все остальные попечения, всю себя посвящая тому, чем сейчас занята. Это тоже свойство свободной воли – предаваться всей душою одному занятию или одному из детей и быть с ним, пока не разрешится или не закончится обстоятельство.

Воля, исполненная разума, чтит нравственные правила и нравственный порядок жизни. Она своим существом узнает эти правила. Принимает их как жизнь свою, и сразу влагается в них, и с этого времени по ним живет. Разумною волею матушка чтит добрые обычаи, которые подмечает в людях, в своем народе и в той старине, которая сохранила их либо в виде книжных описаний, либо в рассказах старших, либо в их поступках и делах. Почитание обычаев старины – одно из важных свойств свободной воли. В воле почитание это всегда деятельное, ибо чтит вождение, которое обычаи не созерцает и не рассказывает о нем, восхищаясь или умиляясь ему, оно без слов приемлет его в исполнение и просто начинает им жить. Жизнь в добрых обычаях для вождения – сладость.

Воля теряет свою свободу, когда начинает повязываться эмоциональными и чувственными впечатлениями: близость с мужем, пережитая со страстью, роды ребенка, кормление его грудью – все это сопровождается сильными впечатлениями. Воля оплетается пережитой сладостью и удовлетворенностью чувственного материнства и поглощается ими. В результате матушка может говорить: «Сын уже два с лишним года, а я никак не могу оторвать его от груди. Весь изводится в реве, чтобы я дала ему грудь».

На деле же не в ребенке дело. В самой матушке. Ее волеию хочется жалеть дитя, испытывать сладость его сосания груди, доверяться оправданию, что так хочет ребенок, а она, мол, вынуждена идти на поводу у него. На ребенка же смотреть больно. Малодушный, чуть что – в истерику, весь прилепленный к маме, не отпускающий ее ни на минуту, часто заплаканный, мало к чему открытый. Вождение ребенка повязано и пропитано чувственной привязанностью к маме. Вождение мамы тою же привязанностью пропитано к ребенку. Оба даже слышать не

хотят о правилах поведения в храме или в гостях. Неприлично ребенку такого возраста сидеть все время на руках у мамы, тем более в обществе взрослых. Но ни ребенок не слышит этого, ни мама как бы не может это услышать. Попробовали отговорить ребенка – отвернулся, надувшись, попробовали оторвать – поднял рев на весь дом, да еще такой горький, как будто жизни лишают. Так и оставили их слепленными друг с другом.

В таком состоянии воля самую себя не ведает. Она живет, вся движимая множеством разных чувственных впечатлений, полученных и удержанных за все время жизни, начиная с раннего детства. Нрав взрослого человека весь соткан бывает привычными и малосознаваемыми движениями воли. Движения эти малоуправляемы и почти непреодолимы, даже если человек начинает их сознавать и каяться в них, они, тем не менее, многими годами могут оставаться с ним. Поэтому одна матушка может, чуть что, впасть в уныние, другая, напротив, начнет, пинаться в ответ, третья кокетничает, четвертая сердится и норовит подраться, пятая дразнит, злит ближнего, шестая впадает в тугое молчание, седьмая сразу кидается в слезы и прочее. К чему с детства навыкла воля, то и вошло в характер.

Любое худое навывание происходит из-за потери разума. Воля перестает быть разумной, либо она с самого детства и младенчества и не была приводима воспитанием в разум. Такая воля оплотняется, что значит – предается неразумным, т.е. негодным Богу желаниям, которые могут вообще выродиться в животные стремления. Человек перестанет быть человеком. Еда, зрелища (например, телевизор), сон, праздность, азартные занятия (игры подвижные, а теперь еще и компьютерные) вот и все, что будет занимать ребенка, а потом и взрослого. У последнего прибавятся еще и блудные услаждения и развлечения. Начнется у человека скотоподобная жизнь. Воли здесь нет, она потеряна, т.к. она лишилась своего существенного свойства – разумности. Повязанная плотью, лишилась и свободы – второго ее свойства.

Вместо воли теперь в человеке безволие и животность, грубо сказать оскотинивание. Крайние случаи потери воли – алкоголики и наркоманы. Это потеря человеческого.

Не менее трагичны состояния людей, повязанных чувственной привязанностью друг к другу. Одному очень хочется досадить другому, тому непременно хочется ответить. Смолчал бы, может быть и прекратилась ссора. Но нет, терпел-терпел и все же ответил. А тому только этого и надо. И ссора будет разгораться обоюдным желанием непременно довести ее до точки кипения. А уж в кипении ни ты, ни другую повязанность воли не удержать.

Собственно, воли здесь и нет. Одна повязанность воли в психопатическом желании, которое действует неостановимо, из самой глубины души (еще бы – это ведь девятая, наиболее глубокая ее сила). Привязанные друг к другу различными психопатическими отношениями, супруги могут годами устраивать один другому самую неожиданную и малопредсказуемую жизнь, правда, в каждой семье разыгрывается при этом свой, вполне узнаваемый вариант отношений (свой

сценарий). Начало этих сценариев закладывается матерью в душе своего ребенка в его младенческом возрасте. В подростковом возрасте сценарий этот пройдет свою первую самостоятельную пробу, в том числе и на самих родителях, а в собственном супружестве выросшего ребенка раскрутится с утроенной силой, обычно большей, чем заложила мать. Но так бывает там, где нет разумной воли.

Поэтому счастлива матушка, имеющая от своих родителей и от их воспитания свободную, разумную волю. Особенностью ее будет естественное склонение к добрым обычаям и нравственным правилам. Более того, в самой воле явится в ней образ верного отношения и поступка, при котором ближние невольно подтянутся в своем благородном, в своем лучшем – будь то дети или сам батюшка. Нет в этом движении воли кичливости или надмения, нет своеугодия. Напротив, она исполнена кротости, послушания, одновременно деятельного участия, попечения и помощи. В этих движениях ее жизнь, ее потребность и ее удовлетворение. Но такую волю невозможно обрести без действия благодати Божией. Без Бога ей нечем высвободиться из плена страстей, начало которым положено еще в самом зачатии и родах: «И во гресех роди мя мати моя»(Пс. 50). Благодать же вначале призывает воление человека к церковной жизни. Без существенных перемен в себе воление человека воскрыляется благодатью к духовным действиям: он читает книги, молится, постится, ходит на службы, участвует в таинствах. Вера пробуждается в нем и воскрыляет волю.

Но скоро наступает переходный период, когда благодать сокрывается в сердце, и воля остается при угасающей вере. Матушка остается один на один сама с собою. Вся ее телесная и чувственная обремененность, плотность начинает набирать силу, возстанавливаться в прежнюю свою греховную живость. Воля расслабляется, угасает, теряется ко всему церковному и при этом начинает довлеть ко всему животному или мирскому, или к тому и другому вместе. Это переходный период от призывающей благодати к собственно воцерковлению. Время самое опасное для людей «званных». Время, когда большинство из нас нуждаются в сугубой помощи со стороны. При этом, для многих людей одних богослужений и проповедей оказывается недостаточно. Процесс обмирщения будет идти неудержимо.

Нужна церковная среда – окруженность людьми духовно более зрелыми, ревностными в вере и по нраву своему попечительными о ближних. Нужен задаваемый средою, более активный образ церковной жизни, опережающий и увлекающий за собой церковный уклад. Нужны действия воцерковления – уразумение учений Церкви, разумение себя, жизни, служения и сообразование своей воли с волей Бога, со святыми, с церковными людьми и обычаями Церкви. Все это должно бы совершаться в жизни церковной общины, которая и становится общиною благодаря всем, в том числе и вышеперечисленным, действиям.

Действия уразумения, разумения и сообразования – это, в конечном итоге, и есть действия обретения разумной и свободной воли. Такая воля облекается верою и вновь начинает оживать, подвигаться в церковную жизнь, но теперь уже не воскрыляемая благодатью, а движимая по причине своей свободы и разумной веры. Благодать незримо содействует человеку в этом

обретении самого себя, где он сначала приходит в себя и затем обретается в церковную жизнь. «Пришед в себя и обретется», – говорит Евангелие о блудном сыне.

Сообразование своей воли с волей Бога есть процесс, когда воля не только облачается верою, но напояется ею. Стремление к воле Божией, исполнение ее становится внутренней потребностью человеческой воли. Разумная воля человека сообразуется с разумной волей Бога, т.е. сначала облачается ею, а затем с годами церковной подвижнической, самоотверженной жизни напояется волей Бога как своей. Сообразование было бы невозможно, если бы Господь не вложил в волю человеческую вожделение, воление Божией воли. Так же, как воле по ее природе свойственно тянуться «делать жизнь с кого», т.е. к старшим и большим по опыту жизни, так же и больше того ей свойственно тянуться к Богу, к Его Божественной воле. Это природная потребность воли человека. И в этой потребности больше всего выражается ее свобода. Поэтому Господь именно волею, т.е. нашим волением, вожделением, и из него исходящим послушанием, призвал нас прийти в мир и в отношения с Богом-Отцом. Не будь этой природной потребности воли к послушанию Богу – невозможно было бы и наше послушание Господу, а равно наше обжение и, в итоге, усыновление Богу-Отцу.

Дивно, если матушка все это слышит своею волею. Тогда послушание батюшке будет исходить из ее веры и послушания Богу. Тогда этому она сможет научить и своих детей. Авва Дорофей пишет в своем девятнадцатом поучении: «Кто не имеет своей воли, тот всегда исполняет свое. Поелику таковой не имеет своего желания, то, что бы ни случилось, он всем бывает доволен, и так оказывается, то он всегда исполняет свои желания; ибо он не хочет, чтобы дела исполнились так, как он желает, чтобы они были, как будут».

Греховные покровы сердца

Святитель Феофан Затворник пишет о греховных покровах сердца. «Самый глубокий и ближайший к сердцу покров составлен из самообольщения, нечувствия и беспечности; выше над ним, ближе к поверхности, лежат рассеянность и многозаботливость (к ним добавим еще и дерзость – А.Г.), главнейшие деятели, скрывающие и питающие грех и греховные обычаи и порядки; самый верхний покров – это преобладание плоти – покров более других видный, не менее однакож их сильный и значительный»¹. Этими греховными покровами поражены и сильно извращены все силы души. Покровы паразитируют на них, искажая весь добрый характер наш. Порою настолько, что человек, читая данное выше описание сил души, будет удивляться им, узнавая их предчувствием или предведением, но ясно отмечая в себе лишь отдельные, да и то малые их проявления. А о многом скажет – как хорошо бы это иметь, но у меня их нет.

Счастлива матушка, если от природы и по воспитанию в ней есть те или иные дарования Божии. Чтобы все они были у человека – явление редкое, я не встречал. Но чтобы какие-то были из них, и

при этом очень выражено – это знаю и дивлюсь, как Господь с любовью разсыпал свои дары среди людей, рассыпав, сохранил, мало того, взрастил и воспитал.

Есть, есть такие люди, и есть матушки, даже при всей сложности их характера, имеющие в себе среди всего порой сложного нрава, как бисер, вкрапления чудных сил души.

Но семейная жизнь – явление трудное и непростое. Самое опасное в ней – привыкание к церковной жизни, за ним сразу следующее – обмирщение, которое может завершиться полным или сильным оставлением самой церковной жизни. А там может потянуть и вообще к жизни светской.

У одних – к получению образования в каком-нибудь светском институте. Образование само по себе дело, может быть и нужное, но за ним стоит весь дух, вся атмосфера светского учреждения и светского характера применения преподаваемых знаний и предметов. В этом-то и окажется все дело. Душа этой-то атмосферы и будет желать, а, погружаясь в нее, как бы оживать, возвращаться к красочной и как бы вкусной жизни, отгоняя от себя всякое подозрение, что это жизнь, удаленная от Церкви, а по духу противная Богу.

У других появится тяга к музыке, музицированию, слушанию классики, к чтению каких-нибудь романов, к фильмам и к разным зрелищам по телевидению. Третьи просто погрузятся в дом, быт, в хозяйство. Четвертые предадут себя целиком детям и будут радоваться вместе с ними, устраивая разные земные дела и утехы.

За всем этим, внешне вполне приличным и может быть, даже и добрым жительство, будет скрываться процесс обмирщения, т.е. все большего преобладания и развития греховных покровов сердца. Что же будет?

Прежде начнет набирать силу плотный покров сердца. В доме появится достаток. Добротная пища, одежда более-менее приличная, удобства быта, там, глядишь, машина у батюшки, свой дом, свой огород, свое хозяйство. У каждой матушки что-то свое будет забирать в довольство жизни. Недовольство будет рождаться уже от этого внешнего довольства. Того-другого начнет быть мало – вот и недовольство появится. Аппетит приходит незаметно. Всего три-пять лет прошло, а матушка уже может забыть, как они начинали. Какая скудость была во всем, но как-то не очень замечалась. А уж чтобы через нее складывались какие-то смыслы жизни, или скудость эта вмешивалась в отношение ее с батюшкой, такого и в помине не было. Теперь же все по-другому. Значение материальной, а через нее плотской жизни становится все более серьезным и заметным. А чувство радости, довольства, утешенности будет все более связываться с плотными переживаниями.

Покров плоти, прежде всего, сказывается на творческой, взаимоотношной и деятельной силах души. В творческой силе творение жизни в отношениях с Богом и с ближними начнет гаснуть. Живое обращение к Богу, естественные воздыхания к Нему в ходе дня, где просительные, где покаянные, а где-то славящие или благодарные – все это сменится вычитыванием правил, да и те все больше будут делаться наскоро, сокращенно, а то будут и совсем опускаться.

Живое начнет быть механическим. Различение канона, акафиста, псалтири и Евангелия по их характеру влияния на душу, живительное прибегание в одних обстоятельствах к одному из них, в других – к другому – все это остынет, и не будет разницы, что читать, или останется чтение одного из них, остальные отойдут, или все отойдет, так что душа уже не будет иметь потребности ни в том, ни в другом. Поблекнет в богатстве содержания и красоты богослужение. Появится привычка его хода, как бы известность повторяющихся молитв и песнопений, ум обвыкшим вниманием будет скользить по их содержанию, порой, совсем не слыша их, порой улавливая отрывки, порой отмечая через них свое пребывание на службе, ради оправдания своего звания «я христианка, я матушка – надо быть на службе, и я есть». Поблекнет чувство вседневного пребывания в Боге, с Богом и к Богу, живое наблюдение Его Промыслов, исчезнет ткань жизни с Богом, перестанут чувствоваться и соиздаваться церковные праздники, потеряется их связь, содержательное и деятельное восхождение от одного к другому.

Подобное оскудение творчества жизни будет совершаться и в отношениях с детьми, с бабушкой, с прихожанами. Неповторимые, неожиданные и живительные движения мыслей, чувств, поступков, которыми переливалась, как бриллиантовыми гранями, жизнедеятельность матушки, померкнут, она войдет в однообразный тон и порядок отношений с ближними, с неизменным и изо дня в день похожим содержанием и действиями. Матушка сделается скучною, белесо-серою, не жизнотворною. В доме начнется беспорядок, т.е. порядок бесов, станет неуютно.

Скажется плотяный покров и на силе взаимоотношества, чувства долга. Начнет появляться душевная усталость, досада на себя, на бабушку, начнутся раздражения и срывы на детей. Появится очень разрушительное чувство одиночества, брошенности. Бабушки нет, одна с детьми. Он придет – ни помощи от него, ни поддержки. Хотя, конечно, он очень старается, на самом деле помогает и участвует, и любит. А все равно мало. Из месяца в месяц это чувство «мало» будет расти.

Вместо взаимоотношества от себя к нему поселится требование взаимоотношества от него к себе. Прямо противоположное настроение. Вражде. Но оно будет захватывать с правом очевидности и нарастающим акцентом на себе: «Что я, нанялась что ли, сколько это будет продолжаться, другим можно жить, а я почему должна здесь чахнуть и погибать? Я обязана, а он не обязан? Что, чувство долга относится только ко мне одной, а он может без этого чувства быть? Ну и что, что он снял обручальное кольцо, вместе с ним и все человеческое тоже снял?» Хуже всего, в ее сетованиях будут доля правды или большая правда из-за худого поведения бабушки. Чем тогда ей поддержать себя? Самим чувством долга и самим взаимоотношеством. Этот драгоценный дар Божий

нельзя терять, нельзя отдавать его на поругание плотяному греховному покрову. Нужно хранить его в себе, жить им и им слышать и воспринимать свое положение в семье.

Бывает, матушка пытается верою сохранить свое настроение. Уговаривает себя смириться Богу, терпеть ради Христа. Какое-то время будет получаться, а дальше смысл этих слов – смирения, терпения – начнет гаснуть и уговаривания себя сделаются пустыми, нежизненными. Это значит, что без нравственной силы души выжить не получится. Чувство долга и взаимоотношения все равно нужно будет в себе возстанавливать и развивать. И уже имеющееся освящать верою. «В христианстве, – пишет свт.Феофан Затворник, – все естественное не ценно по причине порчи естества в падении. Освяти свое добро верою во Христа Спасителя и жизнь по сей вере, тогда и посмотри на него, как на добро»². Значит, само добро нужно иметь, чтобы было что освящать верою. «Предлежит труд над собою, – говорит святитель, – труд очень сложный. Все, впрочем, относящееся сюда совершается в двух поворотах свободы: сначала в движении к себе («пришел в себя»), а потом от себя к Богу («и обретется»). В первом человек возвращает себе потерянную над собою власть, а во втором себя приносит в жертву Богу – жертву всеожождения свободы»³.

Паразитирование плотяного покрова на деятельной силе приводит к разленению. Деятельных сил нет, но матушка действует, потому что плачет, заливаешься ребенок, или раздражается, ругается батюшка, или должны прийти гости, или сама себя уговорила, что надо делать. От этого всего сил не прибавляется, или они бывают порывами – то есть, то нет. И невозможно ни предсказать, ни предугадать, когда они будут, когда нет. В доме начинает быть неприбрано, вещи разбросаны, нет порядка, нет чистоты. Матушка не успевает. Мечется от одного дела к другому, потом начинает оставлять дела, то одно, то другое, ограничивается на малом их числе, остальное пускает на самотек.

Либо в довольстве жизни начнется лень, долгое пребывание в постели по утрам, избегание трудов и склонение к праздным занятиям, использование сверх меры домработницы или под разными предлогами ничем необъяснимое привлечение кого-либо из прихожан, детей гимназии или воскресной школы. Появится вялость жизни, потеря бодрости, тонуса. Начнется тучность тела, склонение к душевным занятиям и оставление духовных. Все больше будут развиваться телесные, а вслед за ними чувственные грехи: сластолюбие, чревоугодие, блудные потребности, сребролюбие, потребность комфорта, самоугодие, жадность, ревность, раздражительность, обидчивость, истеричность и прочее.

Либо наоборот, будет развиваться трудовая активность, но все ради плоти. Увлеченность хозяйством, комфортом, удобством дома, занятость шитьем, готовкой пищи. Все против молитвенных занятий, с пропуском богослужений, оставлением таинств и всего церковного. «Грех разлучает между Богом и человеком, – говорит свт.Феофан. – Человек, отходя от Бога ко греху, не ощущает своей зависимости от Него, живет себе, как будто он не Божий и Бог не его, как своевольный раб, бежавший от своего господина»⁴. Преодоление плотяного покрова есть утеснение тела. «Возьмись за него, – призывает нас святитель Феофан Затворник, – откажи ему в наслаждениях и удовольствиях, стесни удовлетворение самых естественных потребностей, ...как

хочешь и как можешь, облегчи плоть, утончи ее дебелисть. Этим душа высвободится из связности веществом, станет подвижнее, легче, приемчивее для впечатлений добрых»⁵.

Но больше того дает удержание и развитие самих дарований Божиих: творческой, взаимодейственной и деятельной сил души с непременным освящением их делами веры: молитвою, постом, богослужениями и таинствами. Что хочет пусть матушка делает, но эти четыре действия веры не должна оставлять. Равно и три силы души пусть удерживает в себе во что бы то ни стало. Трудно это. Но на этот труд мы и родились и живем на земле. Собственно, больше ни для чего земная жизнь и не нужна нам, как только для того, чтобы освящаемые верою восстать в своих дарованиях из плена греха и во Христе сделаться чадами Божиими. Это возможно, если жизнь свою всю превратить в подвиг. Если не так, останется одно – обывание, обмирщение и, в конечном итоге, отступление.

Второй уровень греховных покровов поражает три другие силы души – созерцательную, почитание, попечительную.

На созерцательной силе паразитирует рассеяние. Ум постоянно колеблется от мысли к мысли, плавает в разных представлениях, ищет разнообразных впечатлений. Вся душа вовлекается в действия этого покрова. Так бы созерцательной силой душа собралась бы на одном предмете, в одно содержание, жила бы одним впечатлением, созерцая красоту, лепоту, нравственную глубину и духовную возвышенность того, на что обратила свой внутренний взор – на явление ли природы, на предмет ли какой, на человека, на святого ли в молитве, Матерь Божию или на Господа, но, перехваченная покровом рассеяния, с тою же силою будет искать легких, внешних и чувственно ярких впечатлений, перебегая от одного впечатления на другое. Ей будет нравиться эта переменчивость новостей, известий, она будет с жадностью впитывать все «новенькое», особенно слухи, пересуды, т.е. новые известия о разных знакомых и незнакомых людях. В этих известиях будет нравиться что-нибудь эдакое. Когда же сама дальше будет додумывать услышанное, в один миг представит что-нибудь за край выходящее, чтобы пережить хоть маленькое, но потрясение в своих эмоциях. А когда будет передавать дальше, непременно приукрасит или сгустит краски, добавит что-нибудь свое и переживет особое услаждение и удовольствие в сердце, когда эту новенькую подробность, на ходу изобретенную, будет рассказывать кому-либо. Неудивительно, что при таком состоянии сердца невозможно сколь-нибудь сосредоточенно молиться, ни дома, ни тем более на службе.

Покров рассеяния рождает особую любовь к газете. Множество мелких новостей, пикантные подробности. Даже в православных газетах мы будем искать живое, разнообразное, короткое и сильное для наших впечатлений. Не находя такого или вчитываясь в содержание, требующее разумного, вдумчивого чтения, скоро придем в скуку и даже в душевное отвращение, душа отложится и не захочет больше раскрывать этих страниц. Сплошные большие тексты будем перелистывать и радостно останавливаться на пестрых страницах. Собственно, газета и построена на обслуживании покрова рассеянности. У нее такой жанр.

Журнал – жанр уже другой. Он требует чуть-чуть, но разумного труда. Для этого нужно любить такой труд, т.е. быть свободным хотя бы сколько-то в созерцательной силе от покрова разсеяния. Давно замечено, что любители газет не очень жалуют классику, мало читают или вообще не читают ее, особенно игнорируют классику созерцательную: картины художников, скульптуру, зодчество, в народном ремесле – росписи.

Такой человек не находит для себя созерцательной пищи в иконах. Разве что верою обращается к ним. Сами же создатели произведений искусства или иконописцы, схваченные этим покровом, т.е. живущие либо внешней церковной жизнью, либо вообще не живущие ею, будут творить что-нибудь внешнее, лубочное, на непритязательный вкус, произведения-временки, может быть даже и очень яркие и даже модные, но на миг. Такими же будут и иконы их. Внешне будет все хорошо, а дыхания вышнего не будет. Сейчас много таких икон пишут по храмам.

Подобным же будет и пение. Народные песни для покрова разсеяния неинтересны, скучны, особенно многокуплетные, с простым напевом. В церковном пении будет искаться что-нибудь эдакое, «живое». Во время пения будет желание как-то приукрасить, сделать ли росчерк в конце мелодии, мелодическую виньетку какую-нибудь добавить, или тоном музичировать. Потеря созерцательной силы приводит к угасанию вкуса к разумному пению и не чувству в мелодии разумевательного богатства. Пение начинает быть чисто мелодическим.

Самым верным признаком греховного покрова разсеяния будет тяга к телевизору.

Дело в том, что сама по себе созерцательная сила души, как и любая ее сила, входит в отношения с тем, что есть реально. Реально же есть в мире только то, что сотворено Богом или в творении чего участвует Господь. Все остальное, к чему Господь не причастен, является как бы действительным, а на деле эфемерным, призрачным, ложным и временным. Видимость же реального может сохраниться, самое большее – до Страшного суда. Не все дела, какие мы совершаем на земле, Господь принимает. Все корыстное, скверное не примет Господь; даже храмы, в которых участвуют нечистые деньги и приношения, оскверняются ими. Не все принадлежит Господу. После второго пришествия Христова вся ложь обнажится и сгорит, а то, что стало необратимым извращением существ, то будет изгнано в геенну вечную.

Разумная сила души и дочерняя от нее – созерцательная – не могут этого не ведать. Ведение правды, ведение истины является существом самой души в ее боготварной природе, и открывается душе в дыхании Святого Духа. Поэтому, будучи свободной от греховных покровов, душа слышит Божий мир и отделяет не Божие от Божьего. Не Божиим она не живет. Живет только Божиим. Естественно душе созерцать живую природу, наблюдать окружающий природный мир – ландшафты, животных, растения, рыб, насекомых. Естественно созерцать людей, их жизнь, добрые нравы, обычаи созерцать мир церковный – богослужения, храмы, утварь, иконы, книги.

Естественно созерцать и творения человеческие – дома, мебель, машины, утварь, одежду – все то, в чем совершается благая воля Бога.

Если же душа начинает жить не Божиим, значит, она перехвачена греховным покровом. Только через него возможно жить ложным. В наши дни враг искушает людей самым массовым и сильным оружием погибели – телевизором, а вслед за ним – компьютером. Не сами аппараты враждебны человеку, но то, что идет через них, и механизм зрелища, в который человек вовлекается. Для покрова рассеяния телепередачи и компьютерные игры – лакомая пища. Неудивительно, что человек, имеющий этот покров, буквально жаждет припасть к телевизору или компьютеру. Отлученный от них какими-нибудь обстоятельствами, он до острого голода испытывает сильнейшую тягу к ним. Освободившись, стремится к телевизору, припадает, и его уже не оторвать.

Механизм зрелища заключается в том, чтобы жить и наслаждаться иллюзорным, наигранным, представляемым, страстным. Через покров рассеяния, паразитирующий на созерцательной силе, идут сейчас самые сильные вовлечения в страстную жизнь – блудные картины, теледействия, вид обнаженных фигур, в агрессию – погони, драки, убийства, звериный азарт, крики, визги; в чувственные психопатические отношения между людьми – семейные ссоры, любовные интриги, друг друга надувательства, комиксы, комедии, психопатические привязанности, притязания, предательства, глумления друг над другом, – чем только ни наполнен сегодня экран; в праздность – аттракционы, шоу, рекламы, азартные викторины, телеигры; в праздное азартное слежение за новостями мира – последние новости, известия, репортажи с места происшествия... Всем этим увлечен сегодня весь нецерковный и частью церковный мир. Враг торжествует.

Мощь греховного покрова рассеянности столь развита в людях, что даже обильное от Бога преподавание людям призывающей благодати, которое мы имеем сегодня, спасает лишь немногих. Это те, кто имеет природный вкус жизни по созерцательной силе души и по ней внимают Богу и Его присутствию в мире. Поэтому они не увлеклись телевизором и компьютерными играми.

Другие же ревностью к Богу преодолели давление греховного покрова рассеяния и вместо телепередач прилепились к молитве. Но очень много людей по истечении нескольких лет ревностного обращения к церковной жизни, с началом переходного периода, стали гаснуть в вере и погружаться в свое старое. Среди старого у них, в первую очередь, был возвращен к жизни телевизор. И теперь они имеют множество оправданий, почему он им нужен.

Конечно, не все в нем плохо. Есть сегодня хорошие видеофильмы православного содержания, есть записи бесед священников, епископов, имеющих важное катехизическое значение. Более того, мы сами в своем Свято-Сергиевском училище снимаем и создаем сейчас фильмы, рассказывающие об общинной жизни училища, ее устройении, событиях, плодах, которые обретают учащиеся и сотрудники.

Это живые картины нашей жизни, более полной, чем на приходах. Цель ее – деятельное, т.е. разумное и искреннее участие в содержании церковных богослужений, праздников и богослужебного годового круга. Подготовка к празднику, сам праздник и последующее восхождение к следующему церковному событию – об этом рассказывает, например, фильм «В Рождество рожденные». Здесь три части, каждая по продолжительности почти полтора часа. Другой фильм о Великом посте и Пасхе, есть фильм о детских Рождественском и Пасхальном праздниках, их таком устройении, когда дети пребывают не в зрелище, а живут на празднике всей полнотой разных дарований и способностей души. Два больших фильма о летних трехнедельных поселениях – детском и семейном.

Фильмы эти сделаны нами для проведения огласительных, катехизических занятий. Они рассчитаны на внимательного, вдумчивого зрителя, ревнующего о церковной жизни, открытого на жизнь Церкви в ее внутреннем содержании. Поэтому они требуют для просмотра специально выделенного времени. Если смотреть их между делами или в спешке, значит, ничего не услышать – ни смыслов, ни содержания, ни дыхания самой церковной жизни*. Разумное использование телевизора еще как-то может оправдать его присутствие в нашей жизни.

Очень силен сегодня в людях покров дерзости – нечувствие Божьего и потому отсутствие благоговения перед Блжшим – перед старшими по возрасту, по чину, перед Блжшим жизненным опытом, перед мальчиком, юношей, мужчиною, мужем со стороны девочек, женщин, матерей, перед благолепием природы, перед святынею. Покров дерзости может неприметным образом входить в отношения матушки со своими детьми, особенно с сыновьями, и с мужем-батюшкой. Он входит вслед за чувственными отношениями, под их прикрытием. Чувственные отношения, будь то с детьми или с мужем, всегда пригашают дарования души, ведут к нечувствию их. При этом дарования души начинают терять свою жизненность, в них самих развивается нечувствие к тем свойствам ближнего, перед которыми душа приходит в благоговение.

Дерзость не слышит достоинств, по которым мальчик, например, отличается от девочки своим нравом. Внешние отличия видит, чувственное в мальчике различает, а мужское его, мужественное, не чувствует. Получается, что на уровне нрава для матери оба ребенка, и мальчик, и девочка, не различимы. Она различает их по полу только на уровне чувственном. Обращаясь к ним в том, что она, мать, чувствует, она будет именно эти свойства поддерживать, развивать, даже сама себе в том не отдавая отчета. А базисные свойства – мужественное у мальчика и женственное, т.е. кротость, нежность, верность у девочки – мать ни поддерживать, ни развивать не будет. Только потому, что она в них не живет, не слышит их в своих детях. Почитание, которое все это слышит и чувствует, перекрыто дерзостью и пребывает в дебелим состоянии.

При постепенном развитии покрова дерзости у матушки в какое-то время может проскользнуть небрежение, невнимательность, нечуткость, в какой-то день прозвучит слово уничижения – полушуткой, полупонамеком, потом все более явно, с извинкой, издевкой, иронией, а там и вовсе

открыто: обзывательство, прозвище, ругательство. В поведении может появиться вольность, жеманство, кокетство; или резкость, прямолинейность, грубость; или напор, настаивание на своем, «наезд»; или обидчивость, истерики, мстительность; или взгляд дерзкий, голова вскинутая или выпяченная вперед (подбородком), брюки в обтяжку, короткая юбка, платье без рукавов, голова ничем не прикрытая; или раздражительность, ворчанье, ропот; или злословие, пересуды о своих домашних с подругами; или ревность, зависть, жадность; или непокорность, лень, непослушание, ложь, привирание, приукрашивание; или лукавство, извращение сказанных слов, коварство, гнев, предательство, бросание дела, зависимость от настроения, вспыльчивость, или равнодушие, мечтательность, нерадение о делах, безответственность. Все это проявления и плоды дерзости.

Сильно сказывается дерзость на молитвенном настроении. По причине дерзкого нрава мы в большинстве своем не имеем страха Божьего, долго можем ходить в неведении, что значит угождать Богу – слова эти будут для нас иметь неопределенное содержание, тем более будет неясно, в чем это свою волю соотносить с волей Бога, а чтение книги «Илиотропион» будет откладываться на потом, или чтение будет очень тужным, со множеством трудных для разумения мест.

Много сегодня людей, которые слабо слышат в себе совесть, мало руководствуются ею, либо вступают в отношения с нею лишь тогда, когда она явно нудит их, томит. Бывает это редко и по мелочам. Остальное же время человек живет совсем не ведая, есть ли в нем совесть. Т.е. это области жизни, в которых совесть перекрыта дерзостью и бессознательно запрещена для проявлений. В этих же сферах жизни не будет и почитания, т.е. различия в ближних ценимых достоинствах. А если достоинства и будут различаться, то не более как с деловых позиций, или ради оценки ближнего, чтобы иметь о нем суждение, или, хуже того, из зависти, ради ненависти, или ради корысти, использования в своих интересах. Но нигде здесь не будет почитания. А это значит, не будет того поддерживающего расположения, при котором добрые свойства ближнего получают то необходимое им питание, напеются тою силою к ним отношения, при которых только и возможно их восстановление и развитие.

Почитание воскрешает, поддерживает и усовершенствует Божии достоинства ближних. Дерзость их унижает, ни во что не ставит, игнорирует, не обращает на них внимания.

Мне приходилось видеть детей священнических семей, разных по воспитанию, но равно не имеющих в себе почитания к окружающим. Это обычно свободные, ничем внешним не ограниченные дети. Они живут так, как хотят, одни уж совсем вольные, не знающие никаких правил поведения, другие в той или иной мере воспитанные в правилах приличия, но и те, и другие живут мимо старших, живут своим интересом, своим характером, своей жизненностью, самим собой. Своего никто из них не упустит. Сделаешь замечание – в разную меру учтивости или совсем уж с открытой дерзостью не придадут ему никакого значения. Что было замечание, что не было. Что есть ты, старший и взрослый, что тебя нет. Такие дети ниоткуда, кроме как от самих

матушки и батюшки, не могут произойти. Дело, значит, в самих родителях, в их способности слышать и ценить достоинства Божии в людях, тогда и в детях слышать и знать, что развивать.

Греховный покров многозаботливости увлекает попечительную силу души от ее ведущих свойств: умения слышать нужду ближних, чутко реагировать на нее и, отложившись на время от всех остальных забот, всю себя посвятить данной нужде. Вместо этого многозаботливость будет носить человека от одного дела к другому, не давая труда, чтобы различить их значение, иерархию, последовательность во времени. «При них, – пишет свт.Феофан Затворник, – одно дело в руках, а десятки в голове».

Этот покров со властью уводит человека и от самого себя. Заботы «гонят его все вперед и вперед, не давая ему возможности осмотреться и взглянуть на себя. Но и тогда, как заботливые дела прекращены, смятение еще надолго остается в голове: мысль за мыслью, то в согласии, то одна другой наперекор; душа разсеяна, ум шатается в разные стороны и тем самым не дает установиться в себе чему-либо постоянному и твердому»б.

Этим постоянным и твердым могла бы быть попечительная сила, поддержанная верою. Но ее нет, вместо нее покров многозаботливости и уверение себя, что все это нужно – и то сделать, и это, и туда успеть, и сюда. Более того, даже будет нравиться такая, как бы насыщенная жизнь. Некогда присесть, где уж там собой заняться, даже детьми сколь-нибудь серьезно, глубоко заняться не получается. Все на бегу. Процесс этот может иметь свое развитие, и дела начнут заматывать, особенно, когда дети маленькие, погодки, один за другим. Нет еще опыта, мало знаний, помощников ни одного. Будет казаться, что вся внешняя обстановка задает такую замотанную жизнь. Возможно, но не в ней только дело. Во многом дело в самой матушке.

Беда, если матушка увлеклась делами, забыла о самой себе, потеряла ответственность за своих детей и не чувствует своих задач перед Богом, перед Церковью, перед обществом и перед самими детьми, но не сегодняшними, а теми, которые вырастут и пойдут по жизни своими ногами. Какими они будут, эти ноги, задает матушка сейчас, пока дети маленькие. Увы, может задавать, не отдавая себе отчета, что делает.

Подобная же бессознательная, безотчетная жизнь может образоваться у матушки в ее отношениях с батюшкой. Покров многопопечительности и здесь может угасить ее чуткость, веру, совесть, и тогда матушка в своих заботах о муже перестанет слышать его нужды, его служение, его попечения. Перестанет слышать его самого: спасается он или нет, трудится ли он над своим нравом, сохраняется ли в духовной ревности, сообразует ли свою волю, свои дела и служение с волей Бога.

Матушка, увлекшись собой и своими заботами, может впасть и в уныние, что никто не помогает, в обвинение батюшки, что он в ней не участвует, в укореение его за разные проступки, невнимательность, даже равнодушие. В этой уязвленности матушка может не обратить внимания, что очередную разборку с батюшкой, а в итоге – скандал – она учинила именно перед литургией, или в тот момент, когда ему уже надо идти на службу. Она самим обстоятельством поставила вопрос ребром: «Кто тебе дороже? Я или служба? Останешься разбираться со мною или, наоборот, оставишь меня всю такую разобранную, побежишь к своим, собирать всех других, кого угодно, а я тут останусь вся разсыпанная и неухоженная? Ну, иди, иди, ты же торопишься, у тебя же служба!»

Не в том дело, что матушку всю «разнесло» – и обида, и досада, – а в том дело, что в ней потерялась собственная ее попечительная сила, разумная, чуткая к служению батюшки и к нему самому, развернутая не к себе, а к нему, и больше того, к людям, идущим в Церковь к священнику, но и того больше – развернутая к Богу, Которому батюшка служит и ради Которого обращается с людьми. Многозаботливость отлагает матушку и от Бога, и от людей, и от батюшки, оставляет ее один на один с собою и с теми делами, которые есть на ней. В этой акцентированности на своей собственной участи матушка не будет слышать всегда присутствующего и благословляющего Господа, перестанет слышать заповеди Божии и свою посвященность вместе с батюшкой на служение людям; вместо посвященности она будет слышать свою обреченность, забудет матушка и все дела и поступки батюшкиной заботы о ней, о семье, пусть не в ту меру, как она того хотела бы, но все же – не без его участия есть у них дом, удобства в доме, еда, одежда, средства для существования.

«Отложи, – настойчиво говорит на этот счет свт. Феофан Затворник, – на время свои заботы, все, без исключения, отложи только на время; после опять возьмешься за обычные дела, только теперь прекрати их, выкинь их из рук, выбрось их и из мысли». Проводи батюшку на его служение, а сама соберись. Разсмотри себя, какие расположения сердца тебе полезны, спасительны, от каких надо отложиться, разсмотри детей, что им полезно, что нет, затем только разсмотри дела, какие из них делать, какие нет, какие сегодня, какие в другие дни. И, будучи собранною в вере и в попечительной силе, разумной, чуткой к Богу, к совести и к людям, начинай делать дела дня, желая их сделать не так, как ты хочешь, а делать так, как они будут. При этом от себя делать все по совести и по попечительной силе.

Теперь в нашем рассмотрении мы подошли к самому глубокому уровню греховных покровов. Свт. Феофан говорит: «Вот ты стоишь теперь у своего сердца. Пред тобой твой внутренний человек, погруженный в глубокий сон беспечности, нечувствия и ослепления. Если человек не отстает от греха и не бежит от него, то это наиболее от того, что не знает себя и той опасности, в какой находится ради греха. Такое ослепление происходит и от невнимания к себе: человек не знает себя потому, что никогда не входил в себя и не думал о себе и своем нравственном состоянии»⁷.

Греховный покров самообольщения дает такое ослепление человеку. Предаваясь власти этого покрова над собою, матушка, неприметно для самой себя, будет отходить от способности к самоукорению.

Может дойти и до того, что вместо самоукорения, т.е. способности принять обличение, затем признаться в нем вслух и идти делать, как говорят, она будет оправдываться, рассуждать на тему обличения и, в итоге, ответно нападать, мол, на себя смотри, сам-то каков.

Сильнейший механизм, который совершается в этом покрове, есть сомнение, которое берется судить обо всем на свете и, соответственно, всем что-либо советовать, вмешиваться в дела, назидать, укорять, пояснять. Равно оно имеет то или иное мнение и о себе. Часть этого мнения сознается, часть нет, остается в подсознании и проявляется в неспособности трезво оценить ситуацию, разумно войти в обстоятельство, в страхованиях, метаниях, иногда в потере смысла дела, жизни.

Свт.Феофан много говорит еще и об установках сознания. «Человек сам по себе составляет некоторую сеть помышлений, систематически закрывающих его от себя самого. За их действительность и истину громко говорит сердце. Это, собственно, наши нравственные заблуждения или предрассудки, происходящие от вмешательства сердца в дела разума. Оно заставляет разум (разумную силу) представлять вещи по-своему, подчиняет его себе, опять вносит беспорядок в понятия и, вместо просветления, в еще большее повергает ослепление»⁸.

Среди разнообразных установок он выделяет сугубо четыре: «я христианин», «да ведь мы не из последних», «мы не так еще худы», «будто я один таков». Это некоторая последовательность впадения в покров самообольщения и, соответственно, разрастания его в душе человека.

а) «Я – христианка» – это восприятие себя правильной по причине исполнения церковных действий или по причине знаний христианских, или по причине того и другого, или по причине своего супружества за батюшкой. За этим восприятием скрывается чувство удовлетворенности собою, некоторого, а может быть, и большого самодовольства. Я знаю матушек, которые с прихожанами обходятся такими словами: «Да знаешь ли ты, сколько лет я уже в Церкви?! Их не слушай, меня слушай – я тебе все объясню». «Я – матушка, а ты меня не слушаешь!»

«Это лезть, – говорит свт.Феофан, – перенесение на себя преимуществ христианских, без заботы об укорении в себе истинного христианства. Уясни себе, что значит быть христианкой, сличи себя с сим идеалом – увидишь, насколько ты ослеплена».

б) «Да ведь мы не из последних» – т.е. причисление себя к какому-нибудь высокопоставленному роду существ. «Знаем кое-что, и если обсудить что возьмемся, сумеем обсудить, и дела свои ведем не наобум, и не без такту, как другие. Так иные прельщаются душевными своими совершенствами. Другие выставляют вперед тело – силу, красоту, род». Матушка выставляет свою принадлежность батюшке. Она может с прихожанами разговаривать буквально такими словами: «Ты знаешь, с кем ты разговариваешь? Как ты смеешь со мною так говорить? Ты знаешь, кто я такая?!» «Те и другие, – заключает свт.Феофан, – тем резче ослепляются, чем выше мы стоим над всеми в окружающей нас среде».

в) «Мы не так еще худы». Это кичливость всем внешним. Жизнь напоказ и довольство в этом собою. Свт.Феофан называет эту установку самым густым мраком покрова самообольщения – благовидность внешнего поведения и внешних отношений. «Внешнее не ценно без внутреннего, – пишет он. – Внешняя исправность поведения – листья; внутренние добрые расположения – плод. Каков ты в сердце, таков ты пред Лицом Господа. Если ты горд в сердце, то как ни смиренничай наружно, все Господь видит тебя гордым. А суд других – обманчивая лесть. Другие не знают нас, а относятся к нам хорошо, или предполагая нас добрыми, или подчиняясь закону приличия»⁹.

г) «Будто я одна такая». Вон и та такая же, и другая, да все, кого знаю, так и живут. Если я плохая, так они еще хуже меня. «Ослепляем себя обычностью греха вокруг нас. Уясни же себе, что множество грешащих не избавляет от ответственности (ни тебя, ни их). Бог не смотрит на число. Хоть все согреши, всех и накажет. Уверь себя, что христианство твое ни во что, если ты худа, что совершенства твои больше обличают, чем оправдывают тебя, что исправность твоя внешняя есть лицедейство Богоненавистное при неисправности сердца»¹⁰.

Очень тяжел для преодоления следующий сердечный покров нечувствия. В него матушка может погрузиться незаметно, не обратив на это внимания, так как все другие жизненные события захватят, увлекут собою. Роды, маленький ребенок, неустроенность быта, заботы домашние, хозяйственные – все может поглотить с головой. Не заметит, как пройдет месяц-три и полгода без исповеди, без причастия, без наставления духовного, без общения с людьми церковными. И уж когда совсем занемет сердце, когда черствость его начнет быть слышна, тогда что-то забеспокоится в сознании, а все будет недосуг, или сил повернуться к Богу не будет уже хватать. Потом, наконец, вырвется, исповедуется, причастится, оправдается, утешится – и опять в спячку. Дела, заботы, дом, дети.

В этот период тихо, сначала неприметно, потом все более явно, всплывет в сердце какое-нибудь светское желание: то помузицировать, то книжку какую-нибудь художественную прочесть, то пообщаться с кем-нибудь из старых светских знакомых. Вроде захочется порисовать, или пошить. Но как-то особо, в сласть душевную, в отдохновение. Пройдет год, два – и потянет оглядеться в светском мире. Вспомнится, что нет светского образования, или оно было не закончено, и матушка попросится у батюшки поступить куда-нибудь заочно или пойдет устраиваться на какую-нибудь светскую работу. Появится новый круг общения. С верующими отношения будут все

отложены, даже со своим батюшкой станет не о чем говорить. Редким станет хождение на службу, еще более редким будет причастие.

Матушка давно уже не будет брать благословений у батюшки, а однажды, уходя на работу, скажет ему: «Пока». Батюшка удивится, а она не заметит его удивления, или весело взыграет в сердце чувством «напроказничала себе в удовольствие». В решениях по домашним делам все больше будет появляться неуступчивость, настаивание на своем. Чувство вины или неправоты постепенно совсем уйдет. Жизнь домашняя станет прозябанием. Поздний подъем, многоспание, к делам безсилые, маета домашняя. Будет тянуть из дома в мир: там – жизнь. О рождении следующего ребенка уже не будет и речи. «Я устала, с меня хватит. Я только начала оживать, вокруг огляделась, себя обрела. Ты хочешь, чтобы моя жизнь кончилась?»

А жизнь сердечной силы любви уже не будет жизнью. Она угашена покровом нечувствия. Не о чем уже исповедываться – грехов нет. Спасаться? – Что это такое? От чего? Вроде бы только жизнь началась, при чем тут спасение?

«Остановись, – взывает свт.Феофан, – поражай себя, потрясая, умягчай нечувственное сердце свое. Суд при дверях. Тайная твоя обличается пред Ангелами и всеми святыми. Там, пред лицом всех будешь стоять ты одна с делами твоими. От них или осудишься, или оправдаешься.

Поставь себя, оскверненную и обремененную многими грехами пред Лицом Бога, Вездесущего, Всеведущего, Всецедрого, Долготерпеливого!.. еще ли будешь оскорблять око Божие мерзким видом своим греховным? Еще ли будешь пригвождать Его ко Кресту, прободать ребра Его и издеваться над долготерпением Его? Или ты не ведаешь, что, греша, участвуешь в мучениях Спасителя и разделишь за то участь мучителей; а если бросишь грех и покаешься, то причастишься силы смерти Его. Грех – это зло бедственнейшее из всех зол, оно отдаляет нас от Бога, разстраивает душу и тело, предает мучениям совести, подвергает казням Божиим в жизни, в смерти и по смерти, ввергает в ад, заключая рай на веки. Какое чудовище лбим!.. Дьявол ничего для тебя не делает, и только тиранит тебя грехом, а ты охотно и неумышленно работаешь ему. Он трясется от злобной радости, когда кто попадает в сети греха и остается в них»¹¹.

Эти слова святителя нужно услышать. Не только разумом. Нечувствию сердца это не поможет. Но услышать каким-то движением сердца, принять, поверить, дрогнуть, сокрушиться в нечувствии. Чтобы появились чувства, и они, «исполнив душу, возбудили уснувшую ее энергию, возродили позыв и желание выхода из опасного своего положения».

Вот теперь мы подошли к самому опасному и лютomu греховному покрову – безопасности. Он паразитирует на вождевательной силе души. Он расслабляет волю ко всему нравственному и святому и, напротив, ко всему греховному подвигает с рвением. Воля, схваченная этим покровом,

теряет разумное свое, перестает быть свободною и перестает быть волею. Одна только животная энергия, подвигающая душу в любые грехи, она только и остается с человеком.

Движимый этим покровом человек мимо своего сердца и мимо сознания, что грешить нельзя, будет делать грех: не успел оглянуться, как уже поднялся и пошел исполнять грех. И уж остановить себя нечем. И только исполнив грех, человек придет в силу сознания, чтобы теперь виниться, сокрушаться, ругать себя, может быть, каяться. Да только грех уже сделан. И так каждый раз.

Покров безопасности оказывается сильнее даже самых, казалось бы, решительных обещаний не грешить. Но вот наступил момент, разгорелась страсть, и ничем остановить ее не получается. Так и начинает навязывать человек греху. А потом уже и грех за грех не признает. Делает его, как что-то обычное. А там, глядишь, чем-то приукрасит, оправдывает, убедит себя и окружающих, что так-то и хорошо жить, да и лучше так, чем не так. Вот и слепился с грехом. Принял его в свой покров безопасности как что-то родное, приятное, как бы житнотворное даже.

В наше время много и очень много людей были призваны в Церковь. Пережив на себе действие призывающей благодати, воскресенные ею, легко и радостно начинали свою церковную жизнь. Но лет через три-пять, у кого-то через семь благодать, исполнив свое призывание и начальное наставление, сокрывается в сердце человека, оставляя его один на один с собою. Так же делал Господь, когда выходил к людям и говорил им притчами на площадях, затем проходил сквозь толпу и удалялся в пустынные места, где его не просто было найти. И люди искали Его и находили порой в двух днях пути от города. Для этого нужно было оставить свои дела, близких, или и их взять с собою, искать, долго не зная, где Он, и, наконец, найти.

Так и сегодня, когда благодать сокрывается, нужно теперь самому искать ее, трудиться ей навстречу, оставаясь в тех действиях и в том порядке жизни, которому благодать уже научила. Но теперь нужно делать все известное не ее дыханием, а собственным усилием и трудом. Здесь и открывается, что из многих званых остается немного избранных, которые готовы на этот труд ради Господа. И труд этот становится их жизнью. Не дом, не семья, не хозяйство и даже не служение – их жизнь. Жизнью становится труд стяжания благодати. Все остальное делается условием для этого.

Остальные же, кто не вступил в этот труд, переживают в себе разную меру отступления. Жизнью для них все больше начинает быть все земное – дом, хозяйство, семья, служение. При том, что они продолжают ходить в храм, исполнять худо-бедно дома церковный порядок жизни, но отступлением становится для них оставление внутренней жизни, которую совершает человек ради благодати, остывание в ней и прекращение ее, либо вялое ее течение.

Для матушек, имевших духовную ревность (о них мы говорили в самом начале), отступлением является угасание в ревности, обывкание и обмирщение. Для матушек, имеющих дарования душевные – силы души (им мы посвятили большую часть настоящей главы), отступлением является склонение в сторону греховных покровов сердца и поглощение ими. Большая скорбь, если отступление это происходит. Еще большая, если батюшка не замечает этого и ничем сугубо не помогает матушке. Самой ей бывает порой не управиться со своим внутренним. Да и не все она может уразуметь о себе.

Но самая большая скорбь, если в отступление впадает и батюшка тоже. Оставаясь внешне служителем Церкви, внутренне он с годами все дальше и дальше будет отходить от Бога. В храме сохраняя приличие, в доме будет отпускать себя и жить так, как в отступлении хочется. Тогда проявления греховных покровов сердца начнут все более овладевать им и увлекать в прежний, светский и греховный порядок жизни. Свидетелями и жертвой того будут его дети и матушка.

Скажем вместе и друг другу, и сами себе – да не будет. Призовем на помощь силы Небесные, Матерь Божию и Господа. Возстанем над греховным уклоном жизни своим склонением к заповедям Божиим и внутренней жизни по благодати. Начнем скорбеть о себе Богу, начнем просить у Него прощения; вспоминая о всех благодеяниях Его для нас, начнем благодарить Его; начнем каяться Ему и припадать в молитве: Господи, помилуй мя. И не потеряем надежды и упования на Него. И не постыдимся.

Характер во вне деятельный

Матушки с этим характером не сидят дома. Здесь им скучно, они не находят в семье достаточной жизни. Их деятельная натура ищет реализации себя в храме, в приходской жизни. По разным своим дарованиям одни поют и регентуют на клиросе, читают службу, другие шьют облачения, убираются в храме, наводят чистоту и порядок, третьи занимаются бухгалтерией, продажей, четвертые преподают в воскресной школе, занимаются приходскими детьми, пятые отдают себя приходскому хозяйству и ремонту храма, шестые пишут иконы, седьмые любят принимать гостей и сами вместе с батюшкой ходят в гости. Никому их на месте не сидится.

Священник Т.С.Тихомиров в книге «На приходе» – священнической энциклопедии по всем сторонам пастырской деятельности, вышедшей в 1915 году и переизданной в Волгоградской епархии а теперь и Свято-Иоанновским Богословским институтом в Москве, пишет: «Жена священника, с одной стороны, должна быть его нравственной поддержкой, с другой – в прямом смысле помощницей в деле устройства прихода.

Для того, чтобы она была его поддержкой, требуется, конечно, ее душевность, чуткость души и желание помочь мужу. Но никогда не лишним окажется здесь понимание его пастырского дела,

внимание к нему, для чего требуется известная мера образованности и культурности. Поэтому даже выбор жены без внимания к этой стороне дела нужно считать неразумным и чреватым возможными неудобствами.

Горько священнику, когда нет должного пения в храме. Матушка же в этом отношении может оказать помощь и послужить делу миссии. Так, в приходе села Истомино матушка начала учить петь. Но далее, как в совершенстве можно обучить девиц пению, если они безграмотны? Естественно, потребовалась женская школа рукоделия, грамоты и пения с большим миссионерским влиянием на все село и приход.

Нужны воскресные уроки для взрослых, но для женщин необходима учительница-женщина. И значение матушки здесь безгранично. В Истомино, благодаря именно матушке, священник и его жена все воскресенья отдавали службе Богу, и село не отказывалось идти за ними»¹².

Во внешнюю деятельность с умением и мастерством человек входит благодаря своим способностям. Музыкальной способностью поет на клиросе; живописной – пишет иконы; ремесленной – шьет, мастерит; речевой – говорит; ораторской – произносит речи, проповеди; врачебательной – лечит; педагогической – воспитывает; организаторской – устраивает дело; классификационной – наводит во всем порядок; животноводческой – растит домашних животных; растениеводческой – занимается огородом, садом, домашними цветами; интеллектуальной – мыслит, рассуждает, принимает решения; пластической – движется; зодческой – лепит, занимается архитектурой; технической – занимается механизмами.

Если у человека нет способности – Бог не дал – он и не чувствует дела. Может заниматься им за счет разсудка (интеллектуальная способность) по инструкции и подражательно, когда ему покажут, как делать. При этом в каждом затруднении он будет теряться и не знать, что дальше делать. А если, не спросив, сделает сам, то часто портит дело.

Внешние дела и действия человек переживает душой. Для этого Бог наделил его эмоциями. В то же время всякое дело подлежит обдумыванию, умственному его представлению. Бездумный делатель, будь то певец, скульптор или овощевод, создать ничего путного не может, а если делает, выходит нечто вычурное, безформенное или непоследовательное, сбитое.

Вместе – способности, эмоции и разсудок – обеспечивают течение и исполнение дел. Они и составляют в человеке его внешнюю душу или, по святым отцам, внешнего человека.

Руководится внешний человек в нас разсудком, эмоциональными желаниями и в своих способностях стремлениями. Часто спрашивают: к каким занятиям ты стремишься?

Направляется внешний человек в своих делах и действиях внутренней душой, силами души. Говорят: куда направить, во что направить? Отвечают: направить в помощь, направить, чтобы уважил, направь его, пусть не хулиганит.

Подвигается внешний человек духом. Но дух наш, пишет св.Феофан, схвачен узами духа (самоугодием), узами мира (человекоугодием) и дьявола (самолюбием). В то же время внутренняя душа (силы души) перекрыта греховными покровами. Отсюда и деятельность внешнего человека вся перемешана с грехом. Степень этой перемешанности различна и зависит от внутренней церковности человека.

Матушка, подвигаемая верою, конечно же, имеет искреннее стремление послужить Богу, вложить свои силы в устройство Церкви, в богослужение и жизнь прихода, помочь батюшке в его служении. Отсюда и деятельная активность и ревность матушки.

Одни матушки при этом полностью бывают поглощены делами служения. Кроме дел по своим способностям ничего более не слышат. Знают, что исполняют дело для Церкви, для Бога, слышат его своими способностями, кто какие имеет, и трудятся, каждая в свою силу знания и умений.

Другие матушки не меньше того живут силами души. Выполняя дело по способностям, они обращаются с подопечными и сотрудниками по дарованиям своей души. Они могут быть попечительными и заботливыми, любящими, взаимодавными, трудолюбивыми, разумными. Такая матушка будет оживляющею душою на приходе. «Она умом, а главное сердцем, – пишет Т.С.Тихомиров, – делит тяготу жизни священника и, разделяя с ним радость и горе, не дает ему чувствовать одиночества, как в собственном доме, так и в среде окружающей (равно и по отношению ко всем людям в приходе – А.Г.). Матушка имеет способность воспитать душу, обновить настроение, двинуть ее по новому руслу. И действительно, доброта, приветливость, жизнерадостность матушки всегда прогонит печаль, смущение, гневливость – тот дух уныния, который так опасен для делания священника (да и любого прихожанина)»¹³.

Третьи матушки, при всей их деятельной активности, наделены и даром ревности духовной. Такая матушка, пишет священник Т.С.Тихомиров, «поддержит молитвенное настроение перед совершением литургии и во время богослужения и, таким образом, отодвинет возможность окунуться в атмосферу рутинного равнодушия и неразборчивости. Она напомнит, что священник не простой исполнитель обрядов Церкви, но лицо священнодействующее, ходатай пред Богом и людьми и, в то же время, учитель. Батюшка всегда утомленный, не всегда сочтет себя подготовленным к проповеди. Между тем, предупредительная матушка собрала печатный материал для проповеди и вот, заботами матушки, священник *volens-nolens*, говорит проповедь. А при подобных обстоятельствах, возгревая дух пастырства, иерей усердно и благоговейно совершает службу Божию, преподает в чистоте духа Св.Таинства верующим, исполняет

молитвословия и в храме, и в домах прихожан вразумительно, вообще является достойным орудием и проводником благодати Божией в души верных».

Не требуется больших усилий, чтобы сохранить ревность, пока с матушкой призывающая благодать Божия. Но приходит время, и пришло уже, когда благодать уступает место собственным трудам человека. При внешне деятельной натуре матушка может не заметить, как это произойдет. Просто будет некогда читать утренние или вечерние молитвы, она их сократит или совсем опустит. Закрутят дела, и недосуг будет приготовиться к исповеди и причастию; глядишь, месяц, другой прошли, а она без таинства. На клиросе и поет, и читает, а в повседневной жизни молитв и живых обращений к Богу давно не стало. Пение, чтение – как работа. Отработала, переключилась на другое.

Жизнь духа, благодатного присутствия Бога в сердце, в душе незаметно отошла, так и не успев сделаться предметом вседневного внимания. Делая дела ради Бога, матушка потеряла чувство делать все еще и от Бога, от того чувства веры и совести, которым она руководилась, чтобы следовать Его – Божией воле. Чтобы не разминуться с Богом. Чтобы с Ним было всякое дело.

Отсюда же она держалась благословения, нуждалась в нем, хранила себя в благословении. Со временем незаметно брать благословение сделалось делом обыкновенным, привычным, потом стало делом сознания, появилась забывчивость и усилие, чтобы все же взять его. А там может наступить время, когда это станет ни внешне, ни внутренне уже не нужным. Обычно в это же время матушке начинает мешать платок, и она все чаще снимает его. Сначала на плечи скинет, потом начинает различать, где надо быть в платке, а где можно без него. Может случиться, что останется и совсем простоволосая. На Руси платок насильно снимали с жены, захваченной в измене мужу. Волосы распускали и оставляли ее в таком виде на сколько-то дней. А то и по деревне еще проведут из конца в конец – распоясанную и простоволосую.

К слову сказать, снимали пояс и с юноши. И с мужа зрелого, если они совершали какое-либо преступление против Церкви или против обычаев деревни, т.е. общины. Потому и боялись люди быть распоясанными. Не только внешне, но особенно внутренне. Замечено, что современные церковные люди, когда теряют веру, норовят ходить распоясанными – рубашка навывпуск, платье, ничем не припоясанное.

Для матушек, живущих по дарованиям души, соблазном могут быть сами эти дарования. Благодать сокрывается в сердце, вера начинает освящать внешнее сознание, и матушка чувствует и сознает себя верующей, а жизнь продолжает совершаться в силах души, не задетых верою. Только матушка может в этом себе отчета не давать и потому не обратит на это внимание. Она по-прежнему останется хлебосольною, доброю, щедрою, участливою, живущею от души, но в этой душе своей, от которой так полно живет, будет неверующею. При этом видимо для всех она останется церковною, да и себя будет полагать церковною, что живет по вере, только вера ее

будет принадлежать внешнему сознанию. По разсудку вера ее будет, по привычкам, отчасти, по чувству долга. Маловерие, а не вера.

В минуты испытаний, скорбей будет видно, чем преодолевает она скорби. Окажется – своими дарованиями, без всякого участия веры. Ей так живее, ближе. В ней так много природного терпения, и она терпит, так много радушия и попечения – она забудет про себя и будет участвовать в ближних. О таких людях удивительные строки есть в дневнике священника Александра Ельчанинова: «Есть люди чудесного, райского типа, с душой до грехопадения, детски простые и непосредственные, чуждые всякой лжи и злобы. И это не как результат какой-нибудь борьбы с собой, усилий – такими они и рождаются – людьми без греха. И странно, что постоянно эти люди стоят вне Церкви, даже иногда совсем обходятся без религии. Они слишком просты и цельны, чтобы богословствовать, и слишком стыдливы и целомудренны, чтобы выражать свои чувства какими-нибудь словами или знаками (обряд). В религии самое важное не вера, а любовь к Богу, а Бога они не любят, потому что любят Красоту, Добро, Истину – а это все стихии Божества. Сколько есть людей, утверждающих, что они верующие, и не имеющих этого чувства Красоты, Добра, со злобою и грехом в душе, с полным безразличием к Истине, так как ее вполне для них заменяют полторы дюжины маленьких истин, за которые они самолюбиво держатся. А те – простые и верные души, живущие и на земле в радости – после смерти, я уверен, прямо идут в Царствие Света и Радости, как «подобное всегда стремится к подобному», и в обществе святых – простых и блаженных душ – они чувствуют себя, как в своей родной стихии. Мы, так называемые «верующие», говорим: «пойду» и не идем, а они ведь и не говорят «не пойду», а просто исполняют волю Отца»¹⁴. Как много таких людей можно найти среди неверующих – богатых душою. Не о них ли, как о язычниках говорит и апостол Павел: «естеством законное творят». Будут оправданны по делам совести своей.

В каком же случае дарования души могут быть соблазном? Когда жизнь по ним начнет матушку отлагать от таинств Церкви, сначала внутренне, а потом и внешне. Одно дело, когда люди, о которых пишет священник Александр Ельчанинов, не были церковны и, оставаясь за пределами Церкви, сохранились в дарованиях души. Иное – матушка, благодатью позванная в таинства, участница их в течение пяти-семи лет и теперь постепенно оставляющая жизнь непосредственного общения с Господом ради полноты общения с людьми.

Есть в этом другая тайна – тайна отступления. Хорошо, если это временное явление, нисходящая синусоида, чтобы потом опять начать восходить. Но может и увлечь.

«Кругом жизнь так идет, – пишет в другом месте священник А.Ельчанинов, – как будто и впрямь все благополучно на свете. Какую боль и раскаяние должен был бы вызывать грех, какую жажду покаяния и прощения должна была бы испытывать душа! Ничего же этого нет»¹⁵.

«Есть два рода людей, – пишет он дальше, – по их способности к духовному, – если не по опыту, то хоть пониманию.

Одни – в разговоре с ними язык прилипает к гортани – никакого отклика и резонанса: глухота и слепота. И это почти всегда люди благополучные, сытые, благоустроенные; они шутливы, остроумны, добродушны.

И другие, которые ловят каждое слово о духовном, способны к покаянию и умилению, до боли чувствительны к чужому горю – это больные, несчастные, умирающие. Раньше я боялся их, а теперь радуюсь всякой возможности быть именно в таком обществе¹⁶».

Дело как раз в том, что матушка не только дарования души имеет, но и веру. Оставаясь в одном, она призвана трудиться и умножать второе. Правда, призванность – не обязанность. Можно и не трудиться. Тогда неизбежно отступление. Но нужно знать, что тогда возможны скорби.

Господь, призвав, не оставит скоро. С долготерпением будет ходить за человеком, потрясая его то тем, то этим. Но тогда «не только страдания, посылаемые Богом, но всякое духовное усилие, всякое добровольное лишение, всякий отказ, жертва – немедленно размениваются на духовные богатства внутри нас; чем больше мы теряем, тем больше приобретаем. Вот почему «трудно богатым войти в Царство небесное» – потому что в них не совершается этого размена благ земных, временных, тленных, на блага небесные, нетленные. Мужественные люди инстинктом ищут жертвы, страданий и крепнут в отречениях. Многочисленные подтверждения этого в Евангелии и у Апостолов»¹⁷.

Значит, нужно учиться не только природное, но и христианское отношение иметь к скорбям. Но равно нужно и трудиться, чтобы идти на добровольное лишение ради благ небесных и не оставаться в довольстве своих богатств души. Нужно жить не только от богатств души, но и от веры, которую душа подвигается сверх природных своих возможностей.

Тем более нужно быть внимательной к себе матушке, занятой церковными делами по способностям и вере. У нее будет неучитывание, что дела Церкви могут совершаться из трех глубин: первое – из ревности духовной, второе – от сил души и третье – от души внешней: способностей, разсудка и эмоций. При этом будет ясное слышание последнего и нечувствие второго и первого. Это может стать причиной разных нестроений с сотрудниками по служению. Хуже того, умаление самого служения, выбор приземленных направлений при исполнении служения. Например, пению придание чувственности, иконописи – техники живописцев масляными красками, ремеслу – земности, чтению – художественности или, наоборот, бездуховной мерности и т.д., еще хуже – превозношение себя из-за способностей, жизнь в них, и оттуда – взгляд на все окружающее, как будто самое ценное – это предмет ее занятий.

В таком случае матушка обычно теряет способность видеть саму себя. Ее служение в Церкви уже оправдывает для нее самой необращенность на свой нрав. Матушка по нраву будет оставаться такой, какая она есть, а по мере обывкания к Церкви начнет занимать позицию утверждения своих взглядов и порядка той жизни, какую себе завела. Тем более, что в положении матушки она может игнорировать чей угодно указ. Не потому, что так должно быть, но потому, что она себя так поставит. Начнет быть власть характера матушки.

«О женщине сказано «немогущий сосуд». Эта «немогущность» состоит, главным образом, в подвластности женщины природным стихиям в ней самой и вне ее. В силу этого – слабый самоконтроль, страстность, слепота в суждениях. Почти ни одна женщина от этого не свободна, она всегда раба своих страстей, своих антипатий, своего «хочется». Только в христианстве женщина подчиняет высшим началам свой темперамент, приобретает благоразумие, терпение, способность рассуждать, мудрость»¹⁸. Но для этого нужен труд, труд над собой.

Обычно матушке с внешним характером это-то и труднее всего. В ней самой и узы духа, и греховные покровы сердца владеют ею больше и сильнее, чем вера. В то же время там, где внимание ее обращается к благодатным переживаниям, ей нужно учиться различать истинное от ложного, чтобы не войти в худшее обольщение.

Святитель Феофан Затворник останавливается на трех характерных отличиях благодатных возбуждений и естественных состояний, о которых нужно знать каждому христианину.

Благодатное возбуждение – скорбь, что оскорбил Бога и осквернил себя. Здесь есть ясный пример скорби, в то время как иным будет чувство недовольства собою, своим положением, скука и тоска. Недовольство собою возникает от самой же себя, оттого, что начиталась, захотелось большего, а не получается. В скуке вообще нет определенного предмета. Тоска же тем более убивает, мучительна и мрачна, отчего и говорят: «душит тоска». Все эти иные состояния имеют греховный характер. Естественно для духа человека «тоскование о родине небесной, чувство недовольства ничем тварным, чувство глада (голода) духовного. Это – тоска по отчизне, вздыхание, которое Апостол слышал и во всей твари. Однако ж и это не то, что благодатное возбуждение. Оно есть одно из естественных движений или отправлений нашего духа, и одно само по себе немо и бесплодно. Благодатное возбуждение на него нисходит и сообщает ему светлость и оживленность»¹⁹.

Совість, пробужденная благодатным возбуждением, и совість светская, искаженная, низведенная из своего чина. Первая «видит только одного Бога оскорбленного и свои вечные отношения разстроенными»; вторая видит «только себя и свои временные отношения». Первая стоит за волю Божию и славу Его, вторая – «стоит за себя и человеческие правила». Первая

«скорбит, что постыдила себя перед Богом, а до людей ей и дела нет», вторая – «скорбит, что осрамилась перед людьми».

Ощущение в сердце «лучшей, совершеннейшей, отрадной жизни при благодатном возбуждении и чувство пробуждения светлых порывов и благороднейших стремлений (движение идей). Эти явления сходны тем, что возвышают над обыкновенным порядком вещей, но они далеко расходятся в направлениях и целях. Цель первого – жизнь в Боге с вечным блаженством, а у последних имеется в виду нечто, конечно, всегда великое, особенное, но временное, конечное, которое суть остатки образа Божьего в человеке – образа разбитого, в котором стремления духа прорываются раздробленно, то одно, то другое, и одно в одну сторону, другое в другую, – нет в нем жизни. Тогда как первое – собрание духа во-едино и сходится оно в чувстве Божества: тут и зародыш жизни. Высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитствуя дух, сводит все его стремления во-едино и держит их в сем едином, тогда – и огонь жизни духовной».

«Это различие признаков, – говорит святитель, – особенно надобно знать тем, на коих благодать Божия воздействует без предварительных собственных трудов их и не с особенною силою. Возбужденного состояния пропустить без внимания нельзя, но можно не обратить на него внимания должного и, побывши в нем, опять низойти в обычное круговращение движений души и тела. Возбуждение (или действие призывающей благодати – А.Г.) не завершает дела обращения грешника, а только зачинает, и после него предлежит труд над собою, и труд очень сложный. Все, впрочем, относящееся сюда совершается в двух поворотах свободы: сначала в движении к себе, а потом от себя к Богу. В первом человек возвращает себе потерянную над собою власть, а во втором себя приносит в жертву Богу – жертву всесожжения свободы. В первом доходит он до решимости оставить грех, а во втором, приближаясь к Богу, дает обет принадлежать Ему Единому во все дни жизни своей»²⁰.

Характер отступнический

В этом характере матушка может быть с самого начала своего супружества и может остаться в нем даже после хиротонии мужа во иереи.

Может быть и по-другому. После периода искреннего воцерковления может наступить время, когда откуда-то изнутри, сначала неприметным, а потом все более тревожно-явным образом, и в конец неудержимо, со властью начнет проступать характер отступнический. И только горячие слезы к Богу смогут удержать, остановить его неизбежное наступление. А если слез не будет, если матушка проявит беспечность, не придаст значения, еще хуже, если будет согласна с собой, а то и начнет утверждаться в себе, в этом проступающем характере, отстаивать себя перед окружающими, перед батюшкой, совсем плохо, если и батюшка склонится туда же вместе с нею и будет поддержкой в ее отступничестве, – тогда одна надежда на Бога, да, может быть, на паству живую духовно-зрелую, способную заступаться друг за друга перед искушениями.

В чем же состоит отступнический характер? В нечувствии Бога и далее в активном отвержении всего, что имеет какое-либо отношение к Нему – церковных обычаев, книг, разговоров, церковных предметов, верующих и особенно церковных людей. В своем нечувствии матушка, еще до того, как она ею стала, может с недоумением смотреть на любимого мужа и не слышать, что с ним происходит. Ей будет странной явившаяся в нем теплота к Церкви, к Богу, неожиданной и малообъяснимой его перемена, если он из неверующего стал верующим. С преданностью и любовью к нему она будет наблюдать его новые как бы занятия, отнесет их к его новой работе, увидит в нем увлеченность ею. Она не станет входить ни в какие его церковные заботы, как может быть, раньше не входила в его дела по службе. Будет по-прежнему заниматься домом, детьми, мужем, своим служением.

Ничего в ней самой и в ее отношениях с окружающим миром и людьми не переменится. Как любила, так и будет любить и дом, и детей, и мужа, и свою работу. Как раньше имела свои занятия, так и теперь их будет иметь – книги, журналы, иногда телевизор, если дастся время, разговоры с подругами, родными, гостевания у них или прием у себя гостей, прогулки в лес, занятия огородом, рукоделием.

Хорошо, если характер матушки позволит ей остаться в этом, не имея никаких сверх того притязаний к мужу. Хорошо, если батюшка проявит терпение, не будет трогать ее, ожидая, требуя или прося ее воцерковления, будет просто любить ее, заботиться о ней, слыша ее душевные и телесные нужды, радоваться ее живости, поддерживать ее жизнелюбие. Если он будет мудрым в пестовании ее нравственного развития, чтобы не застоялась, не начала душой тускнеть или опадать, если будет смиренномудрым в радении о ее духовном пробуждении, зная, что начало веры дается от Бога, не от человека.

А если нет? Если матушка будет иметь притязания на мужа в то время, когда ему нельзя быть в близости – в богослужебные дни или дни поста? Если в воскресенье, когда у всех мужья дома, она захочет, чтобы и ее муж был дома, а без этого начнет подкрадываться чувство одиночества, ненужности мужу, брошенности, или раздражение на него, обида? Если она останется при прежних своих увлечениях модной одеждой, открытой на груди и животе, короткой, выше колен, или с глубокими разрезами, обтягивающей и лоснящейся, брюками, шортами, если будет стричься, краситься, украшать себя, не слыша в этом ничего противоестественного, но одновременно чувствуя между собой и мужем начинающуюся пустоту, разделенность? Если в их супружестве наступит та пора, когда остывает прежняя увлеченность друг другом и невольно поднимаются притязания, претензии, ожидания, недовольства, которые надо бы перетерпеть, не настаивать на них, но нет никаких сил терпеть, болеть неудовлетворенностью или чувством отнимающейся жизни? Если к тому же еще и батюшка начнет ее воцерковлять, требовать от нее поста, молитв, платка на голове, перемены в одежде, хождения в храм, а для нее каждое такое требование будет как плен, насилие над нею, а то и издевательство, пытка?

Как же понести себя и все в себе, чтобы не начать унывать, не впадать в ропот, обиду, не переживать себя несостоятельной, ненормальной, обделенной, униженной и оскорбленной? При том, что никакие церковные средства не применимы. Она их просто не слышит – ни слов веры, ни христианских утешений, ни молитв, ни таинств; ни вода святая, ни просфора, ни масло освященное ничем не отличаются для нее от обычной воды, хлеба и масла. Разговоры христианского содержания, книги, даже фильмы – все это о чем-то, чего она не чувствует, к чему сердце ее равнодушно, разве что разумок заинтересуется чем-то, и то на минуту.

Чем же остаться ей женою, подругою, спутницею жизни для мужа? Чем остаться ей в семье и чем хранить, любить свою семью? И множество, наверное, еще других вопросов, недоумений и душевных страданий переживает в это время матушка, чувствуя себя невольной пленницей обстоятельств и поворотов судьбы. Впору отчаяться, обидеться, озлобиться. Но выход или это? Не бросать же мужа, не оставлять же семью, не обрекать же детей на безотцовство. Чем же тогда остаться в семье? Ответим одно.

Всем тем, что свойственно женщинам, независимо от того, верующая она или неверующая. Верностью мужу, преданностью ему. Этим драгоценным в женщинах чувством сотни и тысячи их во все времена существования человечества преодолевали в себе разрушительные настроения, мысли, влечения; сохраняли и даже спасали семью при самых раздирающих событиях и обстоятельствах. Много помогало женщинам мягкое, тихое свойство их души – кротость. Силы придавало всегда чувство долга – женщины, жены, матери. А питало силы чувство совести, которую нельзя было переступить, и которая когда неслышно, а когда явно, порой настойчиво, руководила поступками, отношениями и самочувствиями. Все остальное – свойства, способности, силы души и духа – как приданое богатство, украшало ее в супружестве.

Если же матушка не смогла ничем этим воспользоваться? Если характер подхватил, и ее понесло, сначала в легкое отторжение церковного, потом в раздражение или обиду на мужа, потом в возмущение на какие-то его поступки, дальше захватило чувство непереносимости слов, содержания, фраз о Боге, стало раздражать все церковное, наткнулась на прихожан, споткнулась об их характер, манеры, кто-то досадил своей назойливостью, кто-то любопытством, кто-то укорил, сделал замечание, кто-то захотел посоветовать, утешить, а в результате уязвил, задел, с кем-то из окружения батюшки совсем в несносные отношения вошла?

Это уже беда. В светских семьях, где происходит только столкновение характеров, женщины не удерживаются, доходят до какого-то предела и бегут вон из семьи или выставляют мужа за порог. В семье, где конфликт, непереносимость началась из-за борьбы против Духа Церкви, чувство невыносимости может быть много более острым, а желание перекрутить все на свой лад, подмять под себя, заставить делать по-своему будет подниматься с такой силой, что преодолеть ее уже ничем будет нельзя. И пока она не выместится на муже, на детях или в истерике на себя саму или на свою судьбу, до тех пор не придет успокоение. А то, что придет, придет ненадолго. Дух злобы, недовольства, отвержения будет возбуждаться заново, клубиться в сердце, накапливаясь в силе и доводя матушку до ненависти к батюшке, Церкви, того дня, когда они познакомились.

Сколько брани, несправедливых обидных слов, укорений, обвинений услышит батюшка не только за то, в чем действительно виноват, но еще больше за то, в чем нет никакой его вины. Матушка выхватит из его высказываний какое-нибудь слово, которое, как ей покажется, подтверждает ее досаду, подозрение или уверенность в его виновности, перетолкует это слово на свой лад, еще более через него уверится в своих противных Богу настроениях к батюшке и закрутится в ненависти, обиде до внутреннего визга. А то и вступит вдруг в сердце чувство: «Все, надоело, не могу, развожусь», или взвоется в душе желание досадить батюшке до боли, или до ярости его; а то еще подымется демоническое желание превратить его в ничто, унижить, оскорбить, выместить на нем всю свою обиду, досаду, злобу, причинить ему физическую боль, ударить его чем-нибудь, что в руки попадет, избить его до крови, до потери сознания, убить его. Мало ли до какого исступления может довести отступнический нрав матушки.

Большие разногласия могут возникнуть из-за воспитания детей. Церковные стояния на молитве в храме и дома, чтение детьми Евангелия и церковных книг – все будет казаться матушке ненужной и бесполезной тратой времени. Ей будет хотеться отдать детей в разные светские кружки, обучить их музыке, подготовить к поступлению в институт. Будет желание, чтобы ее дети ничем не отличались от своих сверстников в школе, на улице, чтобы они не оказались изгоями в современном мире, но, напротив, могли бы успешно устроиться в нем и безбедно развиваться.

Особые раздоры с батюшкой могут возникнуть на почве поста. Какой же пост, когда детский организм развивается и нуждается в качественной пище?! Тем более, что по нынешним временам натуральной, здоровой еды становится все меньше и меньше. Тем более, что дети болезненные, ослабленные, к тому же наследственность у них не самая лучшая. И много других и подобных доводов будут приводить в исступление матушку в ее искренней заботе о своих детях. Нет ничего плохого в этой заботе. Отступничество и плохое лежит не в заботе, не в душе, а в духе.

Дух отступничества от Бога, одновременно он же и есть дух преданности или стремления к жизни осязательно-материальной. Этот дух закрывает в душе заботу о нравственном развитии детей, о духовных их дарованиях, которыми они могут входить в общение с Богом, с небесною Церковью. Забота ослепляется до попечений о теле и о психике ребенка. Не видится при этом, не слышится, что забота о духовном не отвергает тела, но возвращает ему подобающую или необходимую ему меру внимания и попечения.

Большие раздоры могут возникнуть вокруг телевизора. В конце концов батюшка, противник телевизора, может оказаться в тихом одиночестве, а матушка и дети часами будут проводить время перед голубым экраном, отвоевав это право скандалами. Как дети могут отставать от событий мира и от того, чем живет все человечество? Так будет думаться матушке, и она разрешит им смотреть телевизор... Потом она согласится внести в дом компьютер, как средство, которым люди сегодня завоевывают себе место в обществе. Она будет думать, что не владеющий компьютером становится человеком отсталым. Матушка не будет понимать, что отстать можно

только тому, кто пристал или стремится пристать, например, к прогрессу, к современной культуре, к ценностям современного мира. Но тому, кто даже и не помышляет обо всем этом, не от чего отставать. Он ведь и не приставал ни к чему, что сегодня в мире.

Святитель Феофан Затворник пишет в толковании послания ап. Павла к Солунянам: «Есть у сатаны свои глубины, свои скрытые замыслы и планы, все в духе сатанинском. Вера в Бога и в Его воплощение разрушает царство греха. Тайна беззакония, придуманная сатаной, будет ухищрение сатаны подрывать и извращать сию веру. Это зло будет расти, и Сын человеческий, пришедши, едва ли обрящет веру на зле. Неверие есть движущая, скрытная сила беззакония, тайна, в нем кроющаяся.

...Рисуется в голове очень неутешительная картина нравственно-религиозного состояния людей в последнее время. Евангелие будет всем известно. Но одна часть будет в неверии ему, другая наибольшая, будет еретичествовать, построенная себе свою веру своим измышлением... Будет часть, содержащих истинную веру, но из них немалое число будут по имени только правоверными, в сердце же не будут иметь того строя, какой требуется верою, возлюбив нынешний век. Вот какая широкая ожидается область отступления. Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это видимость, внутри же отступление истинное». «Что есть дух мира? – спрашивает свт. Феофан. И отвечает:

«Дух мира есть дух вражды на Бога... Когда о Боге и вещах божественных не помышляют, не считают зазорным при случае отпустить острое словцо насчет святых убеждений наших и дел благочестия, не боятся разными изворотами речей вливать яд сомнения и колебания в веру в неопытные души. Дивно ли, что среди них распространяется холодность к вере и Святой Церкви, небрежение о святых уставах ее, отчуждение от них, желание отменить и уничтожить их.

Дух мира есть дух взаимного между людьми охлаждения, разделения и враждования, в противоположность искреннему и глубокому единению, долженствующему царствовать между истинными христианами. Человек останавливается на себе самом и, поставя себе целью, все окружающее – и вещи, и лица обращает в средство для своих целей. Себялюбие (эгоизм) есть источник начала жизни по духу мира. Среди таковых иссякает братская любовь, начинают разделяться муж с женой, дети с родителями, дома подкапываются под дома, роды под роды, и сословия вооружаются против сословий: миряне хладят к духовенству, низшие классы к высшим, светско-ученые к духовно-ученым и обратно... всюду проходит разделение... Господи! Это ли ученики Твои, к которым сказал Ты: «О сем уведят, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою!» Дух мира есть дух всесторонних похотствований... И вот у нас повсюду открыты гульбища, зрелища, театры, музыкальные вечера, домашние представления, живые картины, концерты, балы, куда всех приглашают без различия пола и возраста, без различия воскресных дней, праздников и постов.

Дух мира, наконец, есть дух гонения и преследования всего святого. Он теснит и гонит из своей области дела веры и благочестия. Есть лица, которые стыдятся в храм Божий ходить. Все боятся открыто обнаружить в делах святую веру свою. А слова и дела по духу мира открыто являются на стыках града. Их творить не стыдятся и не боятся, они, как у себя дома»²¹.

К выписанному добавим слова святителя Игнатия (Брянчанинова). «Старец Исаия говорил мне: «Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено, в частности, спасаться людям, желающим спастись».

«Идут, идут страшнее волн всемирного потопа, истребившего весь род человеческий, идут волны лжи и тьмы, окружают, со всех сторон готовы поглотить вселенную, истребляют веру во Христа, разрушают на земле Его Царство, подавляют Его учение, повреждают нравы; притупляют, уничтожают совесть»²².

Священник Сергей Дурьлин писал в 1919 году: «Церковь Православная считает высокой добродетелью в человеке «память смертную»... Нужно ли говорить, что это одна из самых непонятных, одна из самых странных добродетелей в глазах века сего... При памяти смертной, обращенной на мир, невозможно верить в безконечность мирового процесса, в безконечный прогресс общественный, культурный, в возможность социального – все равно какого: экономически-социального или религиозно-социального рая на земле... Культура личности или общества, построенная на «памяти смертной», не знает высоких самооценок, не склонна ни к какому оптимистическому проектированию на будущее, она молчалива, внутренне сосредоточена... «Память смерти» в истории, государственности, в историческом процессе вселенной есть память о гибели цивилизаций, о крушении народов и государств, о неизбежном оскудении всех исторических сил мировых, о конце всемирной истории»²³.

Святитель Игнатий (Брянчанинов): «Святые отцы предвозвестили, что в последние времена спасающиеся скроются от взоров человеческих и пойдут смиренным путем делания, хранясь осуждать отступников, предавая все воле Божией и суду Божию, благоговей пред самими пощениями Божиими».

Л.А.Тихомиров: «В Филадельфийской Церкви, надо думать, сохранится до конца мира чистая Невеста Христова. Но, вероятно, большинство именуемых «христианами» будут падать все ниже, так как мир переходит в седьмую эпоху, Лаодикийскую».

Преосвященный Аверкий, архиепископ Троицкий и Сиракузский: «Филадельфийская Церковь – предпоследний период (из семи) жизни Христовой Церкви – современная нам эпоха, когда Церковь действительно «немного имеет силы» в современном человечестве, и вновь начнутся

гонения, когда понадобится терпение. Лаодикийская Церковь – последняя, самая страшная эпоха перед кончиной мира, характерная равнодушием к вере и внешним благополучием».

С.И.Фудель (в конце 1960-ых годов): «Может быть, сейчас из тысяч, только носящих имя христиан, отбираются те, в сердцах которых нет нечистоты, лукавства и боязни – этих трех великих грехов современных церковных людей – отбираются те, которые «следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел».

Свт.Игнатий (Брянчанинов): «Обильное земное преуспеяние и огромные земные предприятия, как очевидные для всех, выставлены словом Божиим в признак последнего времени и созревшей греховности человечества, большею частью неявной и непонятной при поверхностном и неопытном взгляде на человечество. Человечество постоянно стремится высказать себя добродетельным. Когда оно наиболее позволяет себе беззакония, ... тогда с безстыдством и дерзостью начинает провозглашать о своем совершенстве в добродетели».

Климис, современный Афонский монах (1980-ые годы): «Запомни, грядут времена, когда только любовь спасет нас. Учись растить в себе любовь, все остальное грех, хуже смерти. Только она – жизнь. Мы пропадаем без любви, пропадаем»²⁴.

Валерий Дорохов из Одессы: «В ночь на 12 июня 1997 года я заснул после продолжительных молитв и увидел сон духовного содержания. Мне снилось, что я стою в нашем кафедральном соборе. Собор переполнен нарядно одетыми людьми. На амвоне митрополит (не наш правящий благочестивый и стойкий в вере владыка Агафангел, а какой-то незнакомый, молодой, холеный) бойко произносит проповедь – некое демократическое словоблудие. Он говорит: «Настало время очищения и всеобщего покаяния. Тысячелетие Русская Православная Церковь шла ошибочным путем, способствовала угнетению человеческой личности. Из-за нее мы были изолированы от мировой цивилизации, от единой мировой религии. Теперь мы все должны каяться в этом, принести достойные плоды покаяния и решительно идти вместе с другими народами единственно верной и спасительной дорогой прогресса, гуманизации, демократии и общечеловеческих ценностей. Покаяние надо начинать с малого. Вот этот храм прошлого века – яркое свидетельство отсталости нашей Церкви, ее преступлений; он не отвечает важнейшим требованиям мировой религии. Разрушим его, а затем в три дня возведем на его месте новое, современное здание, отвечающее лучшим мировым стандартам!» Я начинаю кричать: «Люди, не слушайте его! Это пособник антихриста!» Все окружающие начинают шикать на меня: «Как ты смеешь мешать митрополиту говорить! Ты что, больше владыки знаешь?» К митрополиту: «Правильно, владыко! Разрушим до основания! Благословите, высокопреосвященный владыко!» Подъезжают стенобитные машины, и красавец собор превращается в груды камней... Тотчас темнеет небо, поднимается ураганный ветер, начинается дождь со снегом. Испуганные люди жмутся друг ко другу и спрашивают «митрополита», стоящего посреди развалин: «Владыко, скоро праздник Покрова – где же мы будем праздновать его?» В ответ «митрополит» начинает страшно, по-сатанински хохотать. От этого хохота рушатся окружающие дома... «Митрополит» становится на четвереньки и на глазах превращается в какого-то страшного зверя с огненными очами. Плачут

люди, весь воздух наполнен рыданиями и стенаниями. Содрогается земля, огромные волны моря поглощают Одессу... Было ощущение, что все происходит совершенно наяву»²⁵.

Что же делать, если матушка узнает в себе отступнический характер? Прежде – не торопиться с выводами, а то можно и в отчаяние прийти. Нужно дать впечатлению от прочитанного устояться, пережить в душе. И только потом еще раз вернуться к тексту книги и внимательно, с разумением прочесть второй раз. Очень возможно перепутать отступнический характер с переходным периодом в воцерковлении.

После нескольких лет действия призывающей благодати, воскрылением которой матушка легко была в Церкви и во всех церковных действиях, благодать начинает сокрываться в сердце, уступая место собственным трудам человека. Тогда жизнь веры гаснет, ревность к Богу и Церкви остывает, вместо них начинается маята, туга всякий раз, как надо касаться или делать что-либо церковное. Человек обычно теряется в этом состоянии и не знает, что с собой делать. Попытки преодолеть его ведут часто к надрыву сил и затем к глубокому опадению жизни. Простое пребывание в этом настроении тоже мало что дает – туга и маята переходят в глухую боль, притупляются, но не дают ни радости, ни живости. Если же, ради оживления, склониться к каким-нибудь старым увлечениям и страстям, тогда можно незаметно поддаться как бы открывающейся жизни и уже всерьез утонуть в стихии отступления.

В действительности дебелие состояние души есть признак невидимо присутствующей благодати Божией, которая вздымает в нас сокрытую нашу плотность. Действием благодати мы не можем свободно предаться плотности, чтобы жить ею всласть, но слышим эту плотность как тугу, пленение, безжизненность, дебелие сердца, вялость души и духа, которые томят, подавляют жизненность. Неслышимая благодать не дает нам сродниться с плотностью, как это бывало в нашей доцерковной жизни, когда потребности плоти мы воспринимали как свою жизнь. Теперь, в переходном периоде воцерковления, тление изводится из глубин души и предъясняется нашему чувству как нечто противное нам, трудное, тяжелое. Как бывает, когда варят варенье, тогда идет пена. Опытная хозяйка снимает пену ложкой. Если она не сделает этого, пена осядет в варенье и варенье скиснет.

Так и матушке, переживающей в себе тугу душевную и дебелие томление, нужно взять ложку и начать убирать плотность. Ложка эта – к Богу скорбь за свое состояние, за то, что было в ней, матушке, как прежде сокрытое, теперь открылось и прочувствовалось в своей инородности и матушка просит у Бога прощения за себя, что имела это, взрастила его в себе, хранила до настоящего времени. Из глубины сердца, как только будет это возможно, нужно пробиваться к Богу с покаянной молитвой сквозь окаменелость, недвижность сердца. Когда-то нужно помочь себе земными поклонами. Когда-то, чтобы растворилась эта туга, наложить на себя сугубый пост –

три дня пробыть на просфоре и святой воде (в течение дня можно пить простую воду). Туга может перерасти в исступление, которое перемешается с голодом, малодушными мыслями отступления, т.е. прекращения поста. Но нужно все перетерпеть, переболеть. И с силой вырываться в сердце к Богу с покаянной просьбой простить, помиловать, помочь.

Нужно просить верующих помолиться за Вас, вздохнуть: как отдельных, так, особенно, вкуче собравшихся: за трапезой, на занятиях или на собрании. И непременно исповедь: раз в две недели, раз в неделю, как минимум – раз в месяц. Непременно причастие Тела и Крови с искренним обращением к Богу за помощью. Он один может смыть, вычистить из души тленность, дать свободу, вернуть дыхание жизни. За этим и ради этого причащаться.

Одновременно нужно помогать себе действиями самоукорения. То есть от ближних принимать обличения, признаваться в них и делать так, как они велют, просят или хотят. И эту борьбу совершать, сколько бы ни пришлось – три, пять, десять лет. Зная, что помогает в этой борьбе Господь своею благодатью. Ею Он подымает из глубин нашего естества в виде пены всю тину, муть за мутью. Ты же только «не выпускай из рук ложку».

Если же матушка обнаруживает в себе не переходный период, а характер отступнический, что тогда делать? Отступнический характер проявится в действительном отвержении всего церковного. Не в муках от себя самой, своего настроения, состояния, а в муках от всего церковного. Но и в этом случае нужно поступать благоразумно. Принять, что уже есть семья. Что ее нужно сохранить и самой сохраниться в ней. Для этого дать свободу всем в семье жить так, как велит их совесть. Тогда муж и часть детей будут верующими, она сама и, возможно, кто-то из детей будут неверующими. И пусть никто, ни одна сторона в этом друг друга не укоряют, но позволят друг другу быть такими, какие они в отношениях к Богу и Церкви есть. Во всем остальном хранить мир, обязанности по дому и к домашним, быть единой со всеми в жизни по совести, чувству долга и взаимодавства, любить всех и делать все нужное ради их воспитания как верных сынов Отечества, как будущих мужа и жены, отца и матери, как воинов, граждан-тружеников. И не постыдится такое поведение матушки в доме.

??

Глава вторая. Уразумение, разумение и сообразование

Нет больше ценности для человека в нем самом, чем ревность духовная. Тем более при внешне деятельной натуре. Но именно этот дар Божий легче всего потерять, осуетить, даже делами, вполне служительными Богу. От чего же зависит – будешь терять или нет? От твоего внутреннего устройства. От умения или неумения сердцем или разумом жить Богу. От того, насколько развито твое нравственное и особенно духовное сердце. От того, насколько разумные силы твоих души и

духа пришли в живость. Есть три устройства, благодаря которым возможно удерживать себя в следовании благодатному дару.

1. СПОСОБНОСТЬ К УРАЗУМЕНИЮ УЧЕНИЙ

Во всяком деле вникать в Его, Богу угодное, содержание. Не только в то, какой материал, какие средства, условия и какие люди нужны для дела, не только в то, как дело само качественно, профессионально устроить, но более того – вникать, как сделать его угодным Богу.

Из чего, с кем и как дело устроить – если в этом матушка будет следовать природе материала и дела, а равно дарованиям его устроителей, значит, оно будет делаться в благую волю Божию. Здесь нужен профессионализм, т.е. точное и хорошее знание дела, здесь нужны благословение и молитва, чтобы дело было ограждено от искушений и ладно исполнялось. На Руси говорили – классяно (классно) исполнялось.

Чтобы дело совершалось в благоугодную волю Божию, нужно, чтобы делалось оно от всей души, по совести и по вере. От всей души, значит, от сил души, в свободе их от греховных покровов. Если это сейчас невозможно, потому как мы люди грешные, значит, нужно уразуметь, как поставить работу с людьми ради их высвобождения из греховных покровов. Какой характер нужно иметь самой матушке, в каком характере отношений должна быть она сама с людьми, и люди между собою, чтобы идти к этой свободе? Какое значение для этого будет иметь церковная жизнь, ее уклад, богослужения и церковные праздники, их содержание и действия с человеком, таинства, молитвы, пост? Во всем этом нужно разобраться, мало того – устроить вместе с батюшкой, да еще устроить в постепенность, шаг за шагом, зная, над чем трудимся в этом году, над чем – в следующем. Невольно за всем этим обратишься к книгам отцов и святых отцов Церкви. Невольно будешь искать благословения и живой помощи у Бога, Матери Божией и у святых. И это в любом деле: что в клиросном пении и чтении, что в шитье облачений, или в устройении воскресной школы, или в бухгалтерии, или в ремонте.

Что значит – делать по совести? Оказывается, и в этом нужно разобраться. Совесть-то она разная бывает. Прежде всего, говорит нравственное богословие, нужно уразуметь, что вся природа человека извращена грехом. В уме появились медленность и тупость в познании Божественной истины. В воле явилось самолюбие, порождающее все порочные склонности и страсти. В сердце, в чувстве – склонность к благам чувственным, плотским, утомляемость от всего духовного. В совести – нечувствие и неразличение воли Божией и случаев преступлений ее.

Сама совесть при этом имеет у людей разное состояние. У одних она погрешительная – человек поступает и по совести, но не согласно с подлинным законом добра. У других усыпленная – они чувствуют, что поступают противозаконно, знают даже об этом, но не имеют угрызений совести. У

третьих она сожженная – люди совершают великие преступления, в том числе и смертные грехи. У четвертых мнительная – человек склонен к унынию после грехопадений или проступков, не доверяет покаянию и примирению с Богом.

Уразумев все это, нужно начать труд над развитием совести. Для этого придется увидеть ее отношения с разумом, волей и силами души. Окажется, что без разума, без разумения учений Церкви совесть слепа. Равно и неразвитый разум не может разъяснить себе требований совести. Томит совесть, а почему и куда – не ясно.

Воля постоянно враждует с совестью и тормозит ее развитие. Она не любит рассматривать себя в зеркале совести.

Силы души должны бы быть в единогласии с совестью, но грех разстроил их и пропитал своими покровами. Поэтому совесть, зависящая от греховных покровов, может погрешать и заблуждаться, может быть глуха, а может спать.

И, наконец, что значит делать все по вере? Нужно, как минимум, распознавать этап веры, ее степень, различать ее состояние, чтобы не заблуждаться относительно себя, сотрудников и подопечных. Человеку сегодня очень трудно разобраться в себе, тем более в вере, которую помрачают столько покровов и внутренних соблазнов и искушений как со стороны мнительных и порой обильных знаний о христианстве, так со стороны греховных покровов сердца и со стороны уз духа. О первых подробно и хорошо пишет митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге «О вере, неверии и сомнении». О вторых и третьих отошлю вас к своим книгам: «Родительство, семья, община» и «Пути и ошибки новоначальных». Там найдете много подробностей.

Все, сказанное здесь, относится к уразумению учений Церкви. То есть к постижению тайн Божиих. Когда слова учений напоятся силою и делаются Божественной реальностью. Так например, если учение Церкви говорит об устройении человека, тогда, трудясь над словом учения, человек начинает в себе распознавать то, о чем ему говорит учение. Или больше того, душа, встречаясь с знаниями Церкви, узнает себя в них и навстречу им оживает, высвобождается. Так что слово сообщается душе и душа совершается в слово.

Если учение Церкви говорит о Господе, о Святой Троице, о вышеестественных явлениях благодати, тогда разумная сила души приемлет их в начальное видение, не в знание только, принадлежащее разсудку, но в, разумом осязаемую, явь. «Кто премудр и сохранит сия: и уразумеют милости Господни» (Пс.106:43). «В заповедех Твоих поглумлюся и уразумею пути Твоя. Открой очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего. Пути моя возвестих, и услышал мя еси: научи мя оправданием Твоим. Путь оправданий Твоих вразуми мя. Благости и наказанию иразумна научи мя. Вразуми мя и научуся заповедем Твоим. Видех не разумевающыя истинах: яко словес Твоих не

сохраниша»(Пс118:15,18,26,66,73,158). Такое восприятие слов Божиих святые отцы называют смиренномудрием. Оно предваряет смирение и ведет к нему. Смиренномудрием совершается уразумение.

Вот какое толкование дают святые отцы на другие слова псалма, которые приведем ниже. «Давид боялся более заповедей Божиих, нежели князей века сего – духов злобы и подвластных им злых людей. Поэтому, хотя Саул с приближенными и гонялся за ними по пустыне, но Давиду все это было не страшно, потому что сердце его боялось словес Божиих. «Князи погнаша мя туне, и от словес Твоих убояся сердце мое» (Пс.118:161). Услышать в этих словах псалма приведенное пред ними толкование и позволяет смиренномудрие. И далее: «Возрадуюся аз от словес Твоих, яко обретаяй корысть многу»(Пс.118:162).

«Вернейшее соблюдение слова, – говорят свв.Иоанн Златоуст и Афанасий Великий, – бывает то, которое производится с радостью. Поэтому святой муж не из страха только оказывал повиновение Божественным словесам, но с великою радостью, какая бывает о приобретенном богатстве. Вот урок нам, чтобы выше всякой радости мы ставили веселие и радость о заповедях Божиих»²⁶.

Такое восприятие учений Церкви перестает быть схоластикой. И без него невозможно истинное воцерковление. Это первое устройство, над которым нужно трудиться.

В самом начальном приближении, в доцерковном нашем опыте уразумение – это возвращение к прочитанному после пережитого опыта. Каждый из нас знает, как вторичное чтение одной и той же книги спустя длительное время (два-пять лет) открывает ее совсем по-новому. Текст и содержание те же самые, а впечатление совсем иное. Порой открываются такие мудрости, о которых мы не подозревали при первом прочтении. Текст ли за это время изменился? С книгой ли это сделалось? Нет. И текст, и книга те же. Мы изменились. Тем бльшие перемены восприятия содержания бывают, когда прочитанное и отпечатлевшееся в душе долго хранится в ней, и однажды случится событие, в котором прочитанное произойдет с нами. Если после этого вернуться к книге и прочесть это именно место еще раз, оно заиграет порой иными оттенками, и даже смысл может перемениться. До опытного переживания так прочесть данный текст мы не могли. Это возвращение к содержанию после пережитого опыта и новое его восприятие и есть его начальное уразумение. До этого уразумения не было, было понимание. И оно было разсудочным, а у кого-то и вообще рациональным.

Таким образом, уразумение – это содержание, наполненное опытом. Уразумение учений Церкви или разумение Евангелия – это восприятие слов, содержания личным опытом, в котором пережито содействие благодати. Уразуметь слово – это значит сердцем, разумом прикоснуться к тайнам Божиим, пережить присутствие Божие. Опытно. Услышать невидимое, прикоснуться к несказуемому. Например: «уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею» (Еф.3:19). «ибо предъидешь пред лицом Господа

приготовить пути Ему, дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их» (Лк.1:76-77); или «дай мне уразуметь путь повелений Твоих» (Пс.118:27), или «но они не уразумели этого сердцем» (Ис.42:25). Если человек прочитал, затем в событиях жизни опытно пережил и заново вернулся к прочитанному содержанию, значит он совершил уразумение первой степени. Если далее по жизни Господь дает пережить заново прочитанное во второй раз, тогда в третье возвращение к тексту будет уразумением его второй степени. И так всю жизнь. Сколько ни перечитывай Евангелие и святых отцов, уразумению их не будет конца. И всякий раз мы будем открывать, что предыдущее уразумение было неполным. Вот что говорится в толковании к Псалтыри27: «Нам нужно Божественное разумение, чтобы преуспевать в добродетели: упражняться в милосердии к людям без тщеславия, не домогаться человеческих похвал, жить в целомудрии. Нужно молить Господа, чтобы Он вразумил пройти путь этот истинно и сердечно; ибо сила не во внешнем ходе дела, а во внутренних расположениях сердца».

Восприятие текста может совершать разумок. Тогда это будет понимание. Или воспринимает текст разумная сила души. В таком случае это будет уже уразумение, т.е. содержание будет принадлежать внутренней душе, началу внутреннего человека, будет вразумлять. Уразуметь – ощутить, почувствовать существо излагаемого, но не в представлении, а в чувстве сердца. В том самом чувстве или чувствии, которое слышит благоразумие, мудрость. Церковно-славянский словарь Дьяченко эту способность чувствия называет высшей способностью человека, сообщающейся с Божеством. Это уже дух человека. «Был еси и престал чувствия и мудрости приятелище» – то есть: ты был седалищем благоразумия и вместилищем мудрости. Или: «Не разумеюще бо Божия правды и свою правду ищуще поставити» (Рим.10:3); или: «хотяще быти законоучителем, не разумеюще ни яже глаголют, ни о них же утверждают»(1Тим.1:7); или: «Разумех, Господи, яко правда судьбы Твоя» (Пс.118:85). Если теперь содержание уразумения мы воспроизводим в разсудке, оно становится для нас пониманием.

Уразумение и понимание текста существенно различаются. В уразумении душа слышит и одновременно в себе воспроизводит излагаемый предмет как живую реальность. Предмет присутствует в ней не в отраженном представлении, а в его сущностном бытии, как сейчас и действительно существующий и благословенный к всегда существованию. «Сейчас» по церковно-славянски – это ныне, «всегда» – это присно. Слышать в существе живое существование существующего и есть свойство разумной силы, есть уразумение, ею совершаемое.

В понимании же разумок отображает в виде представлений часть того, что известно разумению (здесь разумение, как итог, плод уразумения). И это в том случае, если разумок приучен прислушиваться к разумению. Равно разумение, чтобы выразить в слове то, что в себе содержит, прибегает к помощи разумка. Если же с текстом книги дело имеет только разумок, тогда он воспринимает из текста только то, что входит в его рассуждение. Рассуждать – значит различать, распознавать, т.е. выделять из массы разных предметов, значит выделять признаки, свойства, по которым и можно отделить одно явление от другого, один предмет от другого. Разсудить – значит разобраться, расследовать судом, совершить суд по поводу какой-либо мысли. Взвесить, уяснить, выявить последовательность, взаимосвязь. Не подлежащее рассуждению не понимается и потому не берется. Иной раз книгу святого отца человек читает, перечитывает, но ум скользит по тексту, а

взять ничего не может. Значит, текст не поддается рассуждению, пониманию. Либо этот текст берет механическая память, если она есть у кого (мало таких людей, в основном люди запоминают логической памятью, т.е. тоже разсудительной).

Чтобы учения Церкви брать сразу уразумением, нужно разумную силу души иметь свободной от греховных покровов самообольщения, рассеяния и плотяного покрова. А так как такого состояния у людей и ни у кого из нас нет, значит, над обретением его нужно трудиться. Т.е. извне пробиваться к разумной силе и разумению. Важными действиями при этом будут три.

Три шага к уразумению

Первый. Внимательно вчитаться в текст Евангелия, или святого отца, или сформулированного учения Церкви. Разсудительно усвоить его в меру, насколько хватит разсудительности.

Второй. Носить с собой в сознании, но не для общения и разговоров, не для суждений и пересудов, а для осуществления в жизни, одновременно испрашивая у Бога самого осуществления. Нужно помнить, что описанное у святых отцов и в учениях Церкви происходит не без благодати Божией. Более того, именно при участии Бога происходящее с нами и есть собственно то, что описано, и мы читаем в трудах отцов Церкви. Без Бога это будет какая-нибудь прелесть. Поэтому второе действие или второй шаг – это Богом даруемое осуществление усвоенного или опытное его переживание.

Третий. Нужно вернуться к тексту и внимательно прочесть его, вникая в его содержание уже не разсуждением, а опытным разумением, т.е., не разсудком, а разумной силой души. В последующем, когда действие разумной силы будет пережито во вкусе и усвоится в начальное делание, тогда при всяком первом чтении нового текста сразу идти мимо разсудка. Когда в разумении закрепится читаемое, тогда только сделать его и достоянием разсудка. При этом, когда пользуешься разсудком, самому оставаться в разуме души, т.е. там, где предмет по существу всегда жив. В разсудке он умирает, и остается один логический слепок с него. Этот слепок может быть введен даже в компьютер, и компьютер будет делать с ним то же, что делает разсудок. Содержание же разума в компьютер ввести нельзя.

Культура разумного обращения с текстами, звучавшими на слух в храмах, была свойственна православным людям в прошлые века. Она естественно складывалась благодаря устному преданию, т.е. непосредственному общению человека с человеком, без книг, от разумения одного к разумению другого. От жизненных поступков и слов одного к жизненным поступкам и словам другого. Равно и во время богослужений тоже уразумение или в разуме совершаемое обращение к другому совершалось в непосредственном общении с Богом в молитве и со священником во время проповеди. Особенно эта культура живого общения складывалась в

простом народе русском, которые не знали письма и книг. И складывалась с самого детства, в котором не было разжигающих воображение приключений, волшебных сказок, неосуществимых и нереальных фантазий. Тем более не было телезрелищ и компьютерных игр. Детская душа сохранялась в ее разумном естестве чистой и неоскверненной. Соответственно, в том естественном соотношении разумной силы души и разсудка, уразумения и понимания, в котором первое было базисом, второе – обслуживанием первого, или служением первому.

Теперь же все перевернулось. Разсудок вышел в полное превосходство над разумной силой, а в наше время настолько, что жизнь уразумения телевизионные дети теряют уже к четырем годам. Все дальнейшее доделывает с ними школа с ее рациональным обучением, продолжающийся телевизор и входящий к ним на подмогу компьютер. Таковыми сделались сегодня и многие взрослые.

Одновременно с этим между пониманием и уразумением в сознании человека образовалась мощная сила – самомнение. Оно теперь перехватывает все содержание разсуждения, в себе складывает свое собственное понимание, и даже если в точности отражает содержание учения Церкви, то задерживает его в области представлений, т.е. той области, в которой это содержание теряет благодатное наполнение, а живет и поддерживается энергией самолюбия от уз духа и в таком виде пользуется в делах: в разсуждениях, обучении, в общении, во взаимных спорах, статьях, книгах, конференциях, в устройении богослужений, воскресных школ, огласительных курсов, православных гимназий. В том числе и наши духовные семинария и академия являются, в основном, такими же. Спасаются от этого рационального обучения лишь те семинаристы, которые от рождения одарены разумением и уразумением и могут устоять в них в годы учебы. Мы же можем с большою скорбью констатировать реальный факт, что у большинства людей нет сегодня другого знания, кроме как самомнительного. Чтобы появилось знание разумное, нужна совсем другая культура обучения. Недаром есть еще духовники, которые не благословляют своих чад учиться рациональным богословским наукам. Иным образом ведут их к Евангелию, трудам святых отцов и учениям Церкви.

Святитель Феофан Затворник в своей книге «Начертание христианского нравоучения» приводит еще способ разумного собирания. Он пишет: «Старцы Божии заповедуют, обыкновенно, держаться следующего порядка: сосредоточить внимание свое на избранном тобою предмете, например, присутствии Божиим, смерти, крещении, и разсматривай его с разных сторон. При сем каждую родившуюся у тебя мысль старайся проводить до чувства или внедрять в сердце, например, из мысли о близости смерти роди страх или раскаяние, из помышления об обетах крещения радость или печаль, и проч. Заклучай же всякое размышление выводом правил действий для себя, применительно к твоей жизни и твоим обстоятельствам; например, Бог везде есть, все видит, следовательно, и меня; не буду же я допускать худых помыслов, – лучше умру, нежели согрешу; а в таком-то случае буду поступать так и так, чтоб не прогневать Бога, видящего меня»²⁸.

Теперь, чтобы переходить ко второму устройению (первое – разумение учений), нужно иметь плод первого – уразумение содержания учений. Не понимание только, но, прежде всего, разумение. Тогда вторым устройением человека на пути к сообразованию себя с Господом и угождениями Божиими будет разумение себя, жизни и своего служения.

2. СПОСОБНОСТЬ К РАЗУМЕНИЮ СЕБЯ, ЖИЗНИ И СВОЕГО СЛУЖЕНИЯ

Пожалуй, это самое трудное для современного человека действие. На пути к нему лежат мощные механизмы самообороны, которые не пускают благодать проникать к душе и к духу человека. Мы имеем регулярное причастие Тела и Крови Христа. Что сильнее может быть в действиях Бога по отношению к человеку, как не это таинство сокровенного единения Бога и человека? Казалось бы, мы должны видимым образом преображаться после каждого Причастия. Увы, не только преобразования, но и чувства себя участником человек может не испытывать. Нет разницы: что причащался, что нет. Одна из причин этого – мощные греховные защиты, которые современный человек имеет в себе и ими не пускает к себе благодать. Это механизмы самомнения, своеволия и своенравия.

Самомнение – способность составить обо всем, и особенно о людях, свое мнение и затем упорно держаться его. Другой человек может покаяться, может изменить весь строй своей жизни, а мы по-прежнему будем иметь свое, однажды сложившееся к нему отношение. Этот механизм работает как сильнейшее вражье средство по разрушению людей в семье, при переходе из поколения в поколение. Так, почти нет родителей, которые к своим детям имели бы отношение как к чадам Божиим. Т.е. имели бы свободное, от чистых сил души, что значит – от чистого сердца – отношение к своим детям. Есть непременно какое-то мнение о своем ребенке. У каждого родителя свое. Мой ребенок самый красивый, самый лучший, самый умный, одаренный. Или – мой просто умный, просто хороший. Или – мой урод, образина, недоумок, калека. Или – мой больной, нежный к суровым условиям, слабый. Или – ни к чему не годный, руки не оттуда растут, растяпа, оболтус. Или – чтоб пропал, да лучше б ты не родился, навязался на мою голову. Все это мнения, имеющие активный характер. Родитель не один раз его повторяет. Более того, он относится к ребенку из этого мнения и обращается с ним также из него.

Нужно ребенку иметь очень большую нравственную и духовную одаренность от Бога и сугубый ангельский покров, чтобы остаться свободным от насилия родительского отношения к нему. Увы, большинство детей не имеют этой одаренности. Греховные покровы их, произвольно для самого ребенка, ловят эти мнения родителей, напояются ими, т.к. для покровов это лакомая пища, это то, от чего сам покров получает свое развитие. Так, дитя, рожденное с нераскаянными родительскими грехами и страстными наклонностями в душе, полученными от родителей, в

первые же годы своего развития начинает проявляться в них, и получает в этих наклонностях сильную поддержку и развитие через произвольное обращение родителей с ним. Произвольность эта имеет скрытый сомнительный характер, которого родители обычно даже многими годами церковной жизни не могут в себе распознать.

Самые тяжелые наложения сомнительных родительских образов на детей происходят сегодня у мам, чувственно привязанных к своему ребенку, особенно к мальчикам. В этих случаях болезненное изменение характера и всей психики ребенка простирается уже на всю жизнь ее дитя. Ребенок отвечает ответною привязанностью и превращается в придаток мамы, который неспособен к самостоятельной жизни ни в двадцать, ни в сорок, ни даже в пятьдесят лет. Так и остается при ней с изуродованной душой, с неврастеническими и подобными им повреждениями психики и всего уклада жизни. Это особая и очень большая, по нынешнему времени, тема. Отложим ее для другой, более удобной для этой темы книги.

О том, что и описанные здесь, и другие отношения родителей к своим детям являются сомнительными, свидетельствуют: а) потрясения, которые переживает родитель, узнав о своем ребенке нечто такое, чего он не подозревал, или сам увидев его иным, таким, каков он вне дома; б) потрясения от поступков ребенка, от первых его краж из дома, его курений, лени, распоясанности, первых капризов, упрямств и др., в) потрясения, недоумения и скорбь от того, каким он вдруг делается в подростковом возрасте, в юношеском, причем подобные потрясения и недоумения могут происходить не только от злых, но и от добрых и неожиданных для родителя проявлений ребенка (надо же, какой он оказался), г) недоумения перед задачей видеть в ребенке чадо Божие – как это, что это такое? вижу, как вижу, но чадо не вижу; д) недоверие педагогическим книгам, особенно по церковной педагогике, или невосприятие их – мол, сама знаю, как воспитывать и что, а как вы пишете и Церковь пишет, это все не для нас, для нас нужно что-нибудь попроще.

Сомнение составляет одну из значительных причин расстройств супружеских отношений. Сколько ссор, недоразумений, ложных упований и затем разочарований происходят только по тому, что один не так, т.е. сомнительно, услышал другого и сразу не уяснил ошибку. Сколько неожиданностей переживают супруги друг от друга оттого, что в период жениха и невесты насочиняли себе сомнительный образ о другом, еще больше сомнения сочинили относительно себя – и любить буду до смерти, и потерплю все неожиданности его характера, и буду уповать на Бога, и крест понесу, какой бы он ни был, лишь бы сейчас пожениться.

В этом же механизме может протекать все супружество. «Еще немного подожду, все изменится, он сделается другой, я сама перестроюсь, Господь нас не оставит». Откуда ей знать, что даже в этом «Господь не оставит» нет действительного упования, а одно сомнение строит розовые пустые утешения. Что в этом «немного подожду, потерплю» нет свободы сил души и духа, и потому одно неблагоприятное поведение, самообольщение, глупость даже в поступках и самоослепленное, а вместе с тем, очень обнадеженное упрямство.

Равно бывает много и обратного содержания самомнения, когда супруг подозревается в тех или иных поступках, когда усваиваются ему смыслы поведения, не имеющие к нему никакого отношения – «а, теперь знаю, почему ты так делаешь; что от тебя еще можно ждать, ты такой был, есть и будешь»; – когда извращается весь характер церковной жизни и из-за самомнения видится все в черном свете, без намека на христианское утешение, без правды человеческой, не говоря уже о Божией, в свете одной только правды греховной. Самомнение, усиленное эмоциями досады, саможаления, ревности, обиды, не может в этой, для нее как бы правде, увидеть, что она (правда) греховная. Еще бльшим самомнением напоены бывают мужья. Наиболее глубокие самомнительные мысли открываются обычно тогда, когда муж выпьет. Всякое чувство приличия слетает как пыль, и он начинает нести околесицу, какой свет не видывал. Каких только подозрений ни услышит жена, родители. Оказывается, он болезненным самолюбом или ревностью подхватывал какое-нибудь слово в речах жены, не дослушивал ее до конца или вообще не вдавался в смысл ее речи, и, зацепившись за слово, придавал ему значение, какого она и близко не имела ввиду, достраивал из него какую-нибудь свою картину, закручивался на нее, но молчал, досадуя, злобясь и обижаясь. Теперь, напившись, все содержание самомнительного ада своей души он будет обрушивать на жену или на ближних, совершенно уверенный, что он правильно услышал, что он и без того знал, что его не любят, что он никому не нужен, что она у него такая-сякая и прочую всякую напраслину.

В самомнениях складываются в основном все наши отношения с окружающими людьми. Мнение о человеке мы начинаем складывать с первой же минуты знакомства с ним. И все последующие с ним отношения – это, в основе своей, продолжающееся самомнение о нем.

Жизнь в сфере самомнения о людях занимает так много места в нас, что настоящих, чистых и, тем более, действительно дружеских отношений просто быть не может. Их и нет сейчас среди людей. Но если нет даже дружеских отношений, тем более неоткуда взяться отношениям братским и сестринским во Христе. Христа в наших отношениях нет. Вместо Него – самомнения о других. Одни – как приятное впечатление о человеке, нечто, рождающее симпатию к нему, доверие, влечение; другие – как рождающие неприязнь, гнушение, небрежение ближним; третьи – как причина равнодушия, нечувствия человека.

Жизнь в сфере самомнения порождает острое влечение к слухам, разным пересудам о других, расцвечивание этих слухов в разные тона личного отклика, одни – в тона розовые и восторженные, другие – в тона пасмурные и мрачные. Такое расцвечивание так лакомо человеку, что оно для него как жизнь. Осуждение – грех этой сферы жизни. Причем ни положительный, ни отрицательный тон отклика в самомнении не будет устойчивым. Едва только другой не угодил, как самомнение в отношениях с ним тут же переменится с плюса на минус. И наоборот, как только человек угодит, он в одночасье делается желанным, приятным, нужным.

Самомнение боится самоукорения и тщательно избегает его. Самоукорение – смерть для него. Оно и враждует с ним. Самомнение не терпит благодати, ее и нет с ним. Зато оно умеет создавать множество эмоциональных замен ей. И чувство восторженности, и чувство радости, и жизненный мажор, и довольство жизнью, собой и домашними, и отдельными избранными из своего окружения, в обращениях с предметами, событиями, чувство любопытства, занимательности в обращениях с собою, чувство томления, грусти, а то огорчения, скорби от несостоятельности своей, от неудач, нестроений, как бы покаяние, и даже слезное, навзрыд иногда, стоит только чуть напрячь свое чувственное воображение или мечтательность.

Второй механизм греховной защиты – своеобразие. Когда человеку безотчетно или явно нравится свой характер, свои манеры, тон голоса, походка, привычные чувства, действия, привычный ход мыслей, чувствований. За этим скрываются очень глубокие привычность и довольство всем своим, т.е. внутренним складом души и разными чувствованиями себя. Это любовь к тому, что составляет натуру человека. Этой натуры иногда бывает так много и она с такой любовью и беззаветностью носится человеком в себе самом, что, с одной стороны, удивляешься широте, с которой человек живет собою, а с другой, скорбишь за такую самовлюбленность.

Однажды к нам в училище заехала семья священника с детьми. Матушка, открытая, жизнелюбивая, немного полная, костистая, свободно вошла ко мне в кабинет: «Ну, рассказывайте, как вы здесь живете?» По-хозяйски, широко разставив ноги под широкой юбкой, села, без всяких стеснений расположилась на стуле, заполнив собою все пространство вокруг себя, и начала по-простому, с живым любопытством оглядываться вокруг. О благословении, о приветствии не было даже речи. Я понял, что она так привыкла жить – широко, с любовью к своей натуре и с любовью к жизни. Подобного склада матушек, чуть скромнее в поступках и аккуратнее в манерах, я встречал не один раз в своей жизни. Рядом с ними были всегда такие же дети. Только в них, чем они были младше, тем больше в эту любовь к своей натуре примешивались вольность, дерзость, непослушание. Ребенок шел или лез куда хотел, напролом, наперерез, невзирая на окружающих. Как будто их, окружающих, просто не было или они были для него наряду с мебелью.

Дети постарше немного ориентировались среди людей, в чье окружение они попадали, но при этом все равно все их общение было только с матушкой или с батюшкой. Не обращая внимания на тех, с кем матушка и батюшка беседуют, они дергали их разными вопросами, репликами, впечатлениями, неожиданно вспомнившимися подробностями. И матушке, и батюшке обычно нравились свои дети и нравилось их такое прилепление к ним. Они и не останавливали их, разве уж когда черезчур те расшалеются. Благодать ли давала им такую свободу или положение при матушке, при батюшке – не знаю. Бог знает.

Совсем другой склад своеурного характера проявляется в наглости, хамоватости, властности и надмении матушки. Когда она ни во что никого не ставит и при этом со властью управляет всеми, кто попадает на ее пути. Встретив на приходе пришедших не своих детей, подростков и молодежь без лишних разговоров определяет, кому что для нее делать. Да и со взрослыми не церемонится. Живя в общегитии, всем общим будет пользоваться, как своим, ни у кого не

спрашивая, никому не подчиняясь. На замечания скажет: «Цыц!» – или смерит взглядом и продемонстрирует полное небрежение, а то и отшутится, продолжая делать свое. И батюшка управиться с ней не может, и духовник, если таковой есть. Бывало, тому и другому скажет: «Ну что я могу с собой сделать? Ничего. Принимайте меня, уж какая есть». Ни скорби о себе, ни самоукорения.

Своенравие может удерживать матушку в любом ее характере, какой бы он ни был. Одну в обидчивости, капризах, другую в постоянной ревности, подозрениях, третью в беспечном жизнелюбии и ухарстве даже, четвертую в деловитости, пятую в лени, рассыпанности. Матушка может даже пытаться как-то исправить себя, но копнет раз-два в свою сторону и бросит это занятие, снова перехваченная своей любимой натурой, будет жить в ней и ею. Попытаешься ее остановить. Если доверяет, остановится, но через минуту – опять за свое.

«Есть религиозность – пишет священник Александр Ельчанинов в своих «Записях»²⁹, – тесно спутанная с эмоциями эстетическими, сентиментальными, страстными, легко уживающаяся с эгоизмом, тщеславием, чувственностью. Люди этого типа ищут похвалы и хорошего мнения о них духовника, исповедь их трудна, так как они приходят на исповедь, чтобы пожаловаться на других, поплакать, они полны собой, легко обвиняют других. Недоброкачеством их религиозной экзальтации лучше всего доказывается легким переходом к раздражительности и злобе. Люди этого типа дальше от возможности настоящего покаяния, чем самые закоренелые грешники».

«Неврастения», «нервность» и т.п., – пишет он в другом месте, – мне кажется, – это просто виды греха и именно греха гордости. Самый главный неврастеник – диавол. Можно ли представить себе неврастеником человека смиренного, доброго, терпеливого. И обратно – почему неврастения выражается непременно в злобе, раздражительности, осуждении всех, кроме себя, нетерпимости, ненависти к людям, крайней чувствительности ко всему личному?»³⁰. Мы добавим к этому, что неврастения – один из видов болезненного своенравия.

Оба эти механизма – самомнение и своенравие – закрывают сердцу действительное значение и смысл евангельских слов и писаний святых отцов. Человек читает содержание на свой лад, делает свои, ему только ведомые акценты и порой может вытащить из текста то, чего там совсем не содержится, но на этом сделает упор, выведет какую-нибудь для себя мысль и по ней будет строить свои поступки.

Своенравие может выдумывать какие-нибудь обычаи, которые ему очень понравились, и с упорством держаться их. Например, с умилением подставлять ладони, когда священник благословляет из алтаря: «Мир всем» – и затем прижимать их к груди, как будто поймали что-то. Или воду богоявленную чтить особо, а крещенскую меньше, не различая, что Крещение Господне и есть Богоявление, и чин освящения воды один и тот же. Или праздник Рождества Христова чтить выше, чем праздник Крещения Господня. А уж сколько суеверных обычаев может придумать

своенравие только потому, что какое-то действие или смысл уж больно понравились душе! При этом свои нравные впечатления бывают так сильны, что никакое разумное отражение их не может с ними ничего сделать. Будут держаться за них до смерти.

Власть своенравия – это одна из центральных причин, почему человек не меняется в нраве, порой десятками лет пребывая в Церкви. Как была матушка своенравной, так и остается такой. Притча во языцех – верующие бабушки в храмах, разгоняющие новичков своим нравом. Каждый из нас эту власть испытал на себе не единожды. Вот матушка читает о кротости, незлобии. Нравится ей читаемое. Умиляется даже житийным рассказам. Но час спустя обратился к ней батюшка. Вспомнила было о кротости, да поздно уже. Привычно взметнулась в душе резкость в адрес батюшки, и было уже не остановить. Сознанию нравится кротость, а душе своенравной нравится резкость. И второе «нравится» оказалось сильнее.

Если бы то, что нам нравится во время чтения, мы бы усваивали душе, народ Божий только одним чтением был бы восстановлен к райской жизни. Увы, ничего подобного не происходит. А ведь столько и так много начитанных людей, как в наше время не было ни в один прежний период христианства. Почему же не происходит перемены нрава? Потому что, помимо прочих причин, есть самомнение и своенравие. Мы не говорим пока еще о своеволии.

Самомнение имеет жажду к чтению. При этом, разсудочно воспринимая читаемое, оно переживает его содержание в эмоциях. Эмоциональная жизнь выращена у современных людей в телевизионных и театральных зрелищах. Она подкреплена и сделалась привычкой благодаря эмоциональному чтению в детстве и подростковом возрасте, когда чтения было много, а жизненных поступков по прочитанному мало, или они вообще не требовались. Если же чтение возбуждало подражание, оно, в основном, все проигрывалось в мечтах и грезах, лишь некоторая часть совершалась в жизни, и то – не столько в поступках, сколько в некотором воображении, которое свойственно подростковому возрасту. В жизненный поступок выходила ничтожно малая доля. Эта-то часть читаемого и становилась достоянием нрава и то в ту меру, в какую нам удавалось прочитанное воспроизвести в своем поведении.

Людей, склонных больше к мечтательному воспроизведению, называют романтическими натурами. Тех, кто на какой-то период проигрывает в своей жизни образ прочитанного героя, называют воображаемыми или артистами в жизни. И только те, кто действительно прочитанный образ берут в свой нрав, являются действительными учениками у прочитанного. Таких немного. Это люди, у которых пониженное своенравие и повышенное или высокое ученичество.

Процесс восприятия прочитанного образа в свой нрав мы называем сообразованием себя с прочитанным. Но прежде чем это действительно произойдет, необходимо исполнить два предыдущих шага – уразумение прочитанного и через прочитанное – разумение себя.

Разуметь себя можно словами, записанными в книгах и теперь воспроизводимыми нами в разумной силе души. Когда слово берется из текста или воспринимается на слух и воплощается в душе, тогда душа, приемля слово о себе самой, узнает в нем себя, располагаясь к нему навстречу и через него начинает явственно чувствовать, слышать саму себя. Тем душа возстает из рутины греховных покровов, искажающих ее образ, извращающих все содержание ее жизни. Она начинает жить содержанием слова, в нем узнавая и обретая свое содержание.

Душа делает это не с помощью разсудка, и поэтому содержание слова не есть представления или отражение реального. Душа производит разумение в самой себе, в разумной силе, и поэтому содержание слова есть слышание сути реально совершающейся в самой душе. Когда в слове учения описывается душа, ее свойства, силы и добродетели, и разумной силой она усваивает это слово, тогда содержание слова становится ее содержанием или, говоря просто, ею самой. Когда идет разумение жизни – тогда слово становится самой жизнью. Когда мы разумеем свое служение, тогда происходит разумное слышание самого служения. Процесс этот таинственный. Начально он может совершаться самой душой в постижении всего тварного мира. Так во всех народах были и есть мудрецы, которые разумели много глубокого и мудрого в себе, в мире, во Вселенной. Но все, что касается отношений с нетварным Богом и тех свойств души, в которых она вступает в сообщение с благодатью, там разумение себя необходимо требует участия самой благодати и без нее не может совершаться. Действительное разумение себя совершается разумным светом, который дается непосредственно Святым Духом.

Здесь как раз сильнейшим противодействием такому устройению человека выступает своенравие. По глубине своей оно лежит в греховных покровах сердца как любовь к собственному нраву и эту силу любви к себе становится непреодолимою преградой для разумения себя. Вместо слова, открывающего истинное содержание и нрав души, своенравие выпячивает и удерживает свое содержание и свой нрав. Держится за нрав греховный, не совпадающий с богодарованным естеством души.

Даже и там, где человек положит нравственные труды и придет к чистоте души, к естеству ее, даже и здесь своенравие обращает свой взор любви на собственную душу и любит, довольствуется ею, закрывая ее от общения с Богом, от участия в ней благодати. Немало людей, которые имеют чистые и добрые свойства души – они радушны, веселы, общительны, заботливы, трудолюбивы – и живут с большим жизнелюбием, широко, уверенно, любя жизнь и свою живость в ней. И остаются неверующими и даже очень далекими от веры. Эту удаленность обеспечивает им своенравие.

Своенравный человек часто не хочет и не может допустить к себе разумение слова. Угождая себе и помогая своенравию через самомнение, он все время удерживает слова и содержание учений в области представлений. Тем более не может он допустить к себе разумение себя, своей жизни и своего служения. Он может только рассуждать о себе самом, может анализировать умом себя и свои механизмы – на этом основана вся психология – но разумение себя ему недоступно. Он не ведает, как под действием благодати может совершаться в нем этот сокровенный, таинственный

процесс. Поэтому он может быть очень образован в области церковных богословий, но какая-нибудь верующая старушка, не имеющая никакого образования, воспитанная богослужебным содержанием, Евангелием на слух и проповедям, будет более точной в своих словах и поступках, чем он, трижды ученый муж. В ней будет слышен «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» (1Петр.3:4). А в нем, при всем его богословии, этого не будет слышно.

О разумении себя много и глубоко пишет свт.Феофан Затворник в книге «Начертания христианского нравоучения». «Для сего надобно знать свои действия, знать себя и отделять себя от своих действий. Но у человека страстного, лишенного благодати, нет достаточного знания собственных действий. Он не знает не только, что сделано вчера, даже ныне или за несколько часов. Он находится непрестанно в заботливом действии, а не знает, что делать, как будто сии действия не от его лица происходили. Это от того, что, слишком увлеченный потоком собственных действий и своего отношения ко всему прочему существующему. Но ни последнего, ни первого в нем нет. Потому он не скажет, что собственно он значит, что его ожидает, в каком он состоянии, какое главное его настроение, главный недуг и чем помочь ему.

Потому нет и различения себя от своих действий. Это опаснейшее из обольщений лица грешного. Все, что возникает внутри, считает он собственно собою и стоит за то, как за себя, как за свою жизнь. Оттого и отказать себе ни в чем не хочет. Между тем мало ли всеается в нас со вне – от сатаны и мира, кроме того, что возникает от живущаго в нас греха, котораго тоже не следует считать собою?»³¹.

Разумение себя совершается в человеке двумя путями – через слово Евангелия и святых отцов, воспринятое душою, и через непосредственное действие благодати призывающей и дальше содействующей человеку в его внутренних подвижнических трудах. При этом первый путь – через слово – также требует участия благодати, т.к. без нее душа в своей разумной силе схвачена самомнением и своенравием и не способна к восприятию слова.

Верою и желанием быть угодным Богу человек применяет Слово Божие и подвижнические наставления к себе самому. Совершаемое в разумной силе души, а затем в духе это действие и есть разумение себя. Оно состоит в «извлечении души из механизма его внутренней и внешней жизни и возвышением над течением ея... Здесь, следовательно, полагается первая возможность сознанию (разумению) истинному и полному. С сей минуты оно и начинается, ибо первый взор человека под действием благодати (и слова) обращается на его существенные отношения. За тем уже внимательный к себе не сходит с сей высоты духа. Око его вознесено над всем своим и над всем соприкосновенным к нему, и все то разумеет и видит он ясно, как страж какой»³².

Здесь нужно от разумения себя отличать современные представления о сознании себя, самосознании. Человек рационального нашего времени в основном занят сознанием себя, т.е.

разсудком может, как бы с высоты своего, много знающего, ума, различить в себе разные механизмы, в обилии описанные в книгах по психологии. То же он делает, когда читает святоотеческие книги. Много зная из них о себе-грешнике, знает это разсудком, применяет к себе и со скорбью чувствует, что чем дольше живет в Церкви, и, вроде бы, чем больше знает о ней, тем холоднее делается в вере, совсем теряет покаяние, а жизнь церковную имеет всю во внешнем навыке.

Таковы сегодня многие церковные люди, имеющие стаж церковной жизни больше десяти лет. Есть они и из тех, кто учился в семинариях и духовной Академии или в разных богословских учебных заведениях. Чувствуют, сознают себя такими и ничего не могут с собой поделать. Слишком силен навык умом надмеваться над собою, т.е. себя разсматривать (знаний-то много, есть чем это делать), различать в себе доброе и злое, разбираться с собою. И долгое время будет неуловимо отличие действительного разума от надмевания. И только у людей более или менее глубокого склада, богатых нравственно может присутствовать сознание себя, совершаемое по естеству не разсудком, а разумной силой души. Разумение от себя отличает зло и все худое в себе, возстает из него, извлекается собою Божиим из всего, что не принадлежит ему, т.е. его богодарованной природе. Разумение зрит от себя, а не над собою, отличает зло от себя, а не различает добро и зло. Оно есть жизнь божественной природы, высвобождающейся из-под рутины и власти греха.

Святитель Феофан Затворник тоже применяет слово «сознание себя». Но оно у него применяется не в современном его значении, т.е. разсудочного действия, а так, как это свойственно всем святым отцам – как разумение себя, совершаемое не душою даже, а духом. Поэтому он пишет, что свойство человека, «облагодатствованного в Слове Божиим и в наставлениях подвижнических называется бодрствованием и трезвением. Механизм внутренней и внешней силы поминутно порывается опять вовлечь его в себя, как в вихрь или пучину какую; он держится в себе. Напряжение пребывать в себе есть подвиг трезвения или бодрствования, самый важный и начальный в духовной жизни. По мере совершенства в трезвенной бдительности над собою возвышается и сознание»³³.

Таким образом, разумеющий себя:

«Ясно знает свои действия, действия не только одного дня, но недель и годов, со времени пробуждения, знает не только численно, но по их силе и смыслу, с побуждениями, чистотою и нечистотою, вполне. За тем у него есть повседневная исповедь. Различает себя от действий. На этом основана вся мудрая тактика в духовной брани, ибо самое первое здесь дело есть сознание врага. За тем всякое движение у него сейчас оценивается, откуда оно и что значит. Взор внутрь себя в сем отношении у него так глубок, что он не только вообще неправые движения видит, но и между ними различает свои от несвоих. В этом и состоит известное у св. подвижников различие вещей или помыслов.

Знает, что он значит сам, что его ожидает, в каком он состоянии, в каких отношениях к другим...

Из всех сих свойств слагается тот внутренний свет, который приписывается истинным христианам и по которому вся их жизнь называется хождением во свете или деланием в день³⁴.

Разумение жизни – это способность отличать свое доброе поведение от злого. Не различать в себе поступки добрые и злые – это принадлежит разсудку, внешнему сознанию – а доброе свое отличать от злого не своего, хотя и собою произведенного. Только когда злое производилось, человек не слышал этого, не разумел, имел неправильный навык, чувство, разсуждение и поэтому творил зло, тогда как мог творить добро. Теперь уразумел добро и потому может разуметь свою жизнь, т.е. выправлять поступки, чувства. Выправлять угодно Богу. Уже не себе.

Люди, не способные к разумению жизни, обычно увлекаются внешним миром, «живут в нем, как бы сорастворяясь с ним, почему и называются внешними, вне себя живущими, ушедшими из себя. Благосостояние внешних вещей своих они считают благосостоянием собственного лица и, напротив, неблагосостояние их своим несчастьем. Оттого покушение на ущерб или самый ущерб в одежде, доме, мебели, месте и проч., глубоко потрясают их, поражают в самое сердце»³⁵.

В поступках и поведении своем не распознают противного Богу. Могут весело хохотать, где и когда им захочется, могут быть нахальными, наглými и не сознавать этого, не говоря уже о том, чтобы разуметь свои поступки, т.е. возможностью добрых поступков отличать наделанные злые: могут взять и не вернуть, пообещать и не сделать; могут не заметить, что другому плохо, кто заболит – не проведут; оступится кто – поднимут на смех; могут заниматься пересудами, любопытничать, лезть в душу и ничего этого не то чтобы разуметь, но и не сознавать даже. Делая все, как будто так и нужно.

Разумеющий же жизнь свою живет по сознанию (разумению) воли Божией на него, «чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божией» (1Петр.4:2). «Жизнь по воле Божией есть в высочайшей степени жизнь разумная. Отсюда строй, целостность жизни»³⁶. «Не бывайте несмыслены, но разумевайте, что есть воля Божия» (Еф.5:17).

Здесь теперь мы можем заметить, что слово «сознание» себя и жизни своей имеет два значения. Одно – разсуждение о себе, умом различение в себе разных механизмов. Другое – разумение себя, жизни, т.е. восстановление в себе доброй и богодарованной природы и возстание ее из худых навыков, чувств, разсуждений, т.е. по жизни выправление поступков, чувств, мыслей и одновременно в себе высвобождение из липкости (сластности) греха, страсти. Современный же человек слово «сознание» употребляет преимущественно в первом значении. А второе значение открывается ему, если он входит в церковную жизнь и начинает внутренний труд над своим нравом. Разумение себя и жизни имеет плодом покаяние.

Желающим разумевать свою жизнь святитель Феофан дает следующее правило, «которое показывает, как все силы духа длжно держать в своих руках, именно: утром по молитве, сядь и расчисли, что тебе необходимо делать в продолжение дня, где быть, с чем и с кем встречаться, и применительно тому наперед определили, что где помышлять, что сказать, как держать свою душу и тело и проч. Это значит, что истинный христианин должен сам держать себя в руках, сам заведывать всеми движениями своей души, а не позволять им происходить самим собою, как бы без его ведома. Он должен быть сам владыкою всего внутри его происходящего, владыкою своих сил.

Из всего предложенного может всяк усмотреть, что в истинном христианине все силы в деятельности своей зависят от него самого, а не самовластно движутся, что в сей деятельности везде действуют совместно, не раздробляясь и не отделяясь одна от другой, вспооществуя себе взаимно возвышая общую жизнь духа, так что она от сего есть цела и крепка, есть достойный сосуд пребывающего и покоящегося в нем Бога. В грешнике же этого нет, а есть все противное, как видели. Сам он сего не видит и говорит о себе, что цел и здоров, – в чем и беда его. Но и тем, кои отказались от грехов, надо внимать себе, чтобы не попасть хоть временно в такое разложение сил, какое бывает в преданных греху... ибо и это опасно. Уразумевая сие, внимай себе всяк»³⁷.

«Грешницы и вси делающие беззаконие, подобно траве, процвели временно благоденствием. Не хотели безумные разуметь, что после настоящего греховного благоденствия плодом своим будут иметь вечное мучение». /Бл. Феодорит/

Разумение служения – это способность отличать дела и события своего служения, угодные Богу, от неугодных, которые возможно было сделать, но они не были сделаны. Вместо этого были сделаны дела, неугодные Богу.

Так, матушка может устраивать воскресную школу, но таким образом, что к четырнадцати годам все ученики школы разбегутся из Церкви. Или будет растить своих детей и так обходиться с ними, что прихожане станут дивиться, как это дети священника в поведении своем порой бывают хуже неверующих. Все это и подобное тому может происходить по причине неразумения своего служения. Так Господь говорил законникам: «Горе вам, что вы взяли ключи разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали» (Лк.11:52). «Душевный человек, – говорит ап.Павел, – не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надо судить духовно». «Строит ли кто – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытывает дело каждого, каково оно есть» (1 Кор.2:14;3:13). «Итак, умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы нам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12:1).

Подводя итог, о трех разумениях – себя, жизни, служения – можно сказать следующее. В разумении себя человек обретается в образ Божий, трезвением извлекает себя из тления и всего тленного в себе. В разумении жизни выделяет в своем поведении те поступки и действия, какими он может найти Христа и быть с Ним. В разумении служения он ищет и находит те смыслы, действия и устройства, какими возможно угодить Богу, или, что то же самое, людям помочь облечься в жизненность Христа.

3. СПОСОБНОСТЬ К СООБРАЗОВАНИЮ С ГОПОДОМ, ЦЕРКОВЬЮ И

ЕГО ВОЛЕЮ

Сообразование с Господом

Это значит прийти в нрав Господень, т.е. самому человеку облечься в жизненность Христа.

Сообразование с Церковью значит учиться нраву Божию, следуя святым угодникам и церковным обычаям. Сообразование с Его волею значит жить в Его Законе, Его Промысле и в Его благодати.

Один из ярких обычаев сообразования с Церковью есть празднование дня именин. Это день, когда всю Церковь и каждым именинником прославляется святой, имя которого он носит. Как можно прославить святого? Минимум – в этот день или к этому дню еще раз вчитаться в его житие. Еще больше – дома прочесть ему акафист или лучше – канон. Отпечатлеть житие почитанием его жизни, благоговением перед ним. Еще больше – услышать его как зовущий пример, которому мы хотим следовать, пусть не во всем (слишком высок образец), но отчасти, в чем-либо, по ступеням, но следовать. Большее прославление: сделав все предыдущее, пойти в этот день на службу, особенно с вечера, где служится утренняя, а во время нее славословятся стихиры святому, величание и канон ему. Еще лучше, если совершать богослужение в расположении сердца, близком святому. Значит, поговеть три дня, собраться в покаянии, исповедоваться вечером. Тогда и слышаться стихиры и канон будут яснее, и молитвенное прославление будет приноситься выше, ближе к Богу. Совсем хорошо быть на следующее утро на литургии, то есть в собрании верных ради Господа. Собрании – значит, единении любви, и не только между собою, здесь, на земле, но особенно в единении со святыми, которые на небе и, соответственно, со своим святым. Равно и наоборот, не только в единении со святыми, но и в единении любви друг с другом на земле, то есть со всеми, кто стоит сейчас в храме, тем более с другими именинниками и теми, кто пришел на службу ради святого.

Вершина этого единения верных – соединение их с Господом и во Христе друг с другом, то есть в Причастии Его Тела и Крови. Не только в соединении с Господом, но само соединение с Ним ради соединения друг с другом. Ибо Господь ради этого единения людей совершил подвиг любви,

сошел на землю, жил среди людей, пострадал и умер на кресте, воскрес, разрушая власть греха над людьми, ту власть, которая разделяет людей между собою, даровал нам Свое воскресение в таинстве Тела и Крови, соединил нас с Собою, чтобы быть в нас, вместе с нами любить всех окружающих нас, а через то – чтобы мы были Его единою, святою Церковью, соборною и апостольною, то есть, соединенною во едином Христовом разуме всех между собою причастников на земле и их со всеми прославленными святыми, которые на небесах, со святыми апостолами и Матерью Божиею, апостольско-материнское служение которой началось на земле и продолжается и по ныне оттуда, с небес, ради нас и нашего единения в вере и любви.

Значит, в таинстве причастия совершится: первое – единение во Христе со своим святым, который на небе и с небес един со мною, и, второе – единение во Христе со всеми, кто причастится в этот день. Не только здесь, в этом храме, но и во всех храмах, где будет служить литургия и будут причащаться люди.

Но и на этом не заканчиваются возможности прославления своего святого. После причастия начинается самое важное действие, ради которого, собственно, причастие и совершалось. Это исповедание Причастия своей жизнью. Минимум – сохранить в себе мирное расположение пребывающего с Господом. Больше того – иметь благоговение и благодарность Господу, Матери Его и своему святому – в виде чувства благоговения и благодарности. Еще больше – прилагать к этому благодарное размышление о жизни святого, его отношениях со Христом, о жизни Христа и Его любви к нам. Больше того, делая все, уже сказанное, иметь молитвенное общение с Господом и со святым, совершаемое мысленно и сердечно. А дальше начинаются два важнейших действия исповедания Причастия и памяти святого.

Первое из них – иметь мирное расположение не само по себе ради Господа, но иметь его к ближним и по возможности делать и больше того, чтобы тем войти в исполнение заповедей Божиих. Хождение по заповедям Божиим и есть исповедание Причастия жизнью.

Второе – делать то, что святой, память которого празднуется, хочет делать на земле. Будучи в теле, он угождал Богу свойственными ему делами, угождал теми дарованиями души, какие имел. Теперь, пребывая на небе, он не оставляет своего угождения Богу через служение людям. В одних обстоятельствах он непосредственно помогает утешительными дарованиями, каких душа святого не лишена в небесном жительстве, и ими с небес он участвует в людях на земле. В других обстоятельствах нужно, чтобы кто-то из людей, пребывающих на земле, исполнил бы службу святого. Для этого нужны такие, кто способен воспринять желания святого своим сердцем и, будучи подвигнут им, идти и совершать его служение – помогать нищим, посещать больных, участвовать в обездоленных. То, или другое, или третье, смотря чем славен был святой во время земной жизни.

Участие в желаниях святого и есть вершина и лучшая возможность его прославления. В делах по желаниям святого прославляется сам святой, в славных делах святого прославляется Господь. Потому что людям открываются такие дела, какие иные люди, не во Христе живущие, делать не могут. Или не могут делать с тем качеством, с каким делает их угождающий Богу. Или не могут в этих делах быть столь безкорыстными и столь самоотверженными, как это может быть присуще верным Его.

Мы увидим, что в таком характере прославления святого нет никаких притязаний на чествование самого себя. Так всегда и было в лучшие периоды православия в действительно благочестивых семьях. Было время, когда искуснейшие мастера-ремесленники трудились, не оставляя своих имен на творениях рук своих. До сих пор мы не знаем имен многих зодчих, что воздвигали по всей России удивительные храмы в XIV-XVI веках. Не ведаем ничего о тех, кто выполнял чудную домашнюю утварь, которая теперь демонстрируется в музеях прикладного творчества или исторических музеях. Не было в православии празднования дня рождения человека. А любовь к человеку выражалась не в чествованиях, которое порой перепадает ему только в день его рождения, а в верности ему, честности, правдивости и искренности с ним, готовности душу свою положить за него, но не в застольных речах, а в обстоятельствах жизни, и не в чрезвычайных только, но и в повседневных. Простая, в трудах преданная друг другу во Христе жизнь – этим славился народ христианский. К этому же призывает Господь и сегодня всех нас.

Что ж, уж теперь и за стол с именинником не соберешься? Может быть и так. Близкие собрались ради него, а он где-то по делам своего святого все бегаёт. Любить ведь Господа не запретишь. Раньше, бывало, пытались и подкупить такого, и подсластить – не выходило, тогда применяли угрозы, а далее и пытали, и мучили, лишь бы только человек разделил с ними языческое пиршество, веселье и танцы. Но так и не могли соблазнить. Тогда и убивали, чтобы не был живым укором их себялюбивой совести.

На характере празднования более всего открывается мера исповедания человеком Господа. И не только празднования своих именин или памяти святого (одному будет более любо сказать «памяти святого», другому ближе сердцу сказать «своих именин» – здесь уже мера исповедания Христа). Любой праздник в Церкви может быть шумным застольем себе в удовольствие, а может быть застольем ради прославления Христа, Матери Его Богородицы и святых. То и другое будут разительно не похожи.

Более того, любители одного характера праздника будут томиться на празднике другого характера. Так, любителям шумного веселья невозможно будет за столом два часа слушать все о Господе, да все о святых, а любящим Христа и святых будет дико сидеть в разгульном веселье, где о причине застолья люди будут вспоминать случайно, а то и вообще только два раза – в начальном тропаре перед трапезой, да в конце пропоют кондак. А если будет слишком много вина и водки, то могут и забыть пропеть.

В описанном выше примере сообразования своей жизни со своим святым, а через него со всею Церковью, есть три глубины. Одна – это поступки, действия и поведение человека. Ясно, что невозможно идти в такую внешнюю жизнь, если внутреннее твое противно подобному образу жизни. Поэтому вторая глубина – это сердечные расположения, которыми живет человек. Здесь же и ценности, т.е. то, что он больше ценит в жизни. Страсти и их настроения, предметы греха и занятия с ними, или добродетели и согласные им сердечные расположения. Тогда, соответственно, и занятия, которыми человек живет, будут иными – святыми. И, наконец, третья глубина – жизнь по благодати. То есть такие отношения со Христом, Матерью Божией и святыми, которые совершаются по благодати. Это любые виды обращений с ними – умом, сердцем, волею, молитвой, чувством (чувствием), пребыванием с ними душою, духом, общением, созерцанием, внутренним деланием, исповеданием. Любой из перечисленных видов обращения требует многих лет труда, ревности и искренней веры Господу, до полного вверения себя в Его водительство.

Как же совершается такое сообразование?

Первое – это искреннее желание прийти в нрав Христов. Потому что только таким образом можно быть едино с Господом. «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем... ядущий Меня жить будет Мною» (Ин.6:56). Но как это возможно, если мы, причащаясь, не имеем этого желания «жить Им». Если же желаем, как можем, оставаясь грешными, т.е. почти теми же, какими пришли в Церковь, соединиться с Ним, чистым и святым? И как, не придя в единение с Ним, жить Им? А прийти в единение возможно ли, не меняясь в своем внутреннем, не уподобляясь Ему во нраве своем? Поэтому-то невозможно «жить Им, не имея желания уподобляться Ему. Рождает же это желание любовь ко Христу.

В своем начальном воцерковлении мы имеем постоянные обращения к Богу, потому что нам то одно надо, то другое. Мы просим Господа нам послужить. Болезнь ослабить, квартиру поменять, дитя народить, искушения отложить от нас. Это просьбы из наших потребностей. Даже на молитву становимся, на богослужения приходим, в таинствах участвуем ради собственного утешения. Нигде здесь нет сознательного, т.е. разумного смысла сообразовать свою душу и дух с Господом, свой нрав с Его нравом. Нигде нет потребности угодить Богу собою, своим устройением, Ему угодным. Мы действительно ходим по вере и в вере, потому что иначе как обращаться к Господу, если ты не веришь в Него и не доверяешь свои нужды Ему? Но ходим без разума. Не имея разумения ни себя, ни своей жизни, ни своего служения. Тем более, не уразумевая Евангелия и учений Церкви, т.е. не ища, не располагаясь к их таинственной силе, которою только и оживают учения в нашей душе и сообщаются нашему духу.

Когда же учения приобретают в нас силу истины, т.е. силу жизни, тогда только они подвигают внутренний труд и нашу жажду совершаться в нрав Господа. Ведь все, что написано в учениях – это вдения, которые Дух Божий отрывал святым. Эти вдения можно взять в том виде, как они написаны, т.е. как содержание о том или о другом, и этому вполне служит наш разумок. А под ним никуда не девающееся наше самолюбие, которое пользует это учение как ему вздумается. Но

тот же текст учения можно взять как жизнь, то есть реальное бытие Христа и Его угодников, которое открыто теперь созерцанию и благоговению. Так будет воспринимать уже живая душа, своими внутренними достоинствами.

Скорейшая из них – созерцательная сила души. Для нее содержание Евангелия или житий святых – это уже не история, не материал для разговора или разсуждения, не предмет исследования и не рациональное знание. Для нее это предмет благоговейного, порою до слез, созерцания. Сколько раз в монастыре я видел монахов, которые, склонившись над тарелками с едой, плакали, слушая жития или наставления святых! Сколько раз я видел это в своем училище и иногда в семейном поселении, когда родители, слушая беседу об угодниках Божиих, проникались до слез...

Воспринимать эти видения можно и как живую подсказку к осуществлению – жить так, поступать и действовать так, как слышим от Господа. Тогда уже разумною силою вслед за созерцательной душа подхватывает образ, узнает в нем возможность своего действия и теперь в собственной жизни, в своем бытии совершает наставление Господа так, как она это уже может.

Если первое из сказанных здесь восприятий, т.е. рациональное или разсудочное, можно совершать и безблагодатным сознанием, то второе – созерцание, и третье – уразумение – происходит с человеком в непреходящем невидимом участии благодати Божией. Следовательно, возможна и четвертая степень восприятия, когда благодать явно, осязательно для человека открывает читаемое у святых, прелагая словесные образы текстов в живое откровение.

Весь этот путь с особенною силою переживается в труде над молитвою. Искреннее, правдивое и честное обращение ко Господу проходит эти ступени очищения молитвы, просветления ее из сумеречной в явную, светоносную. А без всего этого мы можем много говорить о церковных учениях и даже назидать друг друга, оставаясь в том же нраве, или, как говорят в народе, в той же поре. А свои постоянные прибегания к Господу то по одной нужде, то по другой принимать за свою церковную жизнь. Но ведь сказал Господь: «Что вы зовете Меня: «Господи! Господи! – и не делаете того, что Я говорю» (Лк.6:46). «Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы» (Лк.13:25). Страшно, страшно услышать такой ответ Господа в тот час, когда назад уже возврата нет и исправить ничего уже будет нельзя.

Следовать за Господом – к этому зовет нас и в это вводит круг годовых богослужений Церкви и всех событий, приготовительных и последующих им. Важнейшими из них являются Господни праздники. В них во время богослужения человек молитвенно собирается в сугубое обращение с Господом, сообразуясь Его нраву, Его характеру; следуя из события в событие Его деяниям на

земле, Его подвигу любви, Его послушанию Отцу Небесному, Его служению созидания земной Церкви. Не в сознании разсудочном следуя, а в молитвенном сообразовании, в созерцании и уразумении происходящего и возглашаемого в богослужении – так следуя Господу; больше того, преобразуясь в таинстве Тела и Крови, от праздника к празднику обновляясь в нового человека идти и жить Господу в годовом круге. При этом так обновляясь, чтобы было это слышно в собственной жизни по выходе из храма. А со временем, по мере воцерковления или обновления жизни внехрамовой, чтобы совершалось это и было слышно внутреннему человеку в ходе самого богослужения. Так что служба Богу сделалась бы самою жизнью, которая, обретаясь в храме, не останавливалась бы за его пределами. Но простиралась во все время земного существования.

Чтобы так жить во время богослужения, нужно сугубое приготовление человека до входа его в храм. Образ такого приготовления задает Церковь многодневными постами, важнейшие из которых – Рождественский и Великий. Ими совершается восхождение к службе Рождества Христова и Его Воскресения.

Пост – это реально совершаемая каждым из нас аскетика Церкви. Время, когда человек полагает специальный труд, чтобы отвергаться зла и творить благо.

Это не просто внешнее отложение скоромной пищи. И неверующие в Бога вегетарианцы ее отлагают. И верующие в иных богов могут ничего не есть и голодать многими днями. В больницах применяется ко всем без вопросов о вере лечебное голодание. И вегетарианство, и голодание имеют свое физиологическое влияние на организм и общее самочувствие человека.

Христианин же не для этого постится. А для того, чтобы преодолеть власть греха и страстей над собой. Чтобы не грешить, может хватить нашей сознательной решимости отложиться от греха. Чтобы преодолеть страсть, нужна уже будет помощь Бога. А значит, наше обращение к Нему, наша молитва. И в ней – наше покаяние. Тогда только наше воздержание от скоромного и голодание даже (на просфоре и святой воде) становятся постом, т.е. имеет три основания: совершается ради Господа, а не ради здоровья, имеет плоды благодаря молитве (второе) и покаянию (третье). Плод же – отложение греха, иссушение страстей и, вместе с тем, ...силы, обретаемые для добродетелей или, как минимум, свобода к жизни добродетельной.

Такое приготовление подводит нас к Рождеству Христову и Его Воскресению способными слышать богослужение.

А далее – последование Христу в святые дни послерождественские (Святки) и Светлой Пасхальной седмицы. В Святки человек продолжает свое восхождение от Рождества к празднику Крещения. Отсюда становится ясно, каким должно быть это время, чтобы обретенное обновление в богослужении Рождества не растерялось, но продолжилось в Святках. Чтобы оно привело

человека, во всем его внутреннем собранного о Господе, привело таким, каким он способен был бы слышать таинство Крещения Господня в его действительном величии, обновляющей и преобразующей силе и светоносности.

После Воскресения Христова – последование воскресшему Господу в Светлые дни Пасхи, восхождение к Вознесению и от него молитвенное, благоговейное прихождение к празднику Святой Троицы.

Сообразование с Церковью, с угодниками Божиими и церковными обычаями

Образ следования угодникам Божиим ясен из примера прославления своих святых. Важнейшее в нем – научиться исполнять желания святых, а в самом исполнении усовершенствоваться в такую меру, чтобы делать это не по-своему, а так и в таком качестве, в каком и как того желают сами угодники. Для этого и нужно вчитываться в их жития, в их письменные труды, где они сами описали порядок, действия своей жизни и сердечные расположения при них, чтобы уразуметь написанное. Нужно молиться им и через таинство Причастия входить в живое общение с ними, тогда лишь действительно будет открываться уразумение их письменных трудов.

Из церковных обычаев важнейшим является богослужебная последовательность года. Однако, из всего вышесказанного становится ясно, что простое участие в богослужениях не есть еще сообразование Церкви. Можно много лет простоять на службах, значительную часть их пропеть на клиросе, а сообразования так всерьез и не коснуться.

Сообразование начинается там, где человек молитвенное обращение имеет в умной душе, следуя содержанию богослужения и верою созерцая в душе тех, кому молится, к кому обращается. Подобно тому, как, не отдавая себе отчета, мы обращаемся к любому человеку, к родне, к сотруднику по работе только потому, что видим его. Если его нет перед нами, мы же не произносим своих просьб в воздух или не говорим благодарностей, оставаясь одни в комнате и глядя в никуда, как бы разговаривая сами с собою. Говорим с человеком только тогда, когда видим его.

Чувствовать сердечно-разумными очами тех, к кому мы обращаемся на богослужении, есть созерцание. Это чувство веры и, одновременно, действие созерцательной силы души, благодаря которой Господь, Матерь Божия и святые угодники Божии, пребывающие на небесах, для нашей разумной души приходят в живую реальность. Тогда молитва на богослужении обретает два свойства: она совершается от души и обращена к живым для нас Христу, Матери Божией и святым.

Сообразование начинается с созерцания

Когда-нибудь всякому человеку дается от Господа этот опыт. Увы, попереживав его, поудивлявшись ему, мы часто так и остаемся в младенческом неразумии, не задумываясь, можно ли с этим опытом что-то делать. Опыт был и прошел, как бывает то же с нашим настроением: сейчас одно, завтра другое. Сегодня радуюсь, завтра тоскую. А откуда оно и как приходит, в том отчета себе не отдаю. Так живет душа, привыкшая брать. Что перепадет. А если падает много, то перехватить, что получше, послаще. И будет так до тех пор, пока человек не начнет сам двигаться навстречу.

«Приидите, россиянии собори, приидите, верных совокупления». «Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и явлюся, светло торжествуя, и воспою, радуясь». Если действительно вникнуть в содержание этих богослужебных слов, тогда придет и серьезный вопрос – навстречу к чему можно двигаться на богослужении?

К чувству умиротворения, утешения (младенец ради этого просится на ручки к маме)? Но это и без всякого нашего движения происходит. И мы в этом все равно остаемся потребителями, никак не делателями и, тем более, не угождающими взаимоотношениями любовью. Может быть, можно двигаться к красоте, чину богослужения или к приятным, поддерживающим жизнь души мелодиям песнопений? Это уже кому что нравится. Но здесь тоже остается непреодоленной манера пользоваться для себя богослужением. Может быть, нужно вникать в содержание службы, рассуждать над ним или озаряться им? Но и это тоже мы делаем порой себе в удовольствие. К чему же тогда навстречу можно двигаться?

Мы хотим ответить здесь – к созерцанию. Не к рассуждению, не к рациональному или эмоциональному восприятию – все это доступно внешним достояниям души.

Созерцание – это жизнь внутреннего достояния – созерцательно-разумной силы души. Здесь нет речи о вышеестественных созерцаниях, которых достигали святые. Здесь речь идет о тех созерцаниях, которыми способна жить в вере душа обычного мирянина. Только для этого нужно иметь труд и движение навстречу этой возможности. Труд молитвы и воздержания (внутреннего) и движение навстречу как согласие веры или просто веру.

Сообразование же начинается с этого потому, что в действие вступает уже та сила души, то ее свойство, которое тех, кого созерцает, воспримлет в живой реальности и вступает с ними в свободные и живые, по вере совершаемые, молитвенные обращения. Во время богослужения мешает этому наша постоянная потребность жить себе в удовольствие, т.е. услаждаясь. И угодники Божии услаждаются Божественным присутствием, но у них сладость Господа, а не себя

самих в мирских удовольствиях, и оно есть чувство, при котором навстречу Господу восходит от них благодарность и любовь.

У нас же сладость переживается не от участия Бога в нас, а от чувственных вождлений земных предметов. В блудной страсти мы вождедем тело ближнего и услаждаемся этим вождлением. В чревной – услаждаемся вождлением пищи и самим совершающемся в нас вождлением. В сребролюбивой – вождлением денег и вещей. В гордости – собственной значительностью. В тщеславии – вниманием людей. Сладость земного привязывает нас к земным предметам и событиям. Через то тело порой всецело поглощает нас в свои потребности, а развращенная, т.е. привязанная к телесному душа живет этими чувственными услаждениями сама в себе. Живет настолько, что не может и не хочет слышать иной сладости, кроме чувственной. Сладость благодатная ей не знакома и чужда.

Там, где душа исполнена прихотей, там она предметами вождления пользуется для своих удовольствий. И тем сама связывается ими и становится зависимой от них. Она гонится за ними и досадует, злится, обижается, когда не догоняет или не получает. Например, досадует от фальшивой ноты в пении хора, или унывает, когда не слышит содержания стихир, раздражается на ошибки в чине службы. Тогда через предметы удовольствий враг рода человеческого может мотать душу, как ему хочется. В том и пребывает душа – то в удовольствии, то в неудовольствии от хода службы, от событий, которые приходят на память, от себя самой.

Сообразование же начинается с самого первого его качества – свободного, разумно-сердечного созерцания тех, о ком человек слышит во время богослужения. И это не понять нужно, не в представлениях ума разсудить, это пережить нужно опытно.

Поначалу от Господа дастся такое пережить, чтобы человек вник в реальность святых и возжелал осуществлять созерцаемое их житие в собственной жизни, т.е. повернулся бы к исповеданию богослужения жизнью. В дальнейшем дастся, если человек действительно устремится так делать. И в третий раз дастся, и далее всегда даваться будет, если человек будет так делать и жить. Поэтому Климент Александрийский говорит о трех признаках истинного христианина: о созерцании, исполнении заповедей и вспомоществовании другим, т.е. ближним в освоении ими первых двух³⁸.

Истинный христианин, имея сам, не может не желать, чтобы имели и другие. Мера этого желания, «чтобы имели и другие», может быть столь большой, что он отдает ближним вещи, деньги, продукты, жилье, свое участие, силы, время, наконец, свое здоровье и даже жизнь. Это свойство любви – вспомоществовать другим, даже если ты ничем им не обязан. Тем более естественно для христианина и происходит как необходимое такое свойство, как взаимодавство. Два последних свойства: вспомоществование и исполнение заповедей – высвобождают созерцание из греховного плена. Без них созерцание невозможно. Следовательно, нет и молитвы, как она

должна быть. Вместо нее – жизнь в богослужебных мелодиях, или в слышимом содержании песнопений и чтений, а то и того хуже – в каких-нибудь посторонних предметах, воспоминаниях, либо просто телесная маята: сонливость, мышечная слабость, боли, тупость в голове.

В наше время смертельным врагом созерцания, а следовательно и молитвы, стали телевизионные и компьютерные зрелища. Они обильно питают греховный покров сердца – рассеянность, паразитирующий на созерцательной силе души. О греховных покровах сердца пишет свт. Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению». Этот покров характерен тем, что нуждается и ищет разных эмоциональных и содержательных впечатлений, живет ими. Без них в человеке, живущем этим покровом, рождается чувство пустоты, ненаполненной жизни, скука и маята, ему становится нечем жить. Поглощенные этим покровом люди совсем теряют какую бы то ни было способность к внутреннему, сердечному созерцанию. Они могут совсем не подозревать о его существовании, подменяя созерцание мысленным воображением и чувственной мечтательностью, при этом будут вести вполне выраженную внешнюю церковную жизнь. Под молитвой они будут понимать чтение ее по книге и внимание на слух содержанию во время богослужения. В каких-нибудь отдельных словах и фразах будут переживать некоторое оживление чувства. Все остальное содержание богослужения будет проходить мимо. Не только сообразования с ними не будет, но даже и пересказать, о чем были стихиры, канон, псалмы хотя бы по содержанию – и это будет для них невозможно. Служба прошла – есть чувство удовлетворения, утешение даже, мир на душе, а о чем она была, как бы и невдомек.

Похоже, что совсем по-другому на богослужении пребывало большинство простых людей в древней Руси в четырнадцатом-семнадцатом веках. Книг не было, и жажду веры ходить за Господом можно было удовлетворить только во время богослужения. Единственно здесь душа получала необходимую ей разумную пищу. И простой крестьянин внимал службе всеми силами души и духа.

Сегодня для большинства людей это почти невозможно. В монастырях ради преодоления дебелисти души вошло в практику пение стихир с канонархом. Канонарх возглашал погласицу и все пребывающие на службе монахи (в дальнейшем только один хор) вторили на распев, вникая в содержание слов дважды – на слух и при собственном пении.

В настоящее время слишком сильны навыки светского образования или рационального способа изучения богословий в воскресных школах, гимназиях и семинариях. К этому прибавляется удобно устроенная современная жизнь. Одновременно с этим в отношении между людьми вместо вспомоществования ближнему в сердце человека глубоко вошла так называемая взаимопомощь друг другу.

Вспомоществование или просто помощь ближнему безкорыстна: помогая, она живет только этой помощью и не имеет каких-либо корыстных ожиданий ответственности. Поэтому она одинаково

помогает и тому, кто может ответить тем же, и тому, кто ничего не может дать в ответ. Давая в долг, она не ждет назад своих денег или вещей. Отдадут – отдадут, нет – нет. Потеряв что-либо, она не горюет. Бог дал – Бог взял. Поэтому равно и искренне отдает или помогает как хорошо знакомому, так и первому встречному, если тот нуждается. Отдавая, помогая ближним, тем служит и угождает Богу. Потому как Бог ближних любит, а вспомоществуемому Сам воздаст. И вспомоществующий хочет этих воздаяний прежде всего на небе, на тот период, когда он уйдет из временной земной жизни в жизнь небесную. А если Господь воздаст и здесь, на земле, то чтобы это было не в счет небесных воздаяний, не в уменьшение того, что будет потом на небе. В этом только его искренняя как бы корысть.

Сегодняшняя взаимопомощь друг другу имеет совсем другие основания. При ней человек безотчетно, сам того не сознавая, ожидает ответственности. Признаком этого ожидания являются обиды, когда другой не ответил тем же. «Я ему столько сделал, а он...» Или беспокойства – «когда он, наконец, отдаст?»; «сделает для меня или не сделает?», «что он тянет с ответом, ладно бы с других тянул, но я ведь столько ему сделал...» Или чувство оскорбленности до глубины сердца, когда ближний забыл что-либо, что как бы должен был сделать в ответ, тем более, если мог сделать или имел ожидаемое, но не дал или не сделал. Из этого же возникают все виды обид у духовных чад на своих духовников, множество разных церковных дрязг, взаимопетензий, взаимопритязаний. То же происходит и в семьях, словом, везде, где появляется любой меры притязание к ближнему. Такая взаимопомощь вся совершается между земными субъектами и поэтому ни о чем небесном не помышляет. Отсюда и разрешение всех конфликтов она исполняет чисто земными средствами – договорами, скрепленными письменными обязательствами, еще крепче – печатями, еще надежнее – арбитражными и гражданскими судами, всей государственной машиной принуждения исполнять свои обязательства; либо идет более простыми путями – приношением подарков, подкупом, взятками, услугами; либо бандитскими путями – шантажом, нажимом, угрозой, далее – разборками разного уровня и разными методами, вплоть до убийств, поджогов, грабежей, войн и всякого рода лишений протяженностью на несколько поколений или на века, так что неудовлетворенные притязания становятся составной частью нрава одного рода против другого, одного сословия против другого или целого народа против другого. Неудовлетворенное притязание выливается в устойчивое отношение вражды, презрения, гнушения.

Таким образом, притязание к ближнему есть земная основа современного чувства взаимопомощи. Возникло и возникает это явление в безбожном сердце. Поэтому неверие в Бога, а вместо этого вера в себя, надеяние на себя или вера в земные, вышеперечисленные средства и надеяние на них есть первейшая причина и основа притязательной взаимопомощи.

Откуда же взяться созерцанию в молитве, если в сердце вместо чистого чувства взаимодавства, от которого, собственно, и пошло современное чувство взаимопомощи, воцарилось притязание на ближнего? Заметим по ходу, что у верующих оно превращается незаметно еще и в притязание на Бога или, у живущих самоедством, – в притязание на себя.

Созерцание, о котором идет речь, не есть внешнее действие, совершаемое физическими глазами. Говорится здесь о созерцании внутреннем, благодаря которому совершается переход из читаемой молитвы в молитву внутренне обращенную к тем, к кому молится человек. Невозможно действительно обращаться к представляемому, или к «как бы существующему», или к воображаемому. Во всех трех случаях будет подмена молитвы, а в итоге – прелесть, обман.

Действительная молитва живет верою. Сначала в неведомое, но, верую: существующее. А затем в ведомое, т.е. в начале созерцаемое внутренним оком сердца. Это начальное созерцание, т.е. верою исполненное чувство того, к кому мы обращаемся, и есть, собственно, молитва. Ее действительное начало. Опыт этого дается почти всем званым, но, увы, мало кем узнается в его значении и еще меньше кем удерживается. Суть последующего переходного периода в воцерковлении людей – это, прежде всего, восстановление уже данного от Бога опыта молитвы. Но, увы, не только восстановления не происходит, но даже на простое прочтение молитвенного правила ни сил, ни ревности не бывает. Что же противится в нас молитве, а в ней созерцанию?

Против восстановления, уже данного в опыте, поднимается в человеке греховный покров сердца – рассеянность, который увлекает в жизни к разным зрелищам, особенно к телевизору и компьютеру; к разнообразной и рассеянной информации, любовь к которой утыкает человека в газеты, в разные слухи и пересуды, в новости различного порядка и уровня. Этот покров влечет к многообразным впечатлениям типа туристических поездок, паломничеств, превращающихся в болезненную потребность гостевать у всяких людей, ходить в разные семьи, гулять по кельям, комнатам, менять обстановки и ради этого переезжать с места на место или, если без переездов, тогда перемещать мебель в доме, заниматься перепланировкой квартиры и т.д. – много всего подобного, чем живет сегодня праздный человек.

Не пускает также к созерцанию установочное сознание современного человека, усвоенное в школах, институтах и даже в воскресных школах и семинариях. Установочное знание, немедленная готовность все объяснить и всему дать ответ, стремление все знать или, наоборот, ничего не зная, обо всем иметь свое мнение – все это мощнейшие оплоты гордости в человеке, его желания быть значительным в собственных глазах и глазах других людей. Сердце такого человека обслуживает самого себя и потому глухо к созерцанию еще кого-то. Даже если этот «кто-то» есть Бог или святые угодники Его.

Далее, если молитва в человеке совершается только внешне, тогда человек останавливается и никуда не идет. Правда, внешняя молитва может совершаться и чинно, и красиво, и «как надо». Только не будет в ней самой молитвы. А у большинства таких людей она совершается и вообще никак – скороговоркой, бегло, скорей-скорей, не вникая ни в содержание, ни в обращение к кому бы то ни было, так, отработывая правило, исполняя положенное, имея хоть какое-то оправдание или подтверждение какой-никакой, но своей церковности. Невольно из этого проступает пророчество прп. Лаврентия Черниговского: «Все храмы будут в величайшем благолепии как никогда, ...но христианину православному в них нельзя будет ходить. А вы для нашей церкви в ремонте будьте умеренны. Больше молитесь. Почаще исповедуйтесь и причащайтесь Тела и

Крови Христовых, и вас Господь укрепит». В это самое время «священнослужители станут сокращать службы: сначала Псалтирь, потом часы. Духовенство увлечется мирским суетным богатством. Будут иметь машины, дачи, будут посещать курортные места, а молитва Иисусова отнимется. Они и забудут о ней. И вам я говорю, и очень сожалею об этом, что вы будете покупать дома, убивать время на уборку больших красивых помещений монастырских. На молитву у вас не будет хватать времени»³⁹.

Созерцание часто невозможно и по причине комфортной или более-менее устроенной внешней жизни людей. Удовлетворенное самоугodie делает человека праздным. Сердце обленивается. Человек становится не только не способным к внутренней молитве, но даже и внешнюю ему трудно совершать. Он сокращает ее, тяготится ею, нередко оставляет и не молится совсем. На богослужениях стоит не до конца, начинает пропускать субботные и воскресные дни. Может не пойти и на праздничную службу. При таком состоянии о созерцании в молитве речи и вообще не заходит. Удивительно, если человек и эту книгу дочитал даже до этого места. Обычно такие тексты кажутся ему очень нудными, тяжкими. Он их и не читает. Или, прочитав, потом бранится на них.

Большинство же людей не могут прийти к созерцанию по причине нечистого сердца. Слстолюбивые чувства – то блудные, то чревные, то сребролюбивые, то тщеславные – переливаются одно в другое, и человек не может отделиться от них, извлечься из их греховной приятности. Его так и тянет туда, он и отдается им, вождедая, мечтая, воображая. Откуда же сердцу повернуться к тем, кому он как бы молится? Оно все само в себе. В разных событиях прошедших и предстоящих, в планах, в воспоминаниях. Человек знает о заповедях много, но не живет по ним. Верует в Бога, но не угождает Ему и не хочет угождать. Потому что придется отнять от себя, перестать угождать себе, придется служить не себе, а ближним. Там же, где нет созерцания, там нет и молитвы. А где нет молитвы, там нет и сообразования с Господом и с Церковью. А где нет сообразования, там нет и спасения. Но человек и с этим согласен. «Все равно Господь Всемиловитв, оправдает», – думает он и тем успокаивается, ничего не делая, т.е. особо то не меняя своего образа жизни.

Но и «во дни перед потопом, – говорит Господь, – ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (Мф.24:38-39). Равно и из десяти дев пять были неразумны, хотя и жили вместе с остальными, мудрыми, и внешне вроде в той же Церкви и в том же порядке жизни пребывали, а к приходу жениха оказались с лампадками, в которых не доставало масла. Пока бегали на рынок, «пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились; после приходят и прочие девы и говорят: Господи! Господи! Отвори нам. Он же сказал им в ответ: истинно говорю вам: не знаю вас» (Мф.25:10-12). Всемиловитв Господь, но и справедлив. Ибо сказал Господь: «не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин.3:36).

Если посмотрим далее, увидим, что нечистое сердце занято и многими притязаниями. Отсюда и претензии, разные волнения, обиды, раздражения, переживания, ревность, зависть, соперничество и много другого. Тут уж совсем не до созерцания. Тем более, что это все

захватывает с силой, делается самою как бы жизнью, и всех этих волнений и переживаний кажется нельзя ни отложить, ни унять. И человек поглощается ими, как единственной правдой, не отдавая себе отчета, что живет правдой греховной. Не ища ни человеческой правды, ни, тем более, правды Божией.

За созерцанием – уразумение слов молитвы

В последующем развитии молитвы вслед за созерцанием открывается человеку сердечное уразумение слов и содержания молитв. В молитвенное обращение вступает разумная сила души. Ею содержание молитв сообщается всей душе. И душа приходит в сердечное движение, то самое, о котором говорится в молитве. Так, во внешнем обращении с людьми нас зовут, и мы откликаемся, нас хвалят, и мы тщеславимся, нас обличают, и мы обижаемся. При этом по отношению к нам ничего другого не делают, как просто говорят нам те или иные слова. И слова эти приводят в движение целые пласты и разные глубины души. Когда мы читаем художественную книгу, и она увлекает нас, мы всей глубиной эмоциональной жизни входим в движения слов героев и как бы сами живем их речами, их разговорами между ними. При этом книжные диалоги порой имеют в нас такую силу впечатления, что мы на многие годы запоминаем все, что прочли, и помним не тексты и их содержание, но сами события, как будто мы сами в них побывали, со всеми словами, которые как бы в нас и от нас происходили.

А вот при чтении молитв такого впечатления мы уже не имеем. Тем более не переживаем слов с такой силой, когда они звучат во время богослужения. Так ли должно это быть? Да, так и должно быть. Потому что обращение к Небесной Церкви и к Господу должно совершаться иным движением души. При чтении художественных книг, равно и книг о жизни угодников Божиих, мы воспроизводим в себе земные события. Слушая или читая, мы берем их эмоциональным сопереживанием.

В обращении с Небесной Церковью вступает не эмоциональность и воображение, а созерцательная и разумная силы души, т.е., движимые верою внутренние достояния души. Ею, разумною силою, слова молитвы облекаются в жизненную реальность. Реальностью этой является сама душа, которая в словах узнает себя и приходит в движение навстречу словам тем, что в ней самой уже есть, но не было побуждено. Теперь же, услышав слово, душа вслед за разумною силою преобразует или совершает эти слова в свои собственные движения и живет в этих словах согласно им. Это нужно пережить в опыте, тогда слова, здесь сказанные, не будут восприниматься как странные, нелепые, пустые.

«Христос моя сила, Бог и Господь, Честная Церковь боголепно поет, взываящи, от смысла чиста о Господе празднующи». В том и сообразование души с богослужбным содержанием, что душа сама делается силою во Христе, поюще боголепно, взывающей, о Господе празднующей. Уже не слово воспримется ею, но она сама своим движением и самим дыханием уже есть это слово, воплощенное в ней самой. Она есть слово воплощенное.

В этом и сила богослужения, что искренне пребывающий в нем возводится его содержанием в такой образ жизни, в такое бытие, какого до богослужения человек не знал. Богослужение становится школой преображения всего человека. Больного душою оно исцеляет, поврежденного тлением оздоравливает, извращенного грехом восстанавливает в богоподобие, помраченного освящает, потерявшему образ Божий возвращает ему потерянное. Но все это возможно там, где человек обретает разумное обращение к святым и к Господу.

Вне разумной силы преображение невозможно. Оно и не происходит. Каким человек пришел в своем нраве, таким и уходит с богослужения. Был ворчливый – таким и возвращается домой; был гордый – в том и остается; был обидчивый – так и есть такой же; был жадный – ни в чем не переменился. Только слышит, что утешился, успокоился, умирился немного. Ради этого, собственно, и ходит на службу, не подозревая, что возможно нечто большее и много большее, чем ему известно. Только для этого необходимо положить труд.

Разумную силу перекрывает греховный покров сердца – самообольщение. Он не позволяет человеку пережить опыт действия разумной силы, ее преобразующего действия. Вместо него в человеке живет чувство собственной значительности. Оно реализуется в том, что человек как бы что-то знает. Усвоив внешнее рациональное знание, разсудительно или разсудочно восприняв его, пользуется им как в общении с ближними, так и в размышлениях с самим собой, полагая, что это и есть верх познания, верх возможностей человека. Более того, кичась этим верхом и через то вполне довольствуясь собою.

Самообольщение живет духом гордости. Оно есть его реализация, его содержание, в котором гордость совершает саму себя. Поэтому в гордости человек доволен собою. Узнал немного – а чувство гордости пережил немалое. Додумался до чего-то или догадался – а уж вознесся в себе, словно гений какой. Заметил что за другими – так и не остановишь: будет учить, назидать или ворчать, ругаться, поносить.

У гордого человека на все есть свой суд, свое мнение. Он может быть невеждой и мало что знать в жизни, но это не мешает ему оставаться в себе самом как бы вознесенным над всеми и потому отделенным от всех. А уж если он знает много или разсудительный очень, умный, такой и кичиться будет собой, совсем не замечая своего кичения. И чем умнее человек, тем тоньше, интеллигентнее его кичение, тем и незаметнее для него. «Я человек негордый», – будет говорить он, при этом не замечая, как сильно гордится собой таким.

Самообольщение любые явления жизни, события, случаи, равно и любые сведения, знания, известия делает предметом горжения, надмения над другими, выделения себя из среды всех. Заметит что-либо чуть-чуть, а выводы сделает сразу вселенские. Догадается до чего-то, а возведет уже сразу в ранг закона, и будет утверждать, что это так и больше никак. Поэтому оно все, что ни попадет в круг его суждений, делает сразу конечным, порой до абсолютности. Чувство непрекаемости своих суждений, выводов, замечаний или наблюдений может быть столь велико в человеке, что изменить его представления не могут ни факты, ни люди, ни обстоятельства. Он любит обо всем разсуждать, вслух или про себя. Не любит, чтобы его учили или делали какие-либо замечания, совсем не переносит обличений. Начинает сразу оправдываться или «наезжать» своим пониманием, или раздражаться, или обижаться. Самообольщение всегда льстит самому себе.

Живя духом гордости, самолюбия, оно не терпит Духа Божия. Потому и не знает смирения. Правда, может о нем много разсуждать, других учить, не ведая опытно ни образа его, ни действительного его делания. Ни что это, ни как его совершать, человек не может в себе услышать. Самообольщение стороной обходит заповеди блаженств, избегает их, боится вникать в них, а когда вникает, не может уловить их содержания. Поэтому и на богослужениях оно не может уловить содержания стихир, тропарей. Не живет ими. Вместо них постоянно выпадает или западает во что-нибудь свое, либо просто земное, не духовное, не небесное, либо того хуже, во что-нибудь греховное. Мысли, переживания, услаждения (вожделения) – все о земном или греховном.

В первые пятнадцать лет церковной жизни самообольщение не дает человеку вникнуть в богослужебное содержание, отгораживается от него. В дальнейшем, если он начинает различать содержание, то удерживает его в действиях разсуждения, даже обольщения содержанием, его красотой, глубиной, богатством, при этом незаметно для самого человека отлагая его от благодати. Человек, обольщаясь содержанием, избегает благодати, ходит в нечувствии ее. И поэтому содержание богослужения остается отделенным от него. Прекрасным, глубоким, удивительным, но отдельным.

Отсюда, ни в первые десять лет церковной жизни, ни в последующие не происходит у него соображения со Христом и его угодниками во время богослужения. Центральное и наиболее значительное действие Церкви не достигает своей цели. Молитвенное соображение, т.е. благодатное усвоение как словесного содержания службы, так и домашних молитв не совершается. Слово остается внешним для души. Она не обретается в слово, не совершается в то, о чем звучит слово. Слово не делается душою, и душа не делается словом. Она не уподобляется через слово Христу и его угодникам, потому что вне благодати уподобление и невозможно.

Как тварь может уподобиться Творцу, или глиняный горшок сделаться мастером, который его сделал? Как вещественное облечется в образ невещественного, если только само невещественное

не совершит этого с ним? Безблагодатное пребывание на богослужении как может привести к сообразованию с живым Богом и Его угодниками и Матерью Божией? Оно и не приводит. И человек, пребывающий в самообольщении, уходит со службы таким же, каким на нее пришел. Единственная только перемена – умирился, утешился, удовольствовался.

Преобразился ли? Нет. Дух гордости и самолюбия – глубокая, внутренняя причина самообольщения – отлагает человека от Духа Божия, уводит от смирения, т.е. от того, чем стяжается Дух Божий, чем слышится и любитя благодать, чем дается разумной силе внутренняя свобода, чем открывается причина сообразования, чем полагается начало уподоблению.

Следовательно, причина безблагодатного пребывания на богослужении лежит в самообольщенном, т.е. гордом и самолюбивом жительстве вне богослужения, в жительстве, в котором нет смирения. Обретать смирение на самом богослужении уже поздно. Оно должно быть обретено до него. С ним уже надо приходиться на богослужение. Обретать же его нужно в обстоятельствах жизни, в обращении с людьми, в исполнении своих обязанностей мужа, жены, родителей, сотрудника на работе, гражданина отечества, члена и участника Церкви, своей общины, прихода. Но более всего смирение обретается в отношениях с событиями жизни, а в них – с действующим Промыслом Божиим, в Промысле – со скорбями и искушениями, как орудиями любви Божией к нам, людям. Так мы приходим к третьему действию сообразования – сообразованию своей воли с волей Божией, действующей в Его Божиих Промыслах.

Сообразование с Промыслом

Божиим

Этой теме посвящена большая книга митрополита Тобольского и всея Сибири Иоанна Максимовича «Илиотропион». Владыка Иоанн рассказывает о некоем нищем в рубище, у которого голени покрыты струпьями и текущим из них гноем. Этот нищий, отвечая на вопросы одного знаменитого богослова, рассказывает ему о своей жизни. Речь его мы приведем здесь полностью.

«Все то, что я сказал тебе, господин мой, истинно говорил я тебе. Когда желал ты мне доброго и благополучного утра; на это отвечал я, что я никогда не бывал в несчастье, потому что жребием, дарованным мне от Бога, я доволен всегда: не искать счастья и мирских успехов – составляет для меня величайшее благополучие. Фортуна, благополучие или злые приключения никому не вредят, исключая тех, которые или сильно их желают и гонятся за ними, или же убегают от них и страшатся причиняемого ими вреда: а я – небрежу о благополучии, и не обожаю его: молюсь же только Небесному Отцу, Который все направляет к лучшему в жизни каждого человека, как приятное, так и неприятное для него; ибо Он совершенно знает первое ли или последнее – для каждого человека – есть истинно спасительное. Поэтому и говорю, что я никогда не бывал в неблагополучии, потому что все в моей жизни бывает для меня по моему желанию: терплю ли

голод, благодарю за то Всевидящего Бога; мороз ли жжет меня как огнем, или дождь льет на меня ливнем, или другие воздушные нападения изливаются на меня, – равным образом прославляю Бога за то; если кто издевается надо мною, делает нападение и обиды, – также благодарю Бога, ибо уверен, что это делается мне по воле Божией, а все, что Бог посылает нам, служит для нашего добра, для нашего совершенствования. Итак все, что Бог посылает нам или попускает других сделать для нас приятное или противное, сладкое или горькое, равно вменяю, и все как от руки милосердного Отца охотно принимаю, и того одного только желаю, чего желает Бог, и что Ему угодно попустить других сделать мне. Таким образом, все для меня происходит и делается по Божьему и вместе моему собственному желанию. Весьма достоин сожаления тот, кто считает так называемое мирское счастье за что-либо важное и существенное, и опять действительно тот несчастен, кто ищет в мирском каком-либо благе себе полного удовлетворения: истинное и незыблемое удовольствие и блаженство в настоящей жизни имеет тот только, кто искренно и несомненно отдал себя в волю Божию и проводит здешнюю жизнь свою по воле Божией, ни в чем ей не противореча. Ибо воля Господня есть полнота совершенства и доброты; она никогда не изменяется, и вне ее нет другой воли, более лучшей, более праведнейшей, она произносит праведный суд о всех, а о ней – никто не может изречь праведного приговора, обличающего ее в противоречии. Я прилагаю всевозможное усердие, всю мою мысль стремлюсь к тому, чтобы всегда желать и хотеть мне того же, чего хочет Бог от разумного существа вообще и в частности от меня убогого. А потому я никогда не был неблагополучным; ибо всю мою собственную волю всецело отдал в руки Божии, так что сердечное мое хотение или нехотение есть тоже самое, что и Божие обо мне хотение, или Его промышление обо мне, и я благодарю Бога во всяком положении моем за получаемую мною от Него милость, хотя бы она вообще казалась и горькою».

«Разумно ли ты говоришь все это? – возразил ему вопрошающий. – Но, прошу тебя, скажи мне: если бы Бог изволил низринуть тебя во ад, те же ли самые мысли имел бы ты, какие сейчас ты мне высказал?» Нищий духом вдруг воскликнул: «Меня ли Он низринет в преисподнюю? Да будет тебе известно, что у меня есть две дивно крепкие руки, ими бы я уцепился за Бога: одна рука это глубочайшее смирение чрез принесение самого себя в жертву Богу; другая рука – это нелицемерная любовь к Богу, разливающаяся от сего глубочайшего центра на всех ближних наших чрез наши благотворные для них действия. Означенными обеими руками крепко хватился бы я за Бога, и куда бы ни послал Он меня, повлек бы я и Его с собою вместе, и поистине мне было бы благоприятнее быть с Богом вне неба, чем без Бога в небе».

Ответ этот произвел крайнее удивление в уме и мыслях мудрого вопрошателя; внутренне сознавал он, что открытая ему старцем дорога ведет каждого прямо к Богу без всякого заблуждения, и она действительно есть превосходнейший путь из всех путей, ведущих к Богу. Захотелось опять мудрому вопрошателю еще более обнаружить высокий разум, скрывающийся под грубой оболочкой старческого тела: «Откуда ты пришел сюда?» – спрашивает мудрый старца. – «Я пришел от Бога». – «А где ты нашел Бога?» – «Там (отвечает старец), где оставил я все созданные предметы». – Кто же ты, старче?» – «Кто бы я ни был, я доволен своим уделом и не променяю его на богатства всех царей. Царем может быть назван каждый человек, умеющий благоразумно и мудро управлять и владеть собою». – «Царь ли ты, – спрашивает мудрый нищего, – и где твое царство?» – «Там, – отвечает нищий, указывая перстом на небо, – царь есть тот, для кого царство написано в книге судеб особыми отличительными чертами».

Желая положить конец вопросам, спрашивает мудрый нищего: «У кого ты, старче, научился тому, что ты мне изложил теперь в своих ответах, кто вложил тебе в ум это»? – «Открою тебе поистине и это, господин! Я все дни провожу в молчании, в молитвах, или добрых и благочестивых размышлениях, а более всего постоянно содержу в уме и памяти тщание о том, как бы мне крепче и теснее войти в единение с Богом чрез безграничную покорность Его святейшей воле. Такое посвящение себя Богу может научить усердного человека многому истинному, доброму, святому, как в звании, так и в жизни». О многом хотел еще спрашивать мудрый у нищего духом, но имея твердую надежду найти для этого другое благоприятное время, простился с ним, говоря: «Будь здоров, старче!» и ушел от него, внутренне размышляя в себе много, как бы говоря: вот нашел я истинного учителя правого пути к Богу.

Прекрасно об этом же выразился блж.Августин: «Являются не книжные и предупреждают нас в Царствии Небесном; мы же с своею мудростию об нем неусердно печемся, а толкаемся бедственно здесь, в сей жизни, погрязая в сквернах плоти и крови». Об этом же самом противоположении духовного смиренномудрия с мирскою мудростью Иисус Христос в благодарственной Своей молитве к Богу Отцу говорит: «Слаблю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам (т.е. чистым в сердце); ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение» (Мф.11:25-26).

Действительно, под худым рубищем часто скрывается высокая мудрость. И кто бы мог предполагать и поверить, что в столь простом, незнатном человеке заключается такое высокое познание о Божественном Существо, кто мог бы поверить, что в безкнижной простоте можно найти такую высокую мысль, как представление убогого старца о двух руках несокрушимой силы – т.е. о всецелом приношении себя Богу и всецелой своей любви к Нему, выражаемой исполнением Его заповедей: этими руками действительно попускает Бог связывать Себя человеку, от других же прикосновений к Себе Он устраняется⁴⁰.

Далее Владыка Иоанн во всей книге разворачивает картину, как человеку трудиться над своей волей, чтобы отсесть в ней все противное Богу, и как Бог назиданиями, наставлениями, обстоятельствами и условиями жизни трудится над человеком, чтобы из грубого булыжника, т.е. из эгоистичного, лишнего душевного благородства и добродетельной красоты существа, вытесать достойного для жизни в Царстве Небесном.

Как трудиться над своей волей

Первое требование или условие, какое Бог ставит перед человеком – чтобы воля наша была невиновна ни в чем греховном. Чтобы мы были свободны от многих пороков, особенно от зависти к тем, кто имеет благополучие, от досады и вражды на тех, кто нам неприятен. Эти последние есть

мельничные жернова, стирающие нас как пшеницу. Зачем мы сердимся на них? Без них нам не прийти в характер Господа.

Второе, требуемое Богом свойство человеческой воли состоит в том, чтобы с благодарностью и без ропота, с терпением и незлобием принимать все обстоятельства жизни, сладкие или горькие, как благоволение о нас Бога. Скорби, убытки, оскорбления и обличения со стороны ближних ведут к упадку духом, к печали и унынию там, где человек надеется на себя и не имеет надежды на Бога. Где полагает, что он сам только может исполнить то или иное дело, а оно у него не получается. И тогда он ищет причину своих несчастий в людях, сердце его из своих недр изводит всякую нечистоту и мерзость, хульные слова злобы, маловерия, нетерпеливости.

Отсутствие навыка к самоукорению ведет к тому, что он не может обратить взор свой на себя, не то, чтобы разуметь себя, но даже и сознавать себя не может. Поэтому не видит причиной своих несчастий самого себя. Тем более не слышит Премудрого Промысла Божиего о нем. От Бога ждет и требует только угождения себе и всего приятного для себя, не ведая и не вдаваясь особо, что же ждет Бог от него самого.

Третье свойство богоугодной воли человека – доброхотность, то есть к ближним благорасположение и доброжелательность, к себе неприхотливость. Такой человек во всех потребностях, согласно гражданскому и семейному положению, умерен, избегает роскоши и пышности в пище, одежде, домашней обстановке, доволен тем, что Бог посылает ему, и благодарит Бога за то, что имеет. Недовольный и ропотный человек обычно тот, кто имеет ограниченный взгляд на Промысел Божий и на непостижимые пути, которыми Бог ведет как отдельного человека, так и все человечество. «Сердце наше, по нечистоте греховной, склонно более к временным благам, чем к вечному блаженству, а потому и ум наш более обращается в познании изменяемого и временного, чем неизменного, вечного, и, не постигая последнего, впадает в неверие в бытие Божие и высочайшее мироправление Его»⁴¹.

Четвертое свойство богоугодной воли в том, что она (воля) долготерпелива и постоянна. У человека же с противоположными свойствами воли, едва дело какое замедлится или на время разстроится, как он вслед за ним тоже приходит в разстройство – беспокоится, спешит, суетится, досадует, раздражается, теряет голову, настроение, аппетит, сон. То есть из человека разумного превращается в издерганное существо, поврежденное неврастением, когда внешнее, то есть обстоятельства, не складываются ровно, или неврозом, когда внутреннее, то есть его ожидания и особенно требования, притязания, не составляют. Надежда на Бога у него имеет импульсный характер. То он как бы всего себя положил на Бога, а на самом деле ждет, что вот-вот желаемое состоится. А оно не составляет. В результате у него срыв. Оказывается, он, положившись на Бога, на самом деле как бы обязал Его. Мол, если я положился, так непременно мое должно исполниться. И ждет своего, от которого как раз и не отложился. Или положится на Бога, отложив свое, но через какое-то время вдруг начнет жалеть свое, сочетается с ним и начинает беспокоиться, суетиться. Упование на Бога кончилось. Снова появился мелкий, суетный человек, обычно весь всклокоченный, неприбранный, издерганный делами и ближними.

Пятое свойство человеческой воли, любящей Бога, есть то, чтобы искренне, от всей души, а значит деятельно делать все, угодное Богу, и столь же деятельно, решительно и насовсем отвергать не угодное Богу. Здесь сильно может мешать человеку отлагательство, медление из-за греховной, читай – преступной – привязанности к чему-либо сладостному, вожделенному, привычному, удобному, но греховному. Удерживает человека в его косности упрямый нрав, равно и сознание, схваченное установками.

Четыре из них называет свт.Феофан Затворник в своей книге «Путь ко спасению». Это: «я христианин» – как будто такая установка сознания придает ему сразу много достоинства; «да ведь мы не из последних» – словно самонадеянность и кичливость сами по себе гарантируют любое дело; «мы не так еще худы» – мол, посмотрите, в нас достоинств немало число; «подумаешь, будто я один таков» – если и уличили меня в чем-либо худом, так что ж из этого, другие и того хуже делают.

Чтобы сообразовать волю человеческую с волей Божией во всех делах и жизненных обстоятельствах, Владыка Иоанн выделяет пять сердечных расположений, какие нужно человеку иметь.

Сердечные расположения

Первое – искреннее, сердечное желание во всех делах быть так, как это угодно Богу. При этом угодение Богу держать для себя выше всех ценностей мира. «Воля Твоя, о Боже мой, – моя воля; я весь нахожусь под Твоим милостивым и праведным благоволением, исповедую Твою милость и правосудие надо мною». Такое единение своей воли с Божественною волею человеку нужно хранить во всех своих делах и поступках: по службе, в проявлениях власти над подчиненными, в трудах, занятиях, в потерях, болезнях, даже в смерти, имея твердую надежду на искупительную жертву Христову за грехи наши.

Об этом и слова молитвы Господней: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Преподобный Кассиан в этих словах слышит подобие друг другу людей и ангелов, и как воля Божия последними исполняется беспрекословно на небе, также и люди на земле да исполняют не свою волю, а Божию. И тем будут едино с горными жителями, со святыми, которые, пребывая тоже на небесах, все желают одного и того же – воли Божией. Чтобы и людям на земле жить так же, преодолевая между собою разность своих стремлений и пожеланий. Из-за этой разности только и все нестроения и раздоры между ними. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс.132:1) – как хорошо и как прекрасно жить братьям всем вместе!

Второе расположение – во всех событиях жизни быть истинно любознательным, то есть стремиться уразуметь «невидимое Божие». Разумно и доброхотно, значит, свободно предавать себя воле Божией. Желает Всевышний, чтобы я был больным – желаю и я быть больным; угодно Ему вложит в меня какое дарование – принимаю его благоговейно и с благодарностью; не угодно что-либо Богу – и мне оно не угодно; хочет ли Бог, чтобы я умер? – я готов умереть, ибо кто возбранит мне что-либо против моей воли? Это и есть свобода. Что Бог мне даровал, то мое и в моей находится власти. А то, что Бог предоставил Себе, должно находиться в Его власти и распоряжении.

Удивительно: дети, которым до семи лет, и которые послушны своим родителям, имеют это свойство и живут в нем свободно. Легко входят в волю родительскую и также легко и свободно пребывают в своей воле, которую им предоставили родители. Играют свободно, как сами хотят, но позвала мама – бросили все, и уже дома, готовые делать, что она повелит.

Сенека (жил во времена цезаря Августа) спрашивает: «Что есть совершенная свобода?» И отвечает: «Не страшиться никого из людей, ни даже Бога, ибо Он не страшен для добрых и любим ими; не хотеть ничего постыдного, ни излишнего; иметь над самим собой полную власть, или – что то же: принадлежать самому себе, – во всем этом состоит совершенная свобода, наше многоценное добро». Самому же себе принадлежит тот, чьи желания во всем согласны с желаниями Бога: что угодно Богу, то и ему угодно; что Богу не угодно, то не угодно и ему. Авва Дорофей говорит: «Кто не имеет своей воли, тот всегда исполняет свое, ибо он не хочет, чтобы дела исполнялись так, как он желает, но хочет, чтобы они были, как будут. При том, что он от себя исполняет их честно, до конца и по всей совести».

Третье расположение сердца – всегда во всех делах и событиях быть ревностным, искренним и честным: в бою мужественным, в трудах доблестным, в ремеслах искусным, в собирании богатств опытным и умным, всегда и во всем благоразумным. И при всем при этом, добиваясь цели, не зависеть от нее, ни от успеха, ни от неуспеха.

Более того, всякий неуспех свой приписывать неблагоприятию Божию к тому или другому неудачному предприятию и считать свою безуспешность за весьма благополучное для себя событие, потому что благодаря неуспеху не совершилось какое-то нежелательное Богу дело. Т.е. мое желание или то, как я хотел дело сделать, или тот дух, в каком я это дело делал – неуютны Богу. Он и не допустил всему состояться, или состояться так, как я хотел. Есть теперь время поразмыслить, найти в себе, в чем я разошелся с Богом, исправиться и снова делать. При этом каждый раз в самом исполнении дела или события желать того качества и характера, какого в этом деле и событии желает Бог, и какого мы по своей греховности и худому нраву не можем сейчас знать.

Чтобы мы не приписывали всего себе самим, своей силе, своему разуму и своей заботливости о мирских своих делах; но все делая с любовью, радостью и самоотвержением, обращали бы

каждый внимание на свое внутреннее духовное развитие и усовершенствование через все внешние дела, и убедились бы до очевидности, что все бываемое во вселенной совершается не иначе, как по благоволению или распоряжению воли Божией, сообразно нашему устройению – доброму или лукавому, развратному или благочестивому нашему поведению, от качества которого зависит и наше блаженство и наша погибель. Всевятейшая воля Божественная подвигает все дела человеческие по образу колеса, неравномерно вращающегося – то поспешающего, то замедляющегося; и таким образом все события неожиданные (внезапные), непостижимые и происходящие как бы по слепому случаю, направляет разумно к наилучшим целям. То есть к нравственному и духовному устройению нашего сердца.

Четвертое расположение сердца – иметь непоколебимую и крепкую надежду на Бога. Какие бы обвалы, несчастья ни происходили, оставаться не в чувстве неудачи, потери или разстройства добрых планов, а в чувстве Бога и всегдашнем уповании на Него. Сердцем оставаться в Боге и Его Божественном заботливом и любящем присутствии, хотя внешние события будут носить обвальный характер, и будут таковыми не один день, не один месяц, но многие годы. Всегда жить в чувстве неизследимых судов Божиих, которые никаким умом не могут быть постигнуты во всей их обширности. И второе – в чувстве, что никогда не останется в посрамлении терпеливое упование на Бога.

Пятое расположение сердца – внимать действующей в сердце благодати Святого Духа, получаемой в таинствах Церкви и особенно в таинстве Тела и Крови Христовых и по ней (благодати) сверять свою волю с волей Божией. Не имея явного чувства благодати, или хотя бы благодатного мира или радости на сердце после Причастия, испытать себя, какого образа жизни я придерживаюсь, что действия благодати в себе не слышу. Или имея и потеряв ее действие, немедленно смотреть, из-за чего потерял, каким настроением, словами или поступками разошелся с Богом и сделал что-то неуютное Ему – Он и отошел от меня. Или, имея благодатное присутствие, наблюдать и трудиться, чтобы не только сохранить его в себе, но и умножать совершением дел и поступков, согласных с заповедями Божиими и угодных Ему.

Далее Владыка Иоанн пишет о смысле и значении слов: «да будет воля Твоя яко на небеси и на земли», – и с каким расположением духа должно произносить эти слова.

«Да будет воля Твоя, яко на небеси

и на земли»

Настоящая, истинная причина неисполнения воли Божией на земле так, како исполняется на небе, заключается не в окружающих нас препятствиях внешних, но гнездится внутри нас: мы слабы духом, и поэтому одни, будучи мужьями, не держат образа мужа в доме; будучи женами, более подчиняются родовым грехам и характеру своих матерей, чем характеру жены, угождающей Богу; другие, будучи родителями, более пекутся об угождении детей им, родителям, чем об угождении их Богу; в то же время все мы, оставаясь далекими от воли Божией, не старательны к точному исполнению, любим свои грехи и греховную жизнь и не любим, потому и не знаем и не стараемся узнать, что есть добродетели, и какой порядок жизни учиняется ими, добродетелями, а не грехами и страстями.

Первое – пусть каждый молится, чтобы через эти слова: «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли» – Бог вразумил его исполнять Свою Божественную волю. Молиться нужно с искренним намерением, далее, с любовью, еще более – в спешном и непринужденном желании исполнять несомненную волю Божию, с сердечным удовольствием к ней, наконец, с решимостью исполнять ее совершенно и всецело, и непременно с долготерпением.

Второе – молясь: «Отче наш...» – ни в чем не искать своей славы, но всегда слышать, чувствовать славу Бога – Его совершенства, могущество, силу, вечность, премудрость, красоту и безконечное непостижимое блаженство, Его любовь, доброту, щедрость, милость. Слышать, чувствовать славу Бога, значит, и стоять за нее, желать и трудиться, чтобы Имя Божие, Его святость, Его дела были свято почитаемы у всех людей, у всех народов; чтобы все люди жили между собою в мире и согласии, ведающие Бога наставляли бы неведающих Его, старшие – младших всему доброму, сильные слабых защищали бы и покровительствовали им, как они себе сами желают, чтобы другие с ними поступали, и не на словах только, но и самим делом. Этим преимущественно образом воля Божия будет совершаться нами на земле, как она совершается на небе.

Третье – влагать в молитву стремление совершать волю Божию без промедлений, с решимостью и скоропослушно, с готовностью к мгновенному ее исполнению, молниевидно, в добродетельном безпрекословном повиновении, с удовольствием и радостью.

Четвертое – с готовностью переносить любые тяготы ради Христа, труды, болезни, скорби и все бедствия, какие только могут прийти по жизни. При этом не испытывая, почему Бог делает так или по-другому, не доискиваясь, почему это делает Бог. Довольствуясь одним только ответом – потому что он так хочет. «Бог есть наш и всего существующего во вселенной Господь и Владыка: Он объявляет нам Свою волю через Священное Писание и через дела Его Промысла о всех Своих творениях и повелел нам поступать согласно воле Его без всякого сомнения, в ее святости, премудрости и справедливости: ибо Он – Господь, а мы – Его служители, и потому по совести должны мы служить своему Господу, исполняя его святую волю в том призвании, в какое Он благоволил поставить нас».

Пятое – совершать молитву «да будет воля Твоя» с таким настроением, какое имеют дети относительно своих родителей. Если родители спрашивают детей: «Не хотите ли погулять, или прокатиться по городу, или съездить в деревню, или поиграть?» – тогда благоразумные и воспитанные дети ответят: «Как вам угодно, вы лучше можете сказать нам, что делать». Если же дети без предложения родителей сами просят погулять или поиграть, когда нужно делать что-либо полезное и нужное, начинают увиливать, а не получив свое, хмурятся, обижаются, ворчат, капризничают или того хуже – дерзят, –тогда это поведение строптивых детей, доброму послушанию не наученных.

Точно так же и мы должны быть у Бога, как благоразумные чада Его. Даже если Он спросит: «Хочешь ли, чтобы я поселил тебя в Раю?» – должно ответить: «Господи, твори со мною, как Сам Ты хочешь. Ты можешь и удалить от меня бедствия, и оставить их при мне, мне же будет приятнее всего, чтобы совершилось то, что Твоей Святой воле угодно».

Отсюда, если видишь, что мужи добродетельные и любезные Богу отягчены скорбями, изнемогают в бедах, претерпевают всякие неудобства, напротив же, люди порочные и злобные живут во всякой роскоши, изобилии, наслаждаются всеми благами мира, удовлетворяя всем своим прихотям, то знай, что первые – сыны смирения, плача, кротости, чистоты и прочих добродетелей; вторые же дерзкие своей строптивостью, нередко расточающие отцовское наследство и погибающие от своих пороков и необузданных страстей. Бог любимых чад Своих не балует, не содержит в роскоши, но испытывает их, смиряет трудами, а нередко печалью и огорчениями, дабы приготовить из них достойных себе служителей на общую пользу. Блж.Иероним, наставляя Юлиана (отступника), говорил ему: «Ты считаешь себя достигшим высшей степени добродетели, если пожертвуешь некоторую часть своего имущества на богоугодные дела – ошибаешься. Бог желает, чтобы ты себя самого, свою нравственно-разумную деятельность приносил в живую жертву Богу во всю жизнь свою».

Наконец, Владыка Иоанн в следующей главе своей книги отвечает на вопрос: по каким признакам или свойствам узнается человеческая воля, что она согласна с Божественной волею?

Признаки согласия человеческой воли

с божественной

Первый признак истинного христианина есть заботливость все свои дела стараться совершать усердно, угодно Богу, и для этого никакого дела не начинать, не призвав Бога на помощь. И в ходе самого дела постоянно нуждаться в Нем, просить Его: «Господи, Ты слышишь желание смиренных, Ты укрепляешь их в их сердце, намерение их слышит ухо Твое» (Пс.9:38). Тот, кто не полагает предварительно в основу своих намерений и дел Божия благословения и Его Святой

воли, не имеет в делах успеха. Самое сознание нашего отношения к своему Господу обязывает нас испрашивать у Него благословения на все дела свои и тщательно взвешивать их: благоугодны ли они Богу?

Второй признак – неустрашимость в бедах и скорбях, встречающихся при исполнении обязанностей христианских, но добротное перенесение их и даже желание: Господь ближе Своею благодатью к тем, которые находятся в печали и многих злостраданиях, нежели к тем, которые постоянно благоденствуют во всем и не знают нужды. Бог, кого любит и испытывает, тех чаще наказывает бедствиями, посещает болезнями, – словом, обучает их; нерадивых же к исправлению и ленивых соблюдает Он на жертву грядущих зол.

Во время войны и опасностей посылаются для выполнения опасных или рискованных предприятий самые мужественные и расторопные, и никто из избранных воинов не ропщет на военачальника за свое незнание, не говорит: «Он с умыслом послал меня на погибель», – напротив, каждый с удовольствием старается исполнить трудное поручение, презирая опасности. И Бог попускает претерпеть и понести что-либо скорбное, тяжелое и печальное, признавая чад своих достойными для перенесения положенного на них бремени. Так и у спартанцев родительская любовь к детям не разнеживала их, но, напротив, закаляла и приучала к перенесению всяких невзгод. Детей секли перед всем народом, но не за вину какую-либо, а для того, чтобы приучить их к перенесению физической боли и терпению неудобств, лишений. При этом сами родители убеждали ласкою и одобрением любимых своих детей, наказывая их, еще к большему перенесению голода, трудов, к презрению роскоши и изнеженности. Так и несчастье, какое попускает нам Бог, не есть наказание, но случай для нашего подвига. Увидим, что бедствия укрепляют, закаляют человека.

Итак, кто всем сердцем любит Бога и хранит в себе Его волю, тот может во время бед и печалей обратиться к Нему: «Хочешь ли взять обратно полученные от Тебя имения, честь и славу? – давно бы я готов был отдать их Тебе; хочешь ли взять моих детей? – я предоставляю их в Твою волю; хочешь ли какой-либо части моего тела? – возьми ее; хочешь ли души моей? – почему же я откажу Тебе в этом? – не делаю ни малейшего замедления, молю Тебя, прими мою душу. Всякое дело Твое совершаю без всякого принуждения, ничего не претерпеваю без собственного произволения, и Тебе, о Боже мой, не работаю, подобно рабу, но только соглашаю мою собственную волю с Твоей Святою волею». Вот истинный образ согласия человеческой воли с Божественною.

Третий признак – смирение, т.е. отсутствие о себе всякого мнения. Все доброе приписывать не себе, не своему разуму, но Божией благодати и силе. Все, что по воле Божией делается, то угодно Ему, а все, что не угодно Богу, то делается по человеческой воле. Человек самонадеянный рассчитывает на свои силы, мудрость, ловкость, искусство, делается высокомерным, болтливым и хвастливым, а потом в важных и ответственных делах оказывается ненадежным, нерадивым, упустительным по излишней самонадеянности. Смиранный же человек заранее запасается

помощью Божией, упованием, надеждой на Него, ограждает себя от искушений предварительной исповедью и принятием Святых Таин почаще, вооружает себя молитвою и постом.

Четвертый признак – возложение крепкой надежды на помощь Божию и Его Промысел. Кто крепко уповает на Бога, тот свое предприятие или имущество поручает молитвенно Богу, полагаясь на Его Промысел, как бы вовсе устраняя себя от всякого собственного распоряжения. Если дело завершилось удачно, считает это благословением Божиим, Его даром. Если дело не состоялось, значит, произошло так по особенному Промыслу Божию, предназначенному что-то лучшее. «Если что полезно мне, – говорит христианин, – то Бог пошлет незамедлительно, как только попрошу. Если отлагает во времени, значит, испытывает меня или приучает к терпению. Если же после многих моих просьб не дает просимое, значит, то или бесполезно для меня, или вредно».

Пятый признак – молчаливое претерпение нами оклеветаний, лжесвидетельств и других порицаний нашей чести и доброго имени со стороны завистников и врагов. Величайший пример молчания во время поношений явил нам Сам Господь. Одновременно с Ним молчала и Матерь Божия, будучи свидетельницей невинных страданий Своего Сына. Молчала, потому что предоставляла все события воле Божией и Его Божественному Промыслу. Только не с отчаяния нужно молчать, но молясь Богу. Углубись в себя и благоговейно размышляй о молчании Иисуса Христа перед Пилатом, Матери Божией – перед нечестивыми согражданами, Давида – перед его противниками. Трудно это делать – молчать, когда поносят, но похвально, спасительно и полезно. «За любовь мою они чернят меня, а я молюсь; платят мне злом за добро, и ненавистью – за любовь мою» (Пс.108:4-5).

Шестой признак – мужественное перенесение трудов, лишений и опасностей ради чести и славы Божией и ради спасения ближних наших. «Я научился, – говорит апостол Павел, – быть довольным тем, что Бог мне дал, умею жить в скудости и в изобилии; научился всему и во всем: быть в сытости и терпеть голод, быть в изобилии и в недостатке. Все могу о укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп.4:11-13). «Надеющиеся на Господа, – говорит пророк Исаия, – обновятся в силе, поднимут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся» (Ис.40:31).

Таким образом, все, сказанное выше, делает ясным одно – любящий Бога сообразует свою волю с Божественной волей и это становится его жизнью. В таком случае есть глубокая внутренняя связь между любым служением, каким обычно заняты люди, сообразованием с Богом ими своей жизни, своего нрава и угождением Ему. Любовь к Богу ищет угодить Ему. Угождение же нуждается в сообразовании действий человека с желаниями Бога о нем. В таком случае и всякое служение должно быть сообразовано с волей Бога.

Но мы в своем воцерковлении не сразу приходим к потребности угождать Богу сообразованием своей воли с Его волей. Едва уверовав, мы сразу хотим служить Богу. Нам поначалу невдомек, что

наше служение может быть только внешним угождением Ему. Храм построить, клиросное служение организовать, воскресную школу открыть. Лишь по мере воцерковления открываются нам действительные смыслы и значение христианских заповедей. Тогда и служение начинает принимать совсем иной вид, содержание и характер. Поэтому, говоря о потребности воцерковления и церковной деятельности людей, можно сказать так: если мы начинаем служение Богу, то внутри него должно быть сообразование с Ним, а внутри сообразования – угождение Ему. При этом ясно увидим, что угождение Богу движет сообразованием и есть причина и начало его. Равно и сообразование присутствует в служении и составляет причину стремлений в нем, т.е. в служении. Если это не так, человек рискует получить суровый ответ Бога: «И многим, говорящим: Господи! Господи! отвечу вам – не знаю вас». Поэтому-то всякое служение, каким бы человек ни был занят, будь то сугубо церковное служение или обслуживающее в быту, ремесленное или техническое, научное или литературное, есть служение Богу настолько, насколько в нем уже есть угождение Ему и сообразование с Ним. Действительно оно есть служение Богу, если в нем причиной и началом живет потребность угождения Богу, а действием его является сообразование с Ним. Поэтому служение Богу по существу своему есть уже угождение Богу, а по существенному содержанию и действию есть сообразование с Ним.

Мы же в своем воцерковлении восходим от служения через сообразование к угождению. При том, что все три действия всегда присутствуют едино, одно в другом, тем не менее каждое из них для освоения требует своего времени и сугубой работы именно над ним.

Отсюда есть три периода в нашем воцерковлении, когда в первом преимуществует служение, во втором – сообразование, в третьем – угождение Богу.

Каждый из периодов требует от нескольких годов до одного-двух десятков лет нелегкого труда, в котором приходится преодолевать в себе немало препятствий. Поэтому, например, в служении нашем еще много нас самих, и мало, и очень мало благодати. В сообразовании еще много самомнения, своенравия и своеволия, но у ревнующих все больше появляется отношений с благодатью, с нею они сообразуют себя, и через нее сообразуются с Богом. В угождении уже благодать Божия совершает нами все в нас. «Нами, потому что нам так любо, мы так уже хотим, и в этом «благодать – нами» слышим жизнь. Так, Никодим, обращаясь ко Христу как к человеку, говорил: «Равви! Мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог» (Ин.3:2).

Сам же Господь сказал «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Ин.6:44), т.е. «никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего» (Ин.6:65). И, наконец, в другом месте сказал: «Без Меня не можете делать ничего» (Ин.15:5) Значит, никто не может действительно угодить Богу, если не сообразуется с благодатью Божией и, в конечном итоге, не ею творит дела свои.

Часто люди задают мне вопрос: «Откуда и почему постоянно из одного и того же места, (в основном из Москвы), идет ожесточение на мои книги: «Не читайте, плохие книги»? Но люди читают и ищут их. Каждый день приходят письма в Волгоград с просьбой выслать то или иное наложенным платежом. Что у нас есть – высылаем. Только однажды пришло очень злое послание от колдуньи. Некоторое время обширными советами осаждала меня экстрасенс из Прибалтики – наставляла, как не надо писать и как надо. Больше ругающих писем не было. В день приходит по несколько писем со словами сердечной и искренней благодарности. Все чаще пишут из тюрем, где читают «Обрести себя».

«Прочла три Ваших книги, – пишет женщина из г.Торез Донецкой обл., – и многое поняла, почему у меня проблемы с дочерью и почему у меня непослушный сын. Я просила у Бога послать мне мудрого человека, и Господь послал его в Вашем лице. Большое материнское спасибо за всё, что Вы написали». А вот что пишет отец троих сыновей, ему 50 лет: «Начал читать книги о.Анатолия и призадумался. Понял, что воспитывал детей неверно, признаюсь в неведении этого важного и сложного вопроса. Теперь хотел бы больше знать о церковной педагогике, чтобы, если возможно, исправить свои ошибки и не делать новых». «Если бы не Ваши книги, я бы не знал, чем мне дальше жить, – делится человек из тюрьмы с пожизненным сроком заключения. – Они открыли мне меня. Я всеми делами и всею жизнью виноват перед Богом. Я не могу писать Вам о своих преступлениях. Вам станет страшно. Теперь после Ваших книг я другой. Я буду каяться, буду молиться. Это теперь моя жизнь».

Каждый год вот уже десять лет в Волгограде проходят летние православные поселения: детское – «Страна Детства» и семейное – «Отрада». В них за две смены – июнь и июль – бывает 340 детей и подростков и более 60 взрослых людей – их родителей из самых разных городов России, Украины, Белоруссии, Прибалтики. Часть из них приезжают два-четыре года подряд. Много добрых отзывов говорят и пишут нам дети, подростки, родители. Немало детей, да и взрослых уезжают со слезами, не желая расставаться с полюбившимися им воспитателями, православной «Страной Детства» и «Отрадой».

Августовский педагогический совет в 2003 году собрался в Волгограде шестым по счету. Это внутригодичная секция Международных Рождественских образовательных чтений, куда ежегодно собирается 40-50 человек из разных городов России и Ближнего Зарубежья: священники, руководители и преподаватели огласительных курсов, православных гимназий, воскресных школ разных епархий. «Здесь, на педсовете, я почувствовала православную семью, – пишет в своем отзыве директор воскресной школы из г.Лабинск Краснодарского края Шивцева Ю.В., – а себя членом этой семьи. Было очень тепло душой в «Отраде», как будто над поселением не одно, а минимум три солнца». «Педсовет – это всегда глубокая и серьезная работа над самыми горячими вопросами церковного воспитания и обучения, – отмечает Перехожук Н.А. из Санкт-Петербурга. – Всякий раз уезжаю с полученным богатым материалом и большим желанием воплотить на практике все, что узнал». «Я приехала сюда во второй раз, – пишет Шапиро Е.М. из Санкт-

Петербурга. – В этом году педсовет был полнее, чем в прошлом. Во-первых, по составу он более собран, работоспособен, было больше единодушия при обсуждении вопросов. Во-вторых, по организации лучше подготовлен. Буквально с первого дня педсовет включился в ритм напряженной продуктивной работы. Порадовали четкость расписания, хранение времени. В-третьих, большое и глубокое впечатление оставляет дружелюбное отношение сотрудников и учащихся Свято-Сергиевского училища церковной педагогики: буквально с первой минуты мы были окружены их теплом, радостью от встречи, заботой. Было ощущение, что приехали в родной дом, где нас ждали». «На педсовете вижу хорошее сочетание теории с практикой, – пишет в отзыве иерей Петр Левин из г.Екатеринбурга. – Задаю себе вопрос: то, о чем я услышал и увидел в Волгоградском училище, возможно ли сделать у себя на месте? Сделать не внешне, а по тому внутреннему содержанию, каким может и должна жить Церковь. Как обрести нам этот дух жизни и как не потерять его?»

«Нынешний VI Августовский педсовет, как и пять предыдущих, – пишет иерей Игорь Киреев, председатель секции просвещения отдела религиозного образования и катехизации Московской патриархии, который все шесть лет приезжает в Волгоград и является сопредседателем педсовета, – показал глубокую серьезную работу, которая ведется в Свято-Сергиевском училище. Педагогические размышления и находки его сотрудников, соединенные с духовным наследием святителя Феофана Затворника, труды которого положены в основу всей учебной деятельности, воплощаются в жизнь училища, церковной общины, поселений. Это производит сильное, убедительное впечатление. Сама атмосфера педсовета, весь уклад поселения «Отрада» свидетельствуют о подлинности и глубине ведущейся здесь работы. Заметен значительный духовный и профессиональный рост преподавательского состава».

Такие и подобные им отзывы о книгах, о летних поселениях, об Августовском педсовете, о жизни и деятельности самого училища, директором и духовником которого Господь сподобил мне быть, мы слышим и читаем от всех людей, которые сами были у нас или всерьез, не с предубеждением, читали мои книги. В Волгограде за эти годы побывало очень много людей – мирян, священников. Людей, которые лично участвовали и были живыми свидетелями того, что здесь, милостью Божией, происходит. Они уезжали с чувством искренней радости и благодарности Богу и всем сотрудникам и студентам училища за содержание, характер и дух жизни, в котором довелось им побывать. Из них лишь несколько человек, как мне известно, уезжали с явным недовольством, а трое в течение всей смены семейного поселения отыскивали у нас признаки неправославия. Каждая обида или неудобство, которые они потерпели от устроителей поселения, строгость уклада, необходимость распорядка, даже подъем в шесть часов утра – все становилось у них предметом обвинительным. Они с этим подозрением, наслушавшись слухов, приехали к нам, и целое поселение взрослых людей, искренне живущих в Церкви, не смогло их переубедить. Одну женщину в одной смене, мужчину и женщину в следующем году, в другой смене. Может быть есть еще кто-то обиженный или недовольный, о ком я не знаю. Но даже и это число на что-то споткнувшихся и по этой причине что-то подозревающих, даже пусть из тех, кто лично был у нас, совсем не убедительно.

За десять лет в наших поселениях, на педсовете и в самом училище были многие сотни, а по общим подсчетам около тысячи взрослых людей. Среди них более тридцати человек из духовенства и немало мирян с десятилетним и большим церковным стажем. Кто же тогда они? Люди, каким-то особенным образом обольщенные нами и попавшие под наше влияние? Три-пять, пусть даже десять человек с первых же дней всем недовольные и бегущие от трудов самоукорения (а это важнейшее действие, над которым трудятся в семейном поселении), что-то учуяли, а около тысячи людей как бы не поняли и единодушно благодарили «за отрадную возможность побыть в церковном общении и отдохновении» (слова из отзыва). Тем не менее, Москва, в какой-то части своих людей более склонна слушать недовольных (случилось, что все трое таковых были из Москвы), чем услышать тысячу людей других или, что еще правдивее, самим лично приехать и посмотреть все на месте. Видимо, нужно иметь болезненную предвзятость, чтобы, опираясь только на одни слухи, явно вражеского происхождения, складывать свое отношение к тому, чего ты не видел и не слышал, а если говорить о книгах – чего сам не читал, или, если и держал книгу в руках, то не уразумел ее назначения.

В январе 2003 года на XI-х Международных Рождественских образовательных чтениях во второй день пленарных заседаний митрополит Волгоградский и Камышинский Герман делал доклад о православных педагогических школах Волгограда. «Хочу обратить ваше внимание, – сказал он, – на маленькие книжечки на столе президиума – тексты докладов домашнего издания при авторстве директора Свято-Сергиевского училища православной катехизации и церковной педагогики. По-видимому, с его опыта нужно начать говорить о волгоградских педагогических школах. С самого начала учебного дела в епархии он был одним из активных организаторов устройства церковного высшего образования и одним из основателей Царицынского православного университета. Сегодня его школа имеет большое значение своей активностью и своими добрыми плодами». И далее Владыка подробно рассказал о деятельности училища.

На этом же пленарном заседании Рождественских чтений прозвучал мой доклад «Воцерковление учащихся и сотрудников Свято-Сергиевского училища церковной педагогики – как это трудно». Сам я не мог быть на чтениях, и за меня читал его один из наших сотрудников. На секции воскресных школ был прочитан мой второй доклад – «Исповедание веры в повседневной жизни». Оба доклада были раскуплены в тот же день (мы привезли их на чтения в виде брошюр в количестве двести штук каждый).

На заключительном заседании Рождественских чтений добрые слова в целом о волгоградском опыте говорил председатель секции просвещения отдела религиозного образования и катехизации иерей Игорь Киреев. Он действительно может говорить о нашем опыте, не только опираясь на услышанные доклады, но и из живого знакомства с нами, так как шесть лет подряд приезжает в Волгоград на Августовский педсовет. В течение недели много встречается с нашими сотрудниками и учащимися, близко знает многих из них и всегда внимательно всматривается и вслушивается во все стороны жизни училища.

Годы труда над устройением учебного дела в Церкви положены нами точно так же, как это делают десятки, сотни людей во всех уголках России и ближнего Зарубежья, которые самоотверженно трудятся над сложнейшими для нашего времени вопросами – как исполнить дело церковного образования и воспитания детей, подростков, молодежи и взрослых. Труд этот непростой и не всегда успешный. Значительно чаще бывает ошибок и неудач, чем успехов и верных решений. Из московского периода своей жизни я хорошо знаю, как важен оперативный обмен опытом и известиями о развитии дела между теми, кто трудится над одними и теми же вопросами. Поэтому, открывая всем, кому это нужно, свои ошибки и обретения, мы каждый год выходим на Международные Рождественские образовательные чтения с рассказом о том, что у нас делается. Семь лет от трех до восьми докладов ежегодно звучат на различных секциях образовательных чтений. В последние два года мне довелось выступать и на пленарном заседании. Отклики на доклады всегда были хорошие. Я не слышал по поводу содержания докладов какой-либо критики. Напротив, много слышал добрых отзывов. Лишь один год на секции «Воскресная школа» у двоих ее участников проявилась старая личная неприязнь ко мне. Не знаю, прошла ли она за эти годы или ждет своего следующего случая и поныне. Молю Бога, чтобы прошла.

В 2001 году был в училище и знакомился с нашей жизнью Владыка Евгений, архиепископ Верейский, ректор Московских Духовных Семинарии и Академии. Он беседовал с преподавателями, сотрудниками и учащимися, осматривал классы, жилые комнаты, трапезную, был в училищном храме Сорока Мучеников Севастийских. Вместе с нашим Владыкой Германом он около трех часов гостил у нас. Владыка Евгений выразил удовлетворение от посещения училища, сказал, что уезжает с хорошим впечатлением от того, что услышал и увидел своими глазами. «Материальная база у вас очень слабенькая, обстановка бедная и скудная, очень скученно. А люди и дело – церковные», – сказал он, прощаясь с нами.

В 2002 году по радио в передаче «Радонеж» выступал протоиерей Артемий Владимиров. Ему задали вопрос, как он относится ко мне? Отец Артемий ответил, что как раз только вчера имел встречу со мной, сотрудниками и учащимися училища и провел целый вечер с нами. Отозвался о нас как о православных, добрых и искренних в своем служении людях. За этими его словами стоит не только вечер встречи, но и долгий опыт моего с ним знакомства и общения.

С отцом Артемием я знаком уже более пятнадцати лет. Часто встречался с ним до его и моего рукоположения, было время, когда мы помогали друг другу по жизни и сейчас всегда помним друг о друге.

За последние четыре года вышло восемь наименований моих книг, включая и ту, которую Вы сейчас читаете. Четыре из них – это материал лекций и занятий, проведенных в Москве двадцать лет назад: «Этапы нравственного развития ребенка», «Обрести себя», «Психопатический круг в семье», «Тихий разговор с совестью». Другие четыре написаны уже сейчас: «Пути и ошибки новоначальных», «От зачатия до рождения», «Культура семейных отношений» (в ее втором издании) и та, которую вы держите в руках. За это короткое время каждая из них была уже четыре-шесть раз переиздана. Трогательное письмо я получил от Владыки Игнатия, епископа

Петропавловского и Камчатского. Поздравив с Рождеством Христовым и Богоявлением, он дальше пишет: «Искренне благодарю за Ваш столь необходимый ныне для верующих и воцерковляющихся людей труд. Ваши прекрасные книги побуждают живую веру в сердцах людей, стремящихся обрести смысл жизни в Боге. С большим удовольствием Камчатская епархия стала бы постоянным заказчиком Ваших книг».

Много письменных и устных благодарностей я получаю от священников. Есть случаи, когда священники на огласительных занятиях в своих приходах занимаются прямо по книге, читают ее вслух, обсуждают содержание. Обращение к себе, различение собственной церковной жизни происходит особенно при работе с книгой «Пути и ошибки новоначальных» (второе, дополненное издание). Однажды один батюшка задержал всех прихожан после службы и стал читать им отрывки из нее. Прихожане попросили повторить это действие в следующее воскресенье. В итоге это вылилось в регулярные огласительные занятия сразу после службы на тридцать-сорок минут.

В то же время есть к книгам и ко мне лично открытое недоброжелательство, и поношение, и пренебрежительное отношение, подозрительность, гнушение, и просто равнодушие. В основном, насколько я это заметил, такое отношение формируется на основании слухов. Люди больше склонны доверять от кого-то услышанному, нежели собственному опыту и сердцу. Большинство людей, имеющих такое отношение, насколько мне известно, ни одну из книг не читали. В лучшем случае просматривали. Из них никто не читал всерьез, т.е. не всматривался в собственную церковную жизнь через содержание книг. Сейчас, оглядываясь назад, вижу, как Господь необычными Своими путями совершал мое воцерковление. И всегда вместе со мною и рядом шли много людей – детей, подростков, молодежи, взрослых. Я не мог без них, а они какой-то период своей жизни нуждались во мне. Я не ставил целью как-либо записывать опыт нашего воцерковления. Люди сами стали приносить магнитофоны, потом переносили звуковой материал в рукописный и, размножая, раздавали содержание занятий друг другу.

По мере моего воцерковления и по мере потепления во всей стране отношения к Церкви менялось и само содержание лекций и занятий. Менялся по характеру своих потребностей и состав людей, пребывающих со мною. За все это время можно выделить три периода встреч с людьми. Первый, московский – занятия имели предогласительный настрой. Здесь важно было для меня, как педагога, не столько усвоение содержания занятий, сколько тот труд над собой, который они побуждали. Оставались на занятиях и продолжали трудиться в них те, кто согласился на это усилие над собой, и из недели в неделю, выполняя одно домашнее задание за другим, учились сознать себя, отделять худое от себя и возставать над ним. Материалы этих занятий собрались в итоге в первых четырех книгах московского периода.

Второй период – волгоградский. Это было время серьезного труда над оглашением. Как и в первом периоде, основное значение мною придавалось не усвоению содержания, хотя без него ничего не может быть, но прежде всего тому внутреннему труду, который нужно совершать человеку, вступающему в церковную жизнь. Без этого труда его церковности угрожает остаться внешней, а с годами пережить угашение или переход в вяло-текущие формы, в обрядоверие. Моя

забота была об одном – предупредить и по возможности предотвратить невольное охлаждение веры, которое переживает сегодня большинство людей. Материалы этих встреч и бесед были собраны и вышли в трех последующих книгах.

Третий период идет сейчас. Это труд над собственно воцерковлением человека. Начальные выкладки об этом труде вы читаете в первых главах данной книги – «Матушка» и «Уразумение, разумение, сообразование». Последующую углубленную работу над воцерковлением предполагается собрать в книгах по церковной педагогике и общинножительству Церкви.

Верное наблюдение, явно подтверждаемое сейчас жизнью, высказал игумен Евмений, первый издатель моих книг. Он сказал примерно так: «Первые периоды жизни для Вас, конечно, ушли в прошлое. И люди, которые вместе с Вами и через Вас совершали свое предоголашение, оголашение и воцерковление, тоже не стоят на месте и, возможно, сейчас не нуждаются в том, что слушали и над чем работали. Но сегодня и всегда в последующем будут появляться новые люди, которые для себя самих еще только вступают в тот или иной период. Зачем же им проторять дорожку собственных проб и ошибок, когда есть уже опыт Ваш, и опыт, обобщенный на примере немалого числа людей, сообразованный с трудами подвижника Церкви святителя Феофана Затворника, более того, являющийся пробой воплощения в жизнь его наставлений? Поэтому Вам нужно писать книги о воцерковлении и не смейте от этого отказываться».

Действительно, письма, которые почтальон приносит каждый день, и встречи с людьми, из года в год все в большем числе приезжающих к нам, подтверждают слова игумена Евмения. Общий тираж книг многократных изданий сегодня составляет 300 тысяч экземпляров.

В то же время, один человек, из тех, кто близко знал Н.Е.Пестова и ныне знаком со многими из духовных людей в Москве, сказал мне как-то: «То, что Вы делаете, сильно будет зlobить врага, и он будет разносить впереди Вас всякие несусветные басни. Он будет это делать, чтобы люди не смогли встретиться с Вашим делом. Предубеждения отодвинут их от Вас. Не смущайтесь этим. Трудитесь, как Господь Вам дает. Кому нужно – и услышат, и откликнутся, и себе пользу получают, и Вам помогут».

Как-то Владыка наш, митрополит Герман, выслушав об очередных сплетнях и связанных с ними искушениях в городах Запорожье и Бердянск, помолчав, задумчиво сказал: «Поношение – это ведь хорошо...». И тем утешил и благословил трудиться дальше.

Часто на встречах в разных городах, куда меня приглашают с лекциями, люди просят рассказать о себе. Мне же хочется этот рассказ о себе, который теперь начинаю, соединить с приношением благодарности моим наставникам, чьими трудами совершалось мое развитие и церковное воспитание. Без них не было бы ни меня сегодняшнего, ни дела, которым я сейчас занимаюсь. Безконечно благодарю Господа за удивительный путь, которым Он вел меня по жизни. Мог ли я когда-нибудь думать и предполагать о таких поворотах в моей судьбе, какие даровал Господь? С самого моего детства дал Он мне дивных наставников. Он подарил мне чудные события, в которых я сподобился быть участником, в которых не раз пережил радость и потрясение от встречи с удивительным. Он дал мне веру, дал разумение, дал сердечные настроения, которые человек сам по себе пережить не может.

Сегодня я приношу искреннюю благодарность моим родителям – Сергию и Софии, родным сестрам – Надежде и Марии, моей матушке Александре, сыну Димитрию, моим учителям, руководителям в разные периоды моей жизни и духовным наставникам, благодаря которым развивалось, складывалось, воплощалось мое служение и дело. И теперь я всецело приношу его Богу моему, Господу Иисусу Христу, смиренно склоняя свое сердце под Его благословение.

В то же время, взглядываясь в прожитые годы, с удивлением вспоминаю, что недоброе, недоверчивое и даже просто враждебное отношение кого-то из людей возникало около меня в те периоды, когда я всем сердцем отдавался какому-либо одному служению. Я не всегда видел это, а если и наткнулся на него, никогда не переживал его сердцем. Никогда оно не уязвляло меня. Напротив, хранило меня на моем, если можно так выразиться, хананейском месте. Свою принадлежность как бы хананейскому племени я чувствовал с самого детства. Она жила во мне, и до сих пор живет, как чувство благоговения перед всем русским. Теперь я слышу – перед всем православным и тем русским, которое церковно и овеяно святостью. Видимо, отец мой, в крещении Сергей, сам не ведая, как это получилось, вложил в мою душу это удивительное чувство, которым, оказалось, по всей своей взрослой жизни я внутренне был охранен от многих нападков и уязвлений, которые вольно или невольно возникали вокруг меня; при том, что часть из них я мог сам же своей увлеченностью и вызывать на себя. Но они растворялись в этом тихом и глубоком чувстве, так и не достав меня. Отец мой – художник-самоучка, в то же время, благодаря своим трудам и дарованиям, стал членом союза художников бывшего СССР (по тем временам это было очень большое звание). В доме хранилась большая библиотека репродукций художников, и мы с двумя моими младшими сестрами часто садились на диван и по часу и дольше листали альбомы, взглядываясь в картины в основном русских художников.

Дядя мой, Федор Семенович Сахиров, был главным режиссером драмтеатра в г.Улан-Удэ. Он настоял, чтобы меня отдали в музыкальную школу в класс скрипки. Это было для меня сущее мучение. Кое-как, со многими тайными от родителей прогулами, особенно в последний год учебы, я дотянул до четвертого класса, и затем родители сдались: школа была оставлена. Но учитель скрипки, искренний и глубоко преданный своему делу (горюю, что забыл теперь его имя), успел за эти годы вложить в меня любовь к русскому музыкальному театру и особенно к Мусоргскому и его опере «Борис Годунов». Он брал иногда меня с собой в театр оперы и балета, сажал в первый ряд партера, и я погружался в новый для меня тогда мир музыки и действия.

Остальное в моем обращении к русскому сделала школа. Уроки литературы пробуждали глубокое чувство целого и большого мира человеческой души, которая жила в творениях писателей-классиков. Возвышенность, искренняя преданность Отчизне, любовь к русскому человеку, хотя об этом специально никто не говорил, не выпячивал национального, любовь к народному обычаю и к самой художественной литературе – все это передалось мне от моих учителей и теперь на всю жизнь хранится в моей душе. С каждым годом все сильнее оживает благодарность моим учителям физики, алгебры, немецкого языка, а особенно учителю биологии, моему классному руководителю с первого по восьмой класс – Екатерине Григорьевне Катамановой. Все мои учителя были русскими женщинами, одаренными великодушным нравом, простыми, талантливыми в преподавании и ведении дела, с чертами внутреннего благородства. Образ их остался в моей душе как предмет благоговения и любви к красивой душе человека.

Эту красоту, благородную глубину, несказуемое недоявленное богатство, в своей важнейшей сути до времени всегда сокрытое в русском человеке, я слышал с самого детства, не знаю, какую глубиной своей души. Слышал это в каждом человеке, с которым встречался по жизни независимо от его возраста: были ли это дети, молодежь или взрослые. Такое же отношение у меня и сейчас есть к моим сотрудникам, студентам, духовным чадам, всем, кто приезжает на летние семейные поселения или на Августовский педсовет. Удивительно, но оно же есть и ко всем недоброжелателям. Мне всегда думается, что недоброжелательство, которое есть ко мне у некоторой части людей, – невольное, по каким-то внешним и мелким причинам и недопроявленности их души. Потому что в глубине они имеют совсем другое устройство себя, с которым еще не вполне встретились.

Чувством благоговения ко всему русскому я прожил значительную часть своей жизни в Москве. Едва попав в столицу, припал к культуре, в том числе и к мировой, собранной в столице, с жадным, искренним чувством. За время студенчества в институте и аспирантуре побывал на всех спектаклях Большого театра, часто выпрашивая и выкупая лишний билет за час до начала спектакля. Господь благоволил мне. Почти ни разу я не оставался без билета. Много бывал на симфонических и камерных концертах в Большом и Малом залах консерватории, в зале им. П.И.Чайковского. Обошел все большие художественные музеи Москвы, а потом и Санкт-Петербурга, побывал на всех именитых выставках, какие устраивались в Москве, помногу часов простаивая в очередях перед музеем. Особенно поразила и надолго осталась в душе выставка портрета, а на ней картины Рембрандта. Я с детства знал эти картины по репродукциям, но то, что увидел в подлиннике, тронуло незабываемо.

Душа, отображенная в искусстве, особенно в художественной литературе, долго и сильно забирала меня. Но чем дальше, тем больше увлекали живые отношения с людьми. Сначала это были дети одной из Московских школ, где я во время очной аспирантуры стал давать уроки биологии и химии в шестом, седьмом и восьмом классах (по образованию я – преподаватель биологии и химии, в Московском педагогическом институте им.Ленина закончил такой факультет). А затем началась работа со студенческой молодежью в молодежной школе общения.

Наконец, все вышло к родительским курсам по воспитанию детей в семье и супружеству, которые по просьбе людей я вел несколько лет. А из курсов вырос семейный клуб Москвы, куда собирались люди со всех концов города. В молодежной школе мы учились общению, насколько удавалось мне это организовать. Было около ста человек постоянного состава молодых людей. Много слушали удивительных лекций о классиках русской литературы, вникали в отдельные вопросы философии, психологии на том научном материале, которым располагали тогда, проводили многоголосия, посвященные творчеству поэтов-классиков.

Содержательной основой семейного клуба являлась педагогика и русская культура. Чтобы знакомиться с ней, мы разыскивали в Москве выдающихся фольклористов, которые в то время на фоне официального языческого фольклора были гонимы и много пострадали за верность фольклору, идущему корнями из христианской традиции. В официальных кругах министерства культуры и научной фольклористики их не любили, увольняли с работы, называли самоучками. Особенно много занималась с нами специалист по русскому фольклору Красовицкая*, своей любовью и удивительным вкусом к народным поделкам, одежам, утвари, к народным обычаям песенным, праздничным.

Она же привела к нам в третьем поколении потомственного песенника-былинщика. Ему было уже за шестьдесят. Несколько вечеров мы слушали мерные, речитативные, простые по мелодии и из куплета в куплет повторяющиеся своими музыкальными оборотами песни-былины. От семидесяти до двухсот пятидесяти четверостишных куплетов в одной песне. Порой мы изнывали от долгих, для непривычной души томительных минут и часов былинно-песенного сказа. Сейчас совсем уже не помнится их содержание, но, тем не менее, до сих пор в душе хранится поднимающееся из глубины удивление тому явлению, величественному и сильному, каким открывалась сердечному взору картина народного быта и событий, излагаемых нам в полупении-полусказе. Сам былинщик глубоко жил тем, о чем сказывал. По-видимому, это составляло основную силу его действия-жизни, которое останавливало на себе наше ленивое восприятие, удерживало душу в произвольном внимании. Теперь, зная православную церковную традицию и вспоминая эти первые свои встречи с живой душой русского народа, гонимого, но удивительного в самобытной неприятиятельности к себе, к жизни и даже к самим гонителям, я не перестаю удивляться и благоговеть перед тем достоянием, которое этот народ в себе носит. Господь так щедро одарил, одушевил и одухотворил в самой сердцевине каждого человека таким богатством, что попить его, не зная в себе, не идти к нему – действительно предательство самого себя и того великого труда Церкви, благодаря которому, собственно, и сформировалась, выпестовалась, воспиталась такая душа народа.

Потом я увидел богатство души в своих духовных наставниках, с которыми Господь, по великой Своей милости, соединил меня на долгое время и даровал близкое общение с ними. Увидел уже в той несказуемой широте христианской, церковной свободы, какую только, по-видимому, и может иметь человек в Церкви.

Два года до и несколько лет после моего крещения длилось знакомство с Генрихом Степановичем Батищевым, в крещении Иоанном. Он работал старшим научным сотрудником института философии Академии Наук СССР. Генриха Степановича считали странным, чудаковатым, но относились с уважением. Официально его труды мало признавали. При этом, каждая его статья, где-нибудь опубликованная, приводила к нему людей из ученой среды, искренне желающих разобраться в смыслах жизни. Он принимал их: кого на работе, а кого-то приглашал и домой, подолгу беседовал, раскрывая нравственные возможности человека, подводил к границам духовной жизни, открывал разумению ее реальность. Сам он держался правила греческих философов: чему учишь, то и сам исполняй в жизни. Потому и ходил всегда в самой простой одежде, без малейшего намека на моду. Питался просто, в основном размоченными или распаренными кашами (даже не варил их), сухофруктами, иногда ел рыбу, молочное. На работе его видели с двумя-тремя баночками, в которых он носил с собой растительную пищу. Незадолго до смерти (в стране началась тогда перестройка) ему была присвоена степень доктора философских наук по совокупности работ. Явление очень редкое для Академии Наук – это делалось только в случае особых научных достижений.

Через полтора года нашего знакомства Батищев стал моим крестным отцом. Я много бывал у них дома. Он всегда подолгу беседовал со мной, иногда мы вместе молились. Временами я помогал по хозяйству, по огороду, гулял с детьми. В это время мы с моей ныне матушкой Александрой очень сблизилась с его женой Натальей Батищевой. Умер Иоанн от рака. Метастазы развивались очень быстро. Были мучительные боли, но он никогда их не обнаруживал. Разве что в момент, когда его переворачивали и протирали спину, чтобы не было пролежней, он чуть стонал. Последние три недели его каждый день причащали. Умер он на руках у Валентина Гуреева (ныне иеромонах Виссарион в Донском монастыре). Я в тот день не был с ним, был занят по делам и потом очень скорбел об этом. С отцом Виссарионом мы всю ночь и последующий день читали псалтирь над умершим. Провожали его очень торжественно. В зале института философии гроб стоял полдня. Прощаться с ним пришло много людей.

Он, Иоанн Батищев, и привел меня к отцу Валериану Кречетову в храм Покрова Божией Матери, в селе Акулово, недалеко от Москвы. Батюшка крестил меня тайно – время было тогда такое. И начались восемь первых лет церковной жизни при батюшке. Мы с моей ныне матушкой Александрой ездили в Акулово раз-два в месяц, а потом стали ездить каждую неделю.

Батюшка трудился над своей паствой перед каждой исповедью и по завершении службы, всегда говорил слово и проповедь. Затем можно было подойти к нему лично, задать свои вопросы, благословиться. Редкими, но всегда счастливыми были минуты и даже часы, когда батюшка садился со мной на лавочке у церковного дома, беседовал, наставлял, или брал с собой сопроводить его до электрички. А однажды пригласил нас с матушкой домой и посвятил нам целый вечер. Угощал ужином, рассказывал много, шутил. Тогда я впервые услышал от него духовные песни. Батюшка между трапезой сам пел и играл на гитаре. Дважды я был у него на даче в Петушках.

Здесь, в личных встречах, открывалась любящая, широкая душа отца Валериана, исполненная доброты, попечения и мудрости. В то же время, в благословениях он был всегда неспешен. Бывало, выслушает и скажет: «Так, да не всё так», – скажет с растяжкой и какой-то особой силой в этом «да не всё так». Всегда подчеркивал, что человеческое и Божие – не одно и то же. И что Божие не столько словами, а каким-то иным образом постигается. Вроде бы опытом, да не вполне тем опытом, о котором мы думаем.

Во всей его большой колоритной натуре так много было отеческого, теплого, а в приучении нас к церковным обычаям всегда неторопливо-строгого и настойчиво-мудрого. Перед тем, как скажет какое-либо благословение, уйдет в глубину себя, мне думалось – к Богу, – в лице делается сугубо серьезным и озабоченным, потом, помолчав, скажет, как нужно быть или делать. Его основной метод, если так можно назвать то, что батюшка делал, заключался в том, чтобы перед исповедью в слове до внутренней зримости обнажить нам наши грехи, затем, после исповеди, ввести нас в богослужение и Причастие, после чего в проповеди по завершении службы душе, ожившей по благодати, раскрыть образ доброй жизни. «Здесь мудрость», – как бы слышался подтекст за его словами. – Здесь Божье. И это надо чувствовать. Живи Богу, и откроется тебе. Только не сразу. Помни: так, да не всё так, как ты думаешь». И этим «да не всё так, как ты думаешь» – ставил вдруг преграду любому поспешению, удерживал, обычно не торопился соглашаться с тобой, не торопился благословлять. А то еще в личной беседе что-нибудь ироническое скажет, так и совсем озадачит. Не знаешь: поступать-не поступать, делать-не делать, и как делать?

Так приводил батюшка мою рациональную и самонадеянную натуру в некоторую осмотрительность и воздержание. Правда, я, будучи деятельно-инициативным, не мог долго оставаться озадаченным, скоро приходил в движение и, найдя какое-либо решение, шел по жизни. Лишь спустя какое-то время приходил и рассказывал батюшке о своих делах. Тогда это были больше дела, чем попечение о своей душе. Ею особо заниматься было некогда. А дела возникали, в основном, организационные и педагогические.

Только первые месяц-два сразу после крещения было со мною нечто для меня совсем необычное. Я приходил в храм у метро «Рижская» или в храм иконы Божией Матери «Нечаянная радость», что на Марьиной Роще, полслужбы стоял на коленях и неудержимо плакал. Однажды какая-то женщина возмутилась за моей спиной, что стою на коленях в неположенное по ходу богослужения время, и сделала шаг, чтобы поднять меня. Другая тут же перехватила ее: «Не трогай, пусть стоит». Как я был благодарен ей, что защитила меня! Я ведь не мог, всем строем своей души и настроения, не мог тогда подняться с колен. Мне так было правдивее стоять.

Где-то, начиная, примерно, с третьего года после крещения, я стал ездить в период отпуска в Псково-Печорский монастырь. Три года подряд весь август проводил с пяти утра и до пяти вечера в просфорной монастыря. Ею заведовал тогда игумен Иероним, ныне наместник монастыря в Алатыре. По окончании трудов долгого дня мы с сыном шли на вечернюю службу. И так каждый день. В дни воскресные и праздничные были на литургии и причащались. Псково-Печерский монастырь на всю жизнь привил мне любовь к двум праздникам: Преображению Господнему и,

особенно, к Успению Божией Матери. Нигде я не переживал и не чувствовал такую полноту, красоту праздника, как это было в псковских Печорах.

Здесь начались мои удивительные встречи со старцем – батюшкой Иоанном Крестьянкиным. В первый же день он принял меня, порасспросил, наставил и благословил трудиться и быть на службах в монастыре. С этого времени три года подряд в августе продолжались постоянные встречи с батюшкой. Два, иногда три раза в неделю я подходил к нему со своими заботами. Несколько раз он сам подзывал меня к себе. То утром до обеденной трапезы, в нижней его приемной, то сразу после обеда, (постоянные паломники-трудящиеся и монастырская братия тогда вкушали вместе в одной трапезной). Он звал меня с собой и в коридоре, не доходя до кельи, сажал на лавку. Брал меня мягкими руками чуть выше локтя или, бывало, просто обнимет с особенной отеческой заботой и начинает говорить, склонившись ко мне и касаясь губами прямо моего уха. Я совсем не помню слов, которые батюшка говорил мне. Они что-то тогда (это было двадцать лет назад) значили для меня. Но много больше значило его сердечное, непередаваемо ласковое и теплое обращение со мною. Он окутывал своею любовью и по двадцать-сорок минут удерживал при себе. Только сейчас, столько времени спустя, это благословение любви начинает проникать в мою остекленелую в самонадеянии душу, растопляя наст привычного жестокосердия и нечувствия. Сейчас, когда душа высвобождается из греховных покровов, я начинаю слышать, что было тогда в церковном измерении это общение отца Иоанна со мною. Только сейчас я слышу, как все эти двадцать с лишним лет его благословение сердечного участия открывало и открывает во мне и мне, что есть душа человеческая в ее силах.

Теперь вижу, что в Боге благословения, во времени совершаясь, не временем измеряются. Это столь обильное участие отца Иоанна тогда во мне было не что иное, как труд его любви над своим окаменелым чадом. Откуда мне было знать, что любовь его невидимо для меня по особому, только ей, любви и благодати, ведомому действию, будет следовать со мною по жизни, совершая в моей душе труд ее перерождения? Только теперь, вслушиваясь в сердечную благодарность батюшке, начинаю разуметь силу единения любви, которая совершается в Церкви и делает ее и нас в ней друг с другом едиными и через духовных наставников наших и от них святыми, т.е. участниками их святости или, что то же – жертвенной одухотворенной любви их к нам. Так свойства Церкви – единая, святая – начинают оживать в невольных откровениях церковной жизни.

У него же, отца Иоанна, я два раза, из года в год, спрашивал, как мне быть с моими лекциями и педагогическими занятиями с родителями – один священник в Москве стал не благословлять людей ходить ко мне. При том благоговении, какое было тогда у меня к этому священнику, его настороженное и даже отвергающее отношение ко мне сильно меня смущало. Оно колебало самое основание моего служения – желание угождать Господу, к Нему приводить людей, и самому быть с Ним. Тогда ни я, ни этот священник лично друг друга не знали, только слышали друг о друге от людей.

Это было двадцать лет назад. Я был на четвертом и пятом годах своего воцерковления. Тогда нельзя было открыто говорить о Боге и о Церкви. Я же в своей начальной ревности обещался Богу

помогать людям в их вхождении в Церковь, и это при том, что сам был совсем младенцем и переживал первые шаги церковной жизни. Но кто из нас в этом духовном возрасте не имел ревностного желания подарить близким своим то, чем вдруг сам ожил и что для себя открыл? У меня же мои педагогические стремления соединились с желанием – содействовать воцерковлению тех, кто по какой-либо причине были в это время рядом со мною.

Отсюда все занятия с родителями о детях и о супружестве стали иметь неявный характер приглашения или предцерковной катехизации. В то время я не мог говорить о Боге открыто, но нужно было, чтобы люди поначалу научились оборачиваться на себя, прислушиваться к своей совести и к своему нравственному чувству. И это все прежде, чем они начнут разбираться со своими детьми, мужьями и женами. Оказалось, что на практике так делать очень трудно. Легче сразу накинуться на ребенка, сразу выйти с претензиями к жене или мужу. И совсем не просто взглянуть на себя и разобраться с собою. Курс занятий по педагогике, который я читал, будучи педагогом-организатором одного из микрорайонов города Москвы, а потом руководителем Московского семейного клуба, был так выстроен, чтобы такой труд все занимающиеся родители научились делать.

Встреча с собой приводила к таким внутренним препятствиям, с которыми управиться самостоятельно было нельзя. Люди на втором году занятий обращались ко мне с мучительным вопросом: «Что делать дальше?» Ответ был один: «Идите к Богу, в Церковь». Я говорил это «страха ради иудейска» в приватной беседе, один на один. Чаще всего услышать от меня о Боге было для людей потрясением. Несколько дней они перебалывали это открытие – куда они попали – а потом все же шли по указанному адресу – в храм.

Как было сказано раньше, содержание тех занятий, двадцатилетней давности, собралось в двух моих книгах, вышедших четыре года назад – «Обрести себя» и «Психопатический круг в семье». Книги эти игумен Евмений, настоял выпустить в том виде, в каком они произносились в то время. К его словам, приведенным ранее, добавлю следующее. Он убедил меня, что язык, содержание и сам подход к устройению занятий не потеряли свою силу. Что важным достоинством книг является ясная узнаваемость событий внутренней жизни, умонастроений и переживаний. Что человек через одно только это уже учится вглядываться в свой душевный мир, испытывать себя. Что нужен такой взгляд на себя не только людям неверующим, открытым к такой работе над собой, но что есть немало верующих, которых призывающая благодать позвала и привела в церковь, а умения слышать, разуметь себя многие из них не обрели. Правда, ни он, ни я не учли, что есть в Церкви люди, которым трудно это делать, и есть такие, кто на дух не приемлет действий самоукорения и разумения себя и потому будет сильно возбраняться на книги. Такие люди не будут разбираться в их содержании, тем более не поймут, не услышат, какой внутренний труд задают книги искренне читающему, просмотрят их по диагонали, чтобы убедиться в верности ругательных слухов и останутся при наперед уже сложившемся у них мнении.

Уже учитывая это, во втором издании я усилил сугубо церковное содержание. Это мало что изменило. По-прежнему существенное назначение книг продолжает находиться не в содержании,

а в труде над собой, без которого не может быть внутреннего воцерковления. Книги вышли и действительно выполняют свою службу людям. Я вижу это по многим откликам, по письмам, которые ежедневно приходят, и по тому, каким спросом сами книги пользуются. А в то, двадцатилетней давности трудное для верующих время содержание их звучало в виде лекций и занятий по педагогике без упоминаний о Боге. Получив к окончанию занятий рекомендацию идти в Церковь люди шли по указанному мною адресу.

Их нужно было после занятий передавать в церковное окормление, а не просто отправить «куда-нибудь» в церковь. Поэтому я с честной заботой о людях и искренним доверием к священнику, о ком, хотя и понаслышке, знал, как об умеющем говорить с интеллигенцией, направлял к нему. Я слышал тогда о нем много доброго и сердцем принимал все известия о нем. Увы, через некоторое время люди возвращались ко мне в смущении – батюшка не рекомендует им заниматься далее на родительских курсах или в семейном клубе. Редко кто после такой рекомендации уходил с занятий. Многие продолжали ходить на них и одновременно все больше стали бывать в храме на богослужениях и в таинствах. Меня же эти известия о словах священника вводили в сильнейшее колебание. Я не знал их причину. Никто из моих слушателей ничего толком мне не мог сказать. Сам я не понимал, почему батюшка может быть против.

Уже несколько лет спустя, когда я вслед за моими слушателями, начал приходить в его второй храм он как-то прямо мне сказал: «Брось ты все. Ерундой занимаешься». Услышать это при том доверии, которое сложилось у меня к нему, как к священнику, было совсем не просто. Слова эти колебали меня в самой глубине моей ревности – Богу ли я служу? Если нет, я готов был немедленно оставить все занятия с людьми и детьми, быть на той работе, какую тогда выполнял – учителя биологии и химии или заместителя директора школы по воспитательной работе, не выходя за рамки школьной программы и тихо занимаясь при этом собственным воцерковлением. Если бы не мои духовники, я бы так и сделал. Но никто из них, кого я спрашивал тогда, не благословил меня оставлять занятия. Напротив, благословляли и даже строго благословляли продолжать.

В то далекое время в Москве только-только начинались различные мистические кружки оккультного и околооккультного содержания. Группы Перепелицина, последователей Айванхова, Рерихов (Агни-йоги), Вивекананды, кришнаитов, женщины, которая ладонями и седальным местом различала цвета. Видимо, в глазах священника, о котором идет речь, в их разряд невольно попадал и я. В том, что он поставил меня в один ряд с оккультистами, я теперь вижу, что, отчасти, сам и виноват. Мне нужно было тогда еще прийти к нему, рассказать о себе, побеседовать с ним. Но у меня был свой духовник, и идти еще к кому-то не виделось нужды. А людей я посылал к этому священнику потому, что надо было в Москве посылать к кому-то, умеющему обращаться с людьми.

Увы, моя якобы принадлежность к оккультистам осталась в представлениях этого священника, и, как теперь выяснилось, устойчиво сохраняется и до сегодняшнего дня. Два года назад в одной аудитории он сильно ругался на книгу «Психопатический круг в семье», делал это с каким-то

жестоким язвительным удовольствием. «Это новая книжка, – сказал он, беря в руки книгу. – Я ее не читал никогда. Судя по названию – это выдумка или продукт самого отца Анатолия. В силу того, что отец Анатолий не прошел ни школы аскетической под руководством какого-либо опытного пастыря, хотя, как пчелка от многих брал то, что ему подходит, а также богословской школы, хотя бы семинарии, поэтому, естественно, сами понимаете...

Сам педагогический метод похож на строительство, которое ведут все рационалистические, мистические, тоталитарные секты, поэтому профессор А.Л.Дворкин, который передо мной говорил об отце Анатолии, как специалист, углядев это, заметил, на что это похоже. В народе говорят: не принимать на дух. Эта книжка слишком толста, чтобы ее разбирать. Но я готов, хоть сейчас, открыть на любом месте, на любом, – повторил он. – Вот, открылась на странице 189. Попробую найти текст, который меня не устраивает...».

С минуту батюшка вчитывался в страницу, потом воскликнул: «Нет, к сожалению, не удачно». Зал дружно рассмеялся. Дальше батюшка не рискнул повторять эксперимент, тем более, что рядом в президиуме сидел и сам автор книги. Повторив общими словами то, что уже было сказано, он взял другую записку, пришедшую из зала, и стал отвечать на нее. Как-то уяснить свою позицию с живым автором, который находился здесь же, он не посчитал нужным. Видимо, считал, что ему давно уже все ясно. После собрания я попросил священника принять меня на беседу и объяснить причину его, для меня совсем неожиданного нападения. Он назначил время. Я пришел к нему в храм. Полтора часа просидел в ожидании, когда он освободится. Наконец, он пригласил меня. Десять минут длилась наша встреча. Он открыл книгу на странице о совести, еще раз предупредил: «Книгу саму я не читал. Сам понимаешь – слишком толстая. Но вот смотри, что ты пишешь». Зачитал две строчки. «Ерунда какая». Дальше рассказал, что только что проводил занятия со студентами, как раз о совести. О том, что она законодатель, судия и мздовоздаятель. Он так энергично и уверенно вел беседу, что мне что-либо говорить ему в ответ было просто невозможно. «Словом, от книжки откажись», – после этого он встал. Десять минут кончились. И мы расстались. Это была самая долгая наша с ним встреча. За все прежние годы мне два или три раза удавалось иметь трехминутное общение с ним. Большим временем он никогда не располагал.

На Рождественских чтениях 2003 года, на которых прозвучал доклад митрополита Германа о волгоградских православных школах, двумя днями позже на секции по сектоведению профессор Дворкин А.Л. в ответах на вопросы назвал мой педагогический опыт оккультной сектой. В перерыве его спросили, на основании каких материалов он так говорит. Он признался, что с моим опытом и лично со мной не знаком, книг моих тоже не читал. Он знает мнение того священника, о котором речь шла выше, и вполне ему доверяет. Из этого и говорит. Круг замкнулся. Мне пришлось сделать заключение, что, видимо, профессора Дворкина А.Л. не было в зале, когда митрополит Герман говорил свои слова. Или, может быть слова Владыки, который десять лет знает меня очень близко, не вполне для него убедительны?

Вскоре после этого пришло письмо от одного московского священника, хорошо знающего А.Л. Дворкина. «Будь с ним осторожен, – писал он. – Этот человек может устроить какую угодно истерику. Ему не нужны ни ты, ни чада твои, ни те, кто будет читать твои книги. Он любит процесс. Книгу твою, если и будет читать, то выберет из нее только то, что будет нужно ему для процесса. Не жди, он не сможет применить ее для себя. Люди его склада поддержат его. Я молю Бога, чтобы все это посрамилось у них. Но может быть, Богу угодно, чтобы у тебя были скорби».

«Воставше на мя свидетеле неправеднии, яже не ведех, вопрошаху мя. Аз же ближнему, яко брату нашему, тако угождах: яко плача и сетуя, тако смиряхся. Да не возрадуются о мне враждующии неправедно, ненавидящии мя туне. Суди ми, Господи, по правде Твоей, Господи Боже мой, и да не возрадуются о мне. Да не рекут в сердцах своих: пожрохом его. Да постыдятся и посрамятся вкупе радующиися злом моим. Да возрадуются и возвеселятся хотящии правды моея: и да рекут выну, да возвеличится Господь, хотящии мира рабу Его. И язык мой поучится правде Твоей, весь день хвале Твоей» (Пс.34:11, 14, 19, 24-28).

Тогда, двадцать лет назад, когда я проводил свои занятия по педагогике, ни о чем оккультном я не мог помышлять. Будучи выпускником московского пединститута, много лет проработав в школе и микрорайоне, я имел вполне конкретную и жизненно простую задачу донести до родителей, что многое, что происходит с их детьми, зависит от них и от того, в какой мере у них сложатся отношения с Богом.

Мне нужно было сказать людям, что помимо видимого и осязательного мира, где нам открываются различные механизмы отношений родителей с детьми, есть мир невидимый, и что духовность вовсе не в классическом искусстве и литературе заключается, а присутствует в той живой реальности в нашей жизни, к которой атеистическим сознанием прикоснуться нельзя.

Бывало, на занятия приходили люди из названных выше мистических групп. Через какое-то время они звали меня в эти группы, чтобы я, побывав в том лично, мог потом сказать им, ходить ли в них дальше. Мне самому тогда было любопытно увидеть, что это такое. На одно-два занятия каждой из групп я ходил. Занятия кришнаитов посетил около пяти раз. Не просто было разобраться в содержании этого сложного учения настолько, чтобы увлеченным им людям донести слова о его противности духовной правде. Говорить прямо о Церкви я тогда не мог. Да и сами люди были в том сознании, в котором слушать что-либо о церковном большинство из них просто бы не стало. К церковному их нужно было подвести. Нужно было вникнуть в содержание и действия, которые происходили в этих группах, и дать им оценку, такую, чтобы люди, спрашивающие меня, сердцем приняли бы ее и действительно отошли от посещения тех групп.

От всей души я просил Господа помочь мне в этом служении. И Господь помогал. Давалось нравственное чувство, чтобы различить доброе от злого, находились слова, чтобы выразить это и донести до людей. Я много тогда выступал в больших залах в разных городах, куда меня

приглашали. И люди слушали, принимали мои слова, узнавали себя и свое в них и шли к тому, чтобы разбираться не в новоявленных учениях, а в себе самих, встретиться с самими собою. А через то подойти к Богу. На эту встречу с собою тогда уходило два года специально выстроенных занятий. Это был выход, выход реальный и правдивый.

Я не стал и не мог противопоставлять всем разнохарактерным мистическим и полумистическим группам какое-нибудь противоположное содержание или учение. Не сопоставлением учений я предложил заниматься. На занятиях люди, как из этих групп, так и большинство, вообще не касавшиеся ничего мистического, начали знакомиться с самими собою. Всмотриваться в свои поступки, чувства, вслушиваться в их причины. И делать это не в виде отвлеченных занятий, а испытывая и распознавая события собственной жизни, реальных отношений со своими детьми, с мужьями и женами. Было предложено и строго спрашивалось ведение дневника, из занятия в занятие задавались родительские, супружеские правила и правила общения. Результаты выполнения правил и ведения дневника люди рассказывали друг другу, уточняли нюансы, помогали справиться с затруднениями и преодолеть самих себя. Нравственный труд был очень напряженным. Но в каждом очередном занятии он давал видимые результаты. Потому и держались люди за эти уроки. После первых четырех встреч, когда окончательно устанавливался состав занимающихся, дальше, в течение двух лет почти не было отсева.

Опыт показал, что такой педагогический подход в устройении предогласительных занятий оправдан жизнью. Характерно, что и книги, которые несут в себе содержание этих занятий («Обрести себя» и «Психопатический круг в семье»), сохраняют эту силу обращения человека к собственной жизни в семье. Человек, читая книгу, узнает в ней себя, свою семью, характер и механизмы складывающихся отношений, открывает возможность нравственной глубины и нравственной правды, которыми может жить он сам и его близкие. Начинает слышать в себе возможность нравственных поступков, одновременно натывается на внутренние препятствия греховных покровов сердца, страстей и уз духа, которые мешают ему жить по-доброму, осязает свою беспомощность перед ними и, движимый совестью и верою, поворачивается к Богу. Поворачивается не столько сознанием, начитанным в христианском знании, сколько внутренним чувством, потребностью совести и веры. Правда, оставаясь в первой степени веры, он далеко не свободен от самолюбия. Через то может и заунывать, прочитав о себе узнаваемую им правду, может и загордиться, освободившись от каких-нибудь комплексов и зажимов, может впасть в тщеславие, рассказывая другим, что о себе узнал. Преодоление всего этого – это уже дело его церковной жизни.

Двадцать лет назад на мои тревожные вопросы, продолжать ли свои занятия с родителями, отец Иоанн Крестьянкин оба раза отвечал почти одно и то же: «Бог с тобой. Не смущайся. Проводи занятия. Кто же будет проводить, если ты откажешься?» В подкрепление он оба раза благословлял меня большой просфорой, один раз Богородичной, другой раз девятичинной. Такое благословение любвеобильного старца раз и навсегда отрезало от меня все мучавшие меня сомнения и смущения по поводу моих занятий. С глубоким благоговением я раздроблял эти просфоры на частицы и вкушал их со святой водой только в то утро, когда нужно было идти к

людям. Благословением отца Иоанна я укреплялся всякий раз на чтение лекций и проведение занятий. Сейчас эти лекции вышли в виде книг «Обрести себя» и «Психопатический круг в семье».

В третий год поездок в монастырь мой очередной август подходил к концу, когда батюшка, выйдя после службы из алтаря и проходя мимо, остановился возле меня. В руках у него были два округлых медальона с оттиском. На одном –преподобный Сергей Радонежский, на другом – преподобный Серафим Саровский. Благословив, он вложил эти медальоны-иконочки мне в руку, сказал еще какие-то теплые слова и пошел дальше, окружаемый народом.

Иконочки были столь дороги для меня, что я в тот же день повесил их на веревочке рядом с нательным крестиком на груди и так до сих пор, вот уже двадцать с лишним лет, ношу на себе, не снимая. Через три года после этого я оказался в Троице-Сергиевой Лавре, а еще через два с половиной года были обретены мощи преподобного Серафима Саровского, и я, вслед за его мощами, шел и ехал крестным ходом из Москвы в Дивеево. С тех пор каждый год милостью Божией бываю первого августа на торжествах его памяти вместе со своим училищем, всегда прибегая к заступничеству и помощи обоих преподобных. Таким оказалось благословение отца Иоанна.

Прошел год. Не помню, как сложились обстоятельства, но я, вместо Псково-Печерского монастыря, в свой августовский отпуск поехал в Каменный Конец, где живет протоиерей Василий Швец (такую присказку о себе он говорил нам сам). С этого времени и поныне продолжается общение с этим батюшкой-подвижником. Он не берется руководить кем-либо или вести в духовной жизни. Он просто живет сам, всего себя отдавая Богу. Живет преданно, не оглядываясь по сторонам, не глядя, поспеваешь ты за ним или нет. Но если поспеваешь, так будь добр быть так, как подобает быть. Потому и сделает выговор, порой так строго, что надолго забудешь свою худую привычку, за которую тебе попало от него; не пропустит твоей вольности, сделает замечание ненароком или прямо в лицо; что-то поправит или в чем-либо покажет сам, как что делать.

Помню, показывал нам, как делаются земные поклоны, потом тщательно показывал, как наносить на себя крестное знамение, или, бывало, учил, как петь стихиру, тропарь. Покажет и забудет про то, идет дальше по жизни. А ты только успевай подхватывать. Оборачиваться и смотреть, взял ты или не взял, не будет. Дело твое. Но если наткнется на тебя опять неумеющего, можешь схлопотать крепкий выговор. Может и рассердиться. Умягчать свое отношение или искать к тебе подходы не будет. Или скажет, как есть, и как сам в тот момент настроен, или оставит, как бы не заметив. Потом, спустя много времени нагонит тебя. И, похоже, что опять не специально, не выжидая, когда тебе сказать. Просто опять наткнулся на твою худобу, и было настроение или расположение поправить тебя или расправиться с худобой.

В семь утра батюшка уже стучал к нам в окно, поднимая приехавших к нему паломников. Через пятнадцать минут начиналась утренняя молитва. Затем канон, псалтирь, акафист. Около десяти мы выходили из храма. Завтрак, труды, обед, снова труды. Вечером три-четыре раза в неделю было вечернее богослужение. Оно начиналось в восемь вечера, иногда раньше. Заканчивалось в двенадцать ночи, затем всегда была проповедь батюшки, длившаяся редко час, чаще полтора и два часа, так что к постели мы приползали уже в третьем часу ночи. Иногда вечером служили только вечерню, каноны, псалтирь, акафист, молитвы на сон, что занимало два-три часа. Утром с семи часов служились подряд утреннее правило, утренняя, канон, псалтирь, часы, литургия, вновь молитвы, проповедь – и в четыре-пять вечера мы выходили из храма.

На таких продолжительных службах я был впервые. Помню, томился, изнемогал на них. Становился на колени на деревянном круглом коврикe ручного вязания, а то и совсем калачиком ложился на него. Однажды, когда утомленный, я склонился до полу, стоя на коленях, положил голову на ладони и так полудремал, полуучаствовал в богослужении, я услышал голос батюшки с амвона: «Что ты там лежишь? На коленях стоят, а не лежат». И еще что-то выговорил мне. Легло это в меня на всю жизнь. Из храма уже к вечеру я выходил, словно омытый и освеженный весь внутри. Даже усталость телесная сокрывалась вглубь душевной радости, дивной свободы и ясности духа. Мы шли не то обедать, не то ужинать. Легкой была пища. Простая еда: суп, каши двух-трех видов, соленья, чай, варенье, хлеб. Елось хорошо, но не передалось. Так внутри было, что в охотку, свободно и вкусно кушалось, но в ту естественную меру, которая исполнялась чувством самой этой внутренней свободы. Так теперь бывает Великим постом после долгих будничных богослужений. Тогда для меня это было внове, и было чудно.

Два лета подряд я ездил к отцу Василию. А теперь, когда он приезжает в Волгоград, а это случается каждый год, бывает у нас в училище. Целый вечер за трапезой говорит, рассказывает, читает стихи, поет. А ведь ему уже за девяносто. Но и сейчас остается еще сила в его руках. Помню, тогда, в Каменном Конце, он рассказывал, как в молодости выступал в цирке и играл на арене пудовыми гирями. Для наглядности он взял мою руку выше локтя. Просто взял. Но от этого «просто» я подпрыгнул вверх – словно железные тиски неумолимо сжали мою руку, такая жесткая сила была в его ладони.

Отцу Василию я рассказывал о своих занятиях и лекциях. Он искренне приветствовал их и благословлял трудиться. «Только от совести и веры не отступай», – говорил он.

Тем временем прошло восемь лет моего с матушкой и сыном пребывания в руководстве у отца Валериана Кречетова. Я уже не раз ездил в Троице-Сергиеву Лавру на богослужения. Не помню, как получилось, но однажды я запросился у отца Валериана перейти под окормление к старцу Науму, архимандриту Лавры. Отец Валериан с улыбкой ответил: «Конечно, там – соловьи. Где уж нам, ослам». И отпустил с миром.

С этого времени началась моя школа послушания. Отец Валериан Кречетов всем характером своего служения учил разумению себя, заповедей Божиих и следованию им. Отец Иоанн Крестьянкин учил любви, душевной щедрости и с обильной теплотой влагал все это в самую глубь души. Отец Василий Швец учил следовать за собой и в ревности Богу крепко держаться его примера, не отставая и владея собой. Отец Наум учил послушанию. Большой школы я не знал в своей жизни. Я стал ездить к отцу Науму из Москвы в Лавру каждую субботу.

Народу было у него всегда много. Не было только очереди. Люди сидели или стояли вдоль стен перед его комнатой для приема, стояли и на улице. Молча ждали. Не было разговоров. Благоговейная тишина висела в воздухе. Батюшка выходил из своей комнатки, и сам подходил к кому-либо из стоящих. Иногда сразу шел на улицу. Принимал там стоящих людей. Возвращался в помещение, подходил к стоящим здесь: «Что у тебя?» – исповедывал, слушал, расспрашивал, благословлял. Люди не стеснялись говорить. Я на себе испытал – когда подходит батюшка, забываешь об окружающих, остаешься один на один с ним. И легко и просто. Долго он не будет с тобою. Вот уже накрывает епитрахилью, разрешает грехи и благословляет. Бежишь домой, как на крыльях.

Только вот никогда не знаешь, в какое время это произойдет. Придешь, бывало, к девяти, а то и к восьми утра, думаешь, что к одиннадцати уже будешь свободен. Но вот уже двенадцать, уже и обед, и батюшка ушел в трапезную, а ты все ждешь. Все в тебе перекипит, переволнуется. И только когда утихнешь, совсем смиришься, он вдруг подойдет к тебе – светлый, добрый: «Ну, что у тебя?» Бывало, что некоторые из людей, приехав издалека, дней пять подряд простаивали с утра до вечера, а батюшка не принимал их. Уж они и недоумевали, и роптали, и томились, и ругались. Пока совсем не придут к тишине и молитве, так и стоят вдоль стен. Кто-то не дожидался, уходил. Но таких мало было. Из новичков.

В первые дни и я через все это прошел. Удивительно, что, когда спустя полгода я уже мог входить в келейку батюшки с задней двери, и тогда испытание послушания время от времени восстанавливало меня в благоговейное смирение. Зайду, бывало, к нему, а он не обращает на меня никакого внимания. В комнату, где больше двух человек свободно уже не помещалось, он впустит к себе одного, другого, третьего. Потом поднимется и сам пройдет мимо меня в коридор, на улицу. Час и два может его не быть. Потом придет и, как ни в чем не бывало, по-доброму скажет: «Ну, говори». Наставит, благословит, и опять бежишь домой или на службу, словно на крыльях.

Однажды, в начале сентября, я, по обыкновению, приехав, с заднего входа вошел к нему в комнатку. Там стояла какая-то женщина. Батюшка, благословив, спрашивает меня: «Ты печки умеешь класть?» Отвечаю: «Нет, батюшка, никогда не клал». – «Это просто», – говорит он и начинает объяснять, руками показывая в воздухе, как кирпич к кирпичу класть, как сделать дымоходы, перегородки в них. «Вот, – говорит, – Вера, – и кивает на женщину, – ей надо печку переложить. Поезжай с ней. Переложить». Поднялся, благословил и позвал к себе нового человека. Мы с Верой вышли. Я в растерянности говорю ей: «Где бы мне позвонить жене, сказать,

что задержусь?» А она вдруг спрашивает строго: «А батюшка благословил?» – «Нет» – «Ну, так поехали». – «Куда?» – «К нам. Печку класть». – «Но предупредить ведь надо!..» – «Если бы было надо, батюшка бы благословил». Я вернулся обратно в комнату батюшки, прошу его благословить позвонить домой. А он словно не слышит меня. Я повторил просьбу. Никакого внимания. Потом он отпустил человека, с которым был занят. Поднялся и мимо меня вышел, как будто меня и нет. Я вернулся к Вере. «Ну что?» – спрашивает. – «Ничего не говорит». – «Значит, нет благословения, – потом, помолчав, спросила – Ну, так что, едешь?» Я вздохнул. Деваться было некуда. Я поехал к ней перекладывать печку.

Она жила в Струнино с мамой и со своей старшей сестрой. На следующий день, весь в беспокойстве за мою Александру, я приехал к батюшке с тем же вопросом и просьбой благословить меня позвонить в Москву, домой. Результат был тот же. Словно не было ни моего вопроса, ни меня самого. Простояв около часа, я вернулся в Струнино. Переступить через обстоятельство и своевольно позвонить домой мне даже в голову не приходило. Столь живо было благоговение перед благословением. Потом еще две-три субботы подряд я, приезжая на исповедь и на богослужение, пытался спроситься позвонить своей Александре. Но всякий раз, беседуя со мною обо всем другом, батюшка становился как бы неслышащим, едва я заговаривал о звонке. Так прошло два с лишним месяца.

Однажды, уже в начале ноября, я, как обычно, пришел к батюшке на исповедь и к благословению. Он повернулся ко мне и с теплой заботой сказал: «Поезжай домой. Там волнуются». – «А Веру предупредить?» – «Поезжай», – и благословил. Оказалось, дома действительно волновались. Только не моя Александра, а родители. Мама уже несколько раз звонила из Улан-Удэ в Москву, по ответам, которые получала, заподозрила что-то неладное и угрожала подать во всесоюзный розыск, если не услышит моего голоса или не получит адрес моего пребывания. Александра моя уже не знала, что ей отвечать. Я тут же позвонил в Улан-Удэ, сказался, что был в срочной командировке. Родители успокоились.

Спросил Александру, как она пережила это время. Первые дня три волновалась, не знала, что и думать. Потом как-то разом успокоилась. В голову пришла мысль, что, наверное, меня благословили в монахи, и я теперь в монастыре. Несколько раз она ездила в Лавру на службы, и все разглядывала меня среди монастырской братии. Удивительно: я в это самое время всегда был в этом же храме на своем обычном месте на мужской половине среди мирян, подходил на помазание, но мы ни разу не встретились. А ведь и я пытался разглядеть ее среди людей.

Через день я поехал к батюшке, услышал благословение теперь жить опять в Москве, а к Вере съездить и сказать ей об этом. За эти два месяца жизни у Веры нашелся печник, и мы вместе с ним начали перекладывать печку. Интересно, что где-то через три недели моего пребывания у Веры батюшка благословил съездить в Москву за книгой, в которой описывается устройство печек. Назвал, в какой зайти магазин, какие две книги взять и даже сказал, на какой полке я найду ту и другую. Я спросил его, так, на всякий случай: «Можно ли Александре позвонить?» Батюшка «не

услышал» вопроса. Так я и не звонил. Нашел книги там, где сказал о них батюшка, и вернулся в Струнино.

Через неделю после всех этих событий отец Наум благословил съездить в Сусанино, что под Санкт-Петербургом, к блаженной Любушке. «Поезжай с ним, – повернулся он к сестре, стоявшей здесь же, в его комнатке, – покажи ему». Сестра, ныне игуменья Ксения женского монастыря в Голутвино, повезла меня в Сусанино. Потом с матушкой Ксенией мы не раз еще встречались. Она тогда готовилась к монашеству. Думала ли она об игуменстве? Вряд ли. Я ни разу от нее этого не слышал. Да и невозможно было услышать. Она больше была в чувстве своего недостойнства и одновременно в удивительной полусокрытой веселости, которая вдруг прояснялась из нее на какой-то момент в шутке, тоне, движении глаз и тут же пряталась опять в молитвенном спокойствии лица. В ней скрывалась потаенная жизненность, которая потом в монашеству и в ее игуменстве раскрылась с особенной силой, освятилась веселостью и любовью к сестрам монастыря, дала ей неутомимость, бодрость и одновременную молитвенную углубленность с Богом, ясность живого присутствия Его благодати с нею. О Голутвинском монастыре она, по моему, тогда не знала. Дважды мы были с нею в Хотьковском монастыре. Молились у могил родителей преподобного Сергия Радонежского, преподобных Кирилла и Марии, об открытии монастыря в Хотьково. Но это было потом.

Теперь же она везла меня в Сусанино. Любушки дома не было. Лукия Ивановна, которая смотрела за Любушкой, в Сусанино ее звали Людмила Ивановна, посоветовала пойти к храму: «Там она обычно стоит». Действительно, мы нашли Любушку возле стены закрытого храма. В сереньком, давно выцветшем пальто она стояла, подняв на уровень груди ладонь левой руки, и пальцем правой водила по ней как по строчкам книги, чуть слышно лопоча молитвы.

Мать Ксения тихо сказала ей о нас, о благословении отца Наума. Любушка ничем не откликнулась. Только минут через десять она повернулась, вышла мимо нас за ограду храма и остановилась, как бы кого поджидая. «Это она велит идти в дом, – сказала мать Ксения. – Пойдем. Она придет». И правда, минут через двадцать после нашего возвращения к Лукии Ивановне пришла домой и Любушка. Лукия Ивановна уже накрыла стол и угощала нас обедом: «Ничего, кушайте. Потом подойдете к ней». Любушка все это время стояла у окна и водила пальцем по ладонке. Мать Ксения подошла к ней первая. Потом подошел я. Задал свои вопросы. Что мне делать, где мне быть.

За четыре месяца до этого я был уволен с работы по статье. Скандал разразился, когда открылось, что я верующий, и что через личные беседы со мной, которые происходили после занятий, люди идут в храм и начинают воцерковляться. Я был тогда педагогом микрорайона, а по общественной линии – председателем совета педагогов-организаторов города Москвы и членом районного аналогичного совета в Кировском районе. Должности были немалые, и скандал намечался большой. Ради того, чтобы властям сильно не конфузиться, его замяли. Мне предложили уйти побыстрее и без шума. После этого в течение нескольких месяцев, куда бы я ни пытался пойти на работу, везде был отказ. Сначала с радостью согласятся, а через три дня откажут.

Любушка на мое беспокойство сказала, что все устроится, а когда мать Ксения начала собираться в обратную дорогу, передала через Лукию Ивановну, что мне нужно остаться. Мать Ксения уехала, а я остался. И прожил у Лукии Ивановны еще семь дней.

Это было неожиданное и удивительное для меня время. Простая изба. Четыре стены, печка, да от нее деревянная перегородка, в одну доску, не достигавшая потолка сантиметров на пятьдесят. За ней располагалась Любушка, и там же недалеко от нее ночевала Лукия Ивановна. Мне стелили в оставшейся большей части избы.

Любушка часто плакала за своей загородкой. Иногда очень горько, неутешно. Я спрашивал Лукию Ивановну, почему она так плачет. «Это она о своих чадах духовных. Есть у нее такие. Они сейчас грешат сильно. Она это видит отсюда и плачет по ним. Молится и плачет за них. А они не слушаются. Если бы она не плакала, с ними бы беда случилась. А так ничего, обходится».

Каждый день приходили, приезжали со всех концов страны люди. Миряне, матушки, священники. По двое, трое, иногда вчетвером. Бывало, в день две-три группы или пары придут. Лукия Ивановна, посадив гостей, тут же начинала хлопотать о трапезе. Удивительно, она каждым новым гостям готовила суп и второе заново. Делала она это очень быстро, легко. При этом постоянно занималась гостями. Безпокоилась, как добрались, удобно ли сидят, да чтобы перед обратной дорогой отдохнули, предлагала помыть руки, чуть-чуть расспрашивала, потом объясняла, как с Любушкой обращаться, потом кормила. В это время (или после еды) Любушка выходила к прибывшим (или появлялась с улицы), отвечала на вопросы людей и уходила к себе. Гости собирались, благодарили и уезжали. Лукия Ивановна убирала стол, мыла посуду. К тому времени приезжали новые посетители. И все повторялось заново.

Лукия Ивановна, как вы не устаете?

Любушкиными молитвами и не устаю, – отвечала она с доброй и мягкой улыбкой.

Действительно, в доме все делалось с благословения Любушки. И не только делалось. Была в Лукии Ивановне неизбывная приветливость, скромная и легкая на подъем потребность послужить людям. Она знала, что они приезжают не к ней, а к Любушке, и никогда не перекрывала Любушку собой. Напротив, с каким-то особым тактом умела расположить их к беседе с Любушкой, упредить возможные трудности, т.к. Любушка не всем и не на все вопросы отвечала, или не всегда было возможно понять ее ответ. Лукия Ивановна помогала, подсказывала, не участвуя в разговоре, чтобы не смущались люди, задавая сокровенные вопросы. Но в моменты недоумения,

ненароком, как бы проходя мимо, подсказывала, как понять слова Любушки. И люди были всегда благодарны ей.

Я все эти дни помогал ей по хозяйству. Мыл посуду, протирал пыль, убирал в сенях, в кладовой. Два дня перекапывал огород. Один день Любушка благословила сходить за грибами, чтобы на зиму было что засолить. Я сказал ей, что соседи говорят, что грибы уже сошли. «Будут», – ответила она с заботой.

День был пасмурный. Я сел в автобус, полный грибников. Потом полдня бродил по лесу, срезав три махонькие лисички. И вдруг – открылся участок леса, весь заросший опятами. Они дружными и богатыми семейками облепили пни, стволы полуупавших берез, кочки. Большая корзина наполнилась доверху. К условленному времени я выбрался из леса. Автобус собрал по дороге всех грибников, и мы возвращались домой. Грибов ни у кого не было. Самое большее – на доньшке, штук десять-двадцать. Только моя корзина была сверх верха. Потом два дня мы с Лукией Ивановной их чистили, вымачивали, варили и засолили полное ведро.

Расспрашивая Любушку о себе и о своих близких, я завел тетрадку и записывал ее ответы. Получилось несколько страниц. До сих пор происходит и сбывается то, о чем она говорила. Основные же ее благословения хранят меня в моей церковной жизни, удерживая во мне, иногда, казалось бы, готовую потеряться молитву, или сохраняя веру в ее живом дыхании в самой душе моей. Не все можно открыть. Потому и оставляю без описания ряд переживаний, которых я никогда прежде не имел, а в эти дни Любушкиной молитвой обо мне пережил. Сейчас приходит мысль, что уже тогда плакать Любушка могла и за мои грехи, которых за эти годы наделано немало. Обновленный прикосновением особой жизни Церкви, я уезжал домой. Как удивительно все то, что, оказывается, происходит в Господе!

Через месяц с небольшим после этой поездки к блаженной Любушке я был принят в московскую духовную Семинарию и Академию библиографом. В мою обязанность входило в течение рабочего дня читать церковные журналы и книги и, по прочтении, составлять на них краткие аннотации для каталога и относить статью или книгу к тому или иному его разделу. До этого мы под страхом быть пойманными за руку тайно заказывали ксерокопии отдельных церковных книг, одну-две в полгода, и имели совсем маленькую библиотеку в пределах едва около десятка книг. А теперь я мог читать неограниченно, и помимо рабочего времени, что было душе угодно. В моей жизни наступило настоящее торжество православия.

В это время один из церковных людей стал убеждать меня перейти от отца Наума к отцу Кириллу (Павлову). Я услышал множество всяких доводов, которые тогда, как оказалось, в обилии ходили в околмонастырской среде мирян и как будто среди послушнической братии самого монастыря. Я мало об этом знал. Всегда избегал каких-либо оценочных разговоров о духовниках. Все эти годы Господь хранил меня в сокрытых, один на один, и благоговейных отношениях с духовными

отцами и наставниками. Этому, отчасти, содействовало и время жестокого отношения к Церкви со стороны всего общества. Теперь же, встретившись с неожиданным для меня искушением и не умея еще разумать такие события, я пережил сильное беспокойство о своем дальнейшем воцерковлении и всего меня потрясающее колебание отношения к отцу Науму. В этом колебании сказались все мои пороки: и высокое самомнение, которое заметалось; и малодушие, которое пустилось в предательскую озабоченность собой; и неразумие, которое растерялось и ничего не смогло противопоставить искушению; и маловерие, которое, оставив Бога, бросилось само решать эту ситуацию. Кончилось тем, что я упал перед отцом Наумом на колени, просил простить меня и отпустить к отцу Кириллу.

Эта просьба была совсем иной, чем та, которую я выразил за год до этого отцу Валериану. Тогда меня окрыляла потребность монастырского окормления. Здесь же было чистое искушение и предательское колебание. Я увидел, как сильно огорчил батюшку. Он успел полюбить меня. Много, очень много он участвовал во мне и многому научил меня. И вдруг такой от меня вышел поступок. Потом, уже, будучи у отца Кирилла, я дважды пытался прийти к отцу Науму и выразить ему свою благодарность и снова просить прощения за свое отступление, но он вдруг терялся в толпе прихожан, исчезал из поля моего зрения, и я его не мог найти. Только что я его видел, и шел к нему, и вдруг терял...

Потом я спрашивал у отца Валериана, в чем было мое неразумие. Батюшка ответил, что в искушениях действует соблазн впасть в осуждение, в самомнение, от себя что-нибудь творить. Затем объяснил, что у духовников бывает разный способ обращения с чадами. Люди это не распознают и смотрят не на разность способа, а на достоинства духовника, а еще чаще – на его недостатки. Ими и искушаются – реальными, или о которых наговорит им кто-нибудь. Вот и начинают в беспокойстве за себя выбирать и вымеривать, что лучше, что хуже или что по ним, что нет, и сгоряча одно объявляют белым, а другое черным.

Действительно, теперь, оглядываясь назад, вижу, что отец Наум обстоятельство точно слышит в его разумно-волевым исполнении. По способу руководства он ведет себя с тобой так, что ты каждый раз оказываешься в новом и частенько очень даже непривычном для тебя обстоятельстве. И отец Наум неколебимо держит это обстоятельство в волевой сфере, т.е. в сфере поступка. Он не будет объяснять это обстоятельство. В итоге ты не сможешь из разсуждения художественно, но расположить себя в нем. Разсуждающих отношений с батюшкой нет. Он просто в них не идет. Сразу отпадает огромный арсенал средств и приемов светского способа ведения дел: уговорить, упросить, согласоваться, высказать свое, настоять на своем, «наехать» словом, вызвать на спор, дискуссию, высказать претензии, мудро разсудить, взаимно взвесить, поговорить. Все это раз и навсегда отсечено. И разумно отцом Наумом удерживается вне применения.

Не идет батюшка и в различные эмоционально-чувственные или сердечные отношения. Отсюда невозможно подыграть ему, умягчить, развеселить, поиграться с ним, похвалить, подольстить, пококотничать, расслабить его, «по душам» поговорить, пообщаться, увлечь в приятное обхождение и многое, подобное тому. И здесь он разумно оставляет все это вне всякого

применения. Остается только одна волевая сфера, сфера поступка, причем в точно поставленном обстоятельстве. Ты можешь шагнуть или вправо, или влево, или посередине. Ты не можешь пойти в обсуждение. И нет места эмоциональному общению – есть место только поступку.

И так – от одного обстоятельства к другому, от одного поступка к следующему. А средством, формирующими обстоятельства, является сам батюшка. Своими поступками и еще благословениями. Например: «Купи гроб, поставь в сени и каждый день по полчаса лежи в нем, подумай, как ты провел день». Неудивительно, что не всякому человеку это будет по нутру, и не всякий, даже желающий его духовно-нравственного руководства, может разобраться, что же от него требуется. Батюшка не побежит за твоей неразборчивостью, не станет тебя обхаживать, уговаривать, заласкивать, утешать. Ты волен быть или не быть, оставаться или уходить. Волен. Потому что сфера жизни – волевая, где действует воля и дух.

Конечно, нашлись те, кому такой способ был не по нутру, нашлись и те, кто не разобрался. Появились мнения. Из них, как обычно, в среде, очень чуткой к слухам, стали кочевать оценочные суждения. Тут же рядом выросли, как грибы, разные опасения мятущегося самолюбия, ненаученного разумению, за ними последовали предупреждения: смотрите, не ходите туда, там вам будет плохо. Кому же хочется, чтобы с ним было плохо! До христианского сознания еще ведь далеко. И враг через все это начинает свою веселую работу – умножать слухи, одни хлеще других. Только Господь кладет на сердце, а враг кладет на ухо. Вот и я на это искушение своею худобою напоролся и, вместо того, чтобы начать разбираться с собою и преодолевать худобу, занялся самими слухами, через то слился со всею мутью, которая поднялась во мне самом и, вместо покаяния и «Господи, прости!» – увлекся себялюбивыми переживаниями. Она и поглотила меня в пучину сомнений и, в итоге, бегства. Теперь только каюсь и плачу: «Господи, прости. Простите и Вы меня, учитель и наставник мой, отец Наум».

Когда я пришел к отцу Кириллу, он спросил, отпустил ли меня отец Наум. «Да, отпустил». Но не сразу допустил меня к себе батюшка. На исповеди я мог ходить. Все, кто хотел, ходили. Но не более того. Только через несколько месяцев я почувствовал, что могу спрашивать и благословляться. Так начался новый период в моей жизни – окормление у отца Кирилла (Павлова). Оно длилось шесть лет, пока я был в Москве. Продолжается и сейчас, когда я в Волгограде. Шесть лет каждую субботу я ехал из Москвы в Лавру, а то и в будний день сверх того и, кроме летних месяцев, когда я уезжал на летние поселения, и сентября, когда батюшка уезжал в отпуск, я приходил к отцу Кириллу на исповедь, на беседу за наставлением и под благословение. Теперь из Волгограда раз или два раза в год, как получается быть в Москве, приезжаю к нему в Переделкино.

Батюшкин характер руководства совсем другой, чем я встречал до этого. Внешне все крайне просто.

Ты так не делай. Зачем так делаешь?

Вот, вот. Видишь, не хорошо так.

Ты читай Евангелие. По Евангелию ходи.

Держись Церкви. Она научит.

Бывали и беседы. Когда мне было нужно, батюшка никогда не отказывал: «Ну, приди тогда-то». Обычно это было днем, в будни. У батюшки никого нет или два-три посетителя ждут в коридоре перед кельей. Беседы были о моей работе, о занятиях по педагогике, о делах в семейном клубе, потом по лаборатории нравственной педагогики и культуры, которой я заведовал при инновационном объединении Академии Наук СССР, о курсах христианской педагогики и культуры, где я был директором и откуда уже приехал в Волгоград.

Несколько важных бесед было о моем внутреннем устройении и работе над собой. Правда, в этом я был тогда совсем без разумения. Так, все из внешних, да книжных знаний. В нравственной педагогике я еще что-то соображал, а в духовно-нравственной жизни был совсем неразумен. В беседах батюшка и не напрягал меня. Откопает в моих рассказах доброе зернышко, поддержит его. Не развивает, не разсуждает о нем, не разворачивает никакой перспективы. Поддержит только. «Вот, вот, так и делай. Это хорошо». Бывало, объяснит. Очень просто. Так что в первое время по своей привычке питаться ученостями я ждал мудростей и от батюшки. Не получал. И порой уходил с чувством пустоты. Беседа была, а я ничего из нее не почерпнул. Оказалось потом, не там черпал. Там, где я искал и черпал, там действительно ничего не было. Там не было даже и батюшки. Он был совсем в другой области, куда входить мне пришлось уже годами рядом с батюшкой пребывания. Все шесть лет я не пропускал ни одной субботы, разве что если какие-то крайние обстоятельства не пускали меня из Москвы в Лавру. В каждую серьезную перемену в моей жизни, а их было много, я приезжал к батюшке, это уже в будние дни. То в нижней приемной, то у него в келье, то потом в Переделкино. Батюшка всегда принимал. Чаще накоротко – семь-десять минут. Бывало и больше, на двадцать-тридцать минут. Несколько раз батюшка держал у себя около часа.

Область батюшкиного труда надо мной оказалась сугубо духовной. Она открывалась после какой-нибудь исповеди. Я так и не знаю, связано это было с моим каким-либо состоянием или нет. С разным настроением я приходил на исповедь. Бывало, что готовился к ней тут же, стоя среди монастырской братии – монахов, иеромонахов, семинаристов. Исповедуюсь, побуду потом дальше на вечернем богослужении, или, если исповедь совершалась после службы в келии у батюшки, еду затем домой. По дороге, но чаще по возвращении домой начинает происходить со мной нечто, совсем неведомое мне. Первое время я не связывал этого с батюшкой. Да и не

отдавал отчета, что происходит. Пришло новое, необычное настроение или переживание, побыло, прошло – я и забуду о нем. Но со временем эти приходящие переживания стали столь значительными, что оставляли долгий след в моей душе.

Я начал наблюдать их связь с моим посещением батюшки. В основном это были переживания различной степени покаяния, когда покаянное чувство поднималось из глубины сердца, захватывало душу и всего меня. За несколько лет я провел много часов в этих настроениях и всякий раз после исповеди у батюшки. Потом начала появляться молитва. Не та, которую извне мы пытаемся воспитать в себе, а внутренняя, которая начинается откуда-то изнутри сердца. Увы, появление молитвы было недолго. Я уехал в Волгоград. И регулярная учеба моя у батюшки кончилась. С силой захватило меня внешнее служение. Была хиротония. Я стал священником. Началось созидание учебного дела в Волгограде. Батюшка тогда благословил: «Поезжай. Там твое дело». И только теперь, на десятом году моего служения в сане священника, я вновь начинаю возвращаться к урокам батюшки.

Стало появляться понимание того, что было в моей жизни регулярное и постоянное окормление у батюшки. Услышал тайну Церкви, которая совершается там, где двое или трое собираются об имени Господнем, и Господь начинает быть среди них. И человек не может не чувствовать. Поначалу, видимо, – я говорю это из своего опыта – человек не отдает отчета себе в этом, едва слышимом присутствии Бога в его жизни. И только попечением духовника о нем и ходатайством к Богу за него присутствие это не уходит, но умножается, пока человек не обратит на него внимания и не начнет вручать себя в эти настроения Божии. Так, по-видимому, и совершается духовное окормление в Церкви, о котором мы читаем в книгах, описывающих духовников и их чад.

Увы, оказалось, что вручать себя в настроения Божии недостаточно. Надо услышать, уразуметь их ценность для себя. Тогда только начинает появляться понимание того, что происходит. Вместе с этим пониманием начинает появляться собственное разумное отношение к духовнику, к Богу, к происходящему. Та самая разумная самостоятельность, о которой пишет с большой силой святитель Феофан Затворник.

Чувством ценности и входящей в жизнь разумной самостоятельностью человек начинает труд удержания в себе происходящего явления. Я же, находясь далеко от батюшки, стал искать пути восстановления пережитых Божиих настроений. Начался труд над высвобождением себя из тенет греховных уз сердца и страстей. Это труд внутренний, совершаемый с помощью внешних условий и средств. Только теперь начинает появляться понимание, почему свт.Феофан, говоря о самостоятельности, как одном из трех свойств лица человека, написал о ней как о разумно свободной. Похоже, что разумной она начинает быть прежде, а потом, по мере труда человека, становится свободной.

Только и здесь, в этой работе над собой меня не оставляет присутствие батюшкиного благословения. Как тогда оно начинало действовать во мне после какой-нибудь исповеди, так и теперь проникает в сердце после молитвы и искреннего расположения к Богу. Слышу, что для этого надо бы иметь обращение к Богу. Не всегда это получается. Держит сильно тина греховная. Тогда обращаюсь к бабушке или прямо к Господу за молитвы батюшки. Слышу, как помогает.

Прежде я все недоумевал, как мог преподобный Антоний Великий окормлять пять тысяч монахов, разбросанных на разном удалении от него по пустыне, или старец нашего времени схиигумен Савва имел в духовном попечении сотни сестер, составлявших и ныне составляющих при нем духовную общину. Теперь только, испытав на себе дивную любовь отца Иоанна Крестьянкина, блаженной Любушки, отца Наума, отца Кирилла и отца Илия (о нем речь чуть ниже), могу говорить о всегда действующем благословении, которое мы имеем от своих духовников. Благословение это, как все Божие, надмирно и потому пребывает с нами вневременно. Оно действует в нас, всегда сопутствуя нам и сокрывается в нас же, если не можем иметь разумного и в вере свободного обращения с ним. Сокрывается, трудясь над нами незримо, до времени, пока мы сами же не ободримся от греховного сна. Когда же ободряемся, истрезвляемся, тогда оно входит в чувственно-слышимое состояние и помогает нам явно, содействуя в наших трудах. И это есть одно из таинств Церкви, которое происходит в ней и благодаря которому незримо для внешних людей собирается само тело Церкви. Будучи разрознено во времени и пространстве, оно едино и собрано в тишине благословений через то сердечное о Господе расположение духовников и их чад, которое они имеют друг ко другу.

Последний раз я побывал у батюшки в прошлом, 2002 году в Переделкино. Это был первый день, когда батюшка принимал после долгой болезни и больницы. Келейница Наталья дважды заходила сначала с предупреждением, что слишком долго, нужно заканчивать беседу, а второй раз усовещала меня, напоминая, что врачи не разрешают батюшке утомляться. Я и сам порывался встать, уйти, но батюшка не отпускал. «Да, да, сейчас», – говорил он матери Наталье и продолжал беседу. Он говорил мне о последних временах, о том, что сейчас происходит со всеми нами, наставил, как дальше жить. Больше часа я пробыл у него и ушел, получив благословение. Им и живу теперь, из него и тружусь.

Еще об одних встречах, значительных в моем воцерковлении, мне нужно теперь рассказать. В дни работы семейного клуба мы всегда выезжали в летнее поселение. Поначалу это были выезды под видом изучения русских народных традиций и опыта жизни в них. Дети, их родители и молодежь разного возраста одевались в русские одежды и жили трудовой общиной где-нибудь в лесу. Время было еще трудное. Открывать свою религиозность все боялись. В год, когда меня уволили с работы, мы жили прямо в Шамордино. С директором совхоза уговаривались об аренде земли и монастырских остатков для семейного Московского клуба с тем, чтобы постепенно возмещать монастырские здания, жить там, тайно служить в них молебны, а там, глядишь, и службы. Увы, нас выследили власти, не дав закончить нам летнюю смену, насильно вывезли с территории монастыря и в двадцать четыре часа выдворили за пределы Калужской области.

Через Шамордино началось мое знакомство с Оптиной Пустынью. Тогда монастырь еще не действовал. Вскоре в стране разразилась перестройка. Монастырь открылся. И через год или два после этого по благословению тогда еще архимандрита Евлогия (ныне он архиепископ), мы приехали на летнее поселение в Оптину Пустынь. Расположились палаточным лагерем в монастырском саду прямо под стенами монастыря. Два года подряд по полтора месяца и больше мы жили в Оптине. Трудились, ходили на службы, исповедовались, причащались. Каждую смену в храме была беседа с игуменом Мелхиседеком, благочинным монастыря, которая обычно заканчивалась к двум-трем часам ночи.

В сам лагерь приходил отец Илий, духовник монастыря. Он появлялся всегда неожиданно. Мы готовились к встрече к назначенному времени, но как-то было так, что батюшка уже стоял между палатками, а мы не заметили, откуда и как он пришел. В руках у него всегда была сумка, в которой он приносил иконочки и после беседы раздавал их всем участникам поселения.

В батюшке Илие я нашел образ живой, деятельной любви, одухотворяющей его облик, поступки, лицо и исходящей, я бы даже сказал, сияющей из его кроткого и смиренного сердца. Помню, как в третий или четвертый год после знакомства с ним мы где-то в конце ноября приехали в Оптину Пустынь в составе группы в тридцать с лишним человек из семейного клуба. Приехали поздно вечером. Я по обыкновению сразу пошел к отцу Илию благословиться побыть в монастыре. Батюшка благословил, велел утром подойти к наместнику или благочинному, а пока устраиваться на ночлег. Он сам пошел со мной устраивать нас. Определили нас разместиться в надвратном храме. Дверь была закрыта. Мы постучали. Никто не отвечает. Подошел отец Илий. Постучал. Никого. Он нашел палку и стал стучать ею. Наконец дверь открылась. И мы стали свидетелями удивительной картины – как батюшка ругал послушника за то, что он не открыл сразу: «Ты почему так делаешь? Зачем ты так делаешь?» В этой настойчивости батюшки было столько интонаций и любви к послушнику, и скорби за него, и ласковой заботы о нем! И одновременно укорения и выговора ему, и даже запрещения когда-либо впредь так делать. Так говорить с меньшим себя никто из нас не умеет.

Когда стали разстилаться, оказалось, не хватает двух одеял. Батюшка оставил нас, а сам ушел. Минут через пятнадцать он появился с одеялами и подушкой, держа их по бокам головы на правом и на левом плече. А ведь время было уже далеко за полночь. Удостоверившись, что все мы устроены, батюшка со свойственной ему кроткой улыбкой простоты и любви благословил нас и ушел.

Одно созерцание его облика, кроткого, просто расположенного к собеседнику, тем более беседа, общение с ним уже напоят умиротворением и чувством дивной обласканности, уюта и благодатной устроенности в событиях жизни. Уходишь от него, а на душе тихо и надежно – все устроится теперь, все будет хорошо. Чувство кроткого духа приходит всегда после общения с батюшкой и его благословений. Тогда начинаешь слышать тайну совершающейся в Церкви жизни. Жизни кроткого Духа. Им совершается на земле важнейшее из домостроительств – преображение человеческого сердца. Ни представить, ни описать этого нельзя. Можно взять только опытом. Но

для этого нужно быть с батюшкой рядом. Быть хоть какое-то время, чтобы услышать и напитаться. А потом, пребывая далеко от него, трудиться ради обретения этого кроткого Духа. Трудиться сердцем, укрепляя в себе должные сердечные расположения, внутри которых начинает переплавляться человеческий дух и обретать восприимчивость к кроткому Духу Божию.

Перед отъездом в Волгоград я не смог добраться до Оптиной Пустыни, чтобы повидаться с батюшкой и сказать о своем переезде. Какова же была моя радость, когда он, узнав об этом от паломников из Волгограда, прислал с ними маленькую передачу и на словах свое благословение. Не один раз за последние десять лет я просил Господа за молитвы батюшки о нас поддержать учебное дело в Волгограде, и Господь поддерживал. Когда я посылаю волгоградских чад к нему в Оптину, он всегда тепло принимает их.

С переездом в Волгоград началось мое общение с Владыкой Германом. Первые пять лет все воскресные и праздничные службы, кроме летних месяцев, когда мы уезжали на летние поселения, я был вместе с Владыкой у престола, сослужил ему, пока училище не переехало из центра в другой район города, получив в аренду новые помещения. По рабочим вопросам мне часто приходилось и приходится общаться с Владыкой, нередко бывать с ним и на праздничных трапезах. Когда шла разработка учебного дела в Царицынском православном университете, были удивительные дни семидневных семинаров. Я тогда нес послушание заведующего кафедрой педагогики и руководителя педагогического факультета. Владыка был всегда в самом центре организационных и содержательных событий. А на семинаре и конференции, которые проходили за городом, он четыре дня круглосуточно оставался с нами и затем приезжал в завершающий день семинара, а на конференции и вообще все семь дней был безвыездно. Не раз приходил я к Владыке и по вопросам духовным, и за наставлениями, и исповедовался у него. Безконечно благодарен я за отеческую заботу, внимание и тепло, которые получал и получаю у него. Многие, о чем мне приходится сейчас говорить или писать в книгах, раскрывая образ отца, я беру из моих наблюдений Владыки и отца Валериана Кречетова. Не перестаю благодарить Господа за эти жизненные встречи, которыми пестуется, в живом общении наставляются и живыми примерами воспитуется моя собственная, увы, очень медлительная душа.

Какое же это, действительно, счастье – быть рядом с человеком и внимать удивительным дарам души его и духа, какими Господь щедро наделил избранного Своего.

Одно время я вдруг попал в полосу разных сплетен о Владыке. Чего только не говорили люди! Поразительно, как они подмечали все: малейшие детали поступков, слов, действий. С кем встретился Владыка, куда ездил, где был, что произошло в монастыре – как бы у него произошло, что произошло в епархии – и опять, как бы у него произошло. Обо всем сразу составлялось мнение и, обрастая фантазированными подробностями, быстро распространялось в среде людей, любящих всем этим жить. Они буквально смаковали разные подробности, влагались всем сердцем в новые известия и все сердечные расположения свои ввергали в пучину какой-то особой вражией жизни: острых настроений, свеженького содержания, новых впечатлений и решительно, уверенно составленных собственных мнений – забыв о христианских расположениях, впав в

безпамятство о благодати. Не к Господу склонялось сердце в вере, смирении и разумении Его дел, а к собственному мнению, возбуждавшемуся от малейшего поворота подробностей. И кипел этот котел, и носились вихри обсуждений, ввергая людей, новоначальных (да и не новоначальных) в Церкви в разной глубины искушения: от смущения (туда ли я попал) до сильнейших потрясений (где же, Господи, правда?) Потом, через год, все куда-то отступило, растворилось и ушло. Люди перекипели, вернулись к себе и, возможно, к Богу.

Дивно было видеть при этом Владыку. «Искушения? Пройдут», – благодушно говорил он и с отеческой заботой, как мудрый родитель, переживал, когда все это пройдет, молясь, вздыхая к Богу и имея крепкое упование на Его Премудрый Промысел. И действительно, проходило, рассеивалось как дым. Подобную напраслину спустя какое-то время пришлось претерпеть и мне самому.

Во все это время я учился у Владыки ходить за Промыслом Божиим и себя влагать в Его, Божии дела. Я видел, как Владыка в одних случаях был неспешен в решениях, выдерживал время, и события удивительным образом подтверждали правду его неспешности. В других случаях, напротив, он решал сразу, с силой, то прямо наступая на события, то с щедростью, широко и с любовью окормляя их. Бывало, Владыка становился у престола и каждый день служил литургии, много-много дней подряд. То выезжал на приходы, служил на местах по просьбам и приглашениям священников и мирян. То принимал людей безконечно, а поздним вечером еще и исповедовал. Вместе с тем, каждый понедельник он был на занятиях в Православном университете, сам читал курс библейской истории. Встречался со студентами за пределами занятий, участвовал в различных торжествах и много времени уделял устройению учебного дела, от хозяйственных и организационных забот до учебных и воспитательных.

Дивно было видеть, как Владыка встречался с влиятельными людьми города. В этих беседах и деловых встречах, свидетелем и участником которых Господь сподобил меня быть, всегда присутствовали мудрость, благодушие к собеседнику и, одновременно, большая культура, тонкость в знаниях самых различных сфер науки, искусства, управления, не говоря уже о богословских знаниях. Вместе с тем, такт и внимание к собеседнику обезоруживали любого человека. Сколько раз я слышал, как люди, выходя от Владыки, удивлялись его образованности, великодушию и радушию, его благодатной попечительности и отеческой широте. И это все – душа человеческая, исполненная благодатного Божиего света. Неудивительно, что в искренних людях самого разного ранга невольно пробуждалась любовь и благодарность к Владыке, и они начинали помогать ему кто чем был силен.

В Москве был период, когда Господь сподобил встречаться с отцом Глебом Каледой. Он являлся председателем секции просвещения отдела религиозного образования и катехизации Московской Патриархии. В воздухе в то время едва-едва стал намечаться рассвет возможной свободы для Церкви. Порыв, с которым мы стремились к этому рассвету, не думая, не подозревая о нем, был совсем неадекватен времени, той обстановке в стране, которая царил в то время. Мы готовы были, вопреки запретам и гонениям, жить свободно в Церкви, так, как того хотела душа.

Что нами двигало? – не знаю. Одно только помню отчетливо: нас вела живая потребность жить церковной жизнью, не прячась. В малейшей возможности, какая дается или не дается, не оглядываясь вокруг, идти и быть, как подсказывает сердце.

Удивительно, как в этом нашем устремлении участвовал отец Иоанн Экономцев, тогда игумен, ныне архимандрит, председатель отдела религиозного образования и катехизации Московской Патриархии. Казалось, он почти не общался с нами, приходящими в отдел со своими инициативами, был слишком высоко для нас, и мы больше издали трепетали, нежели встречались с ним. Но как потом показывали события, он краем глаза и сердцем следил за нашим развитием и по какому-то особому, ему свойственному чутью, вдруг подхватывал какую-либо инициативу, придавал ей иной, нами не подозреваемый масштаб и выводил ее в незамедлительное осуществление. Я помню две конференции, которые таким образом невольно для нас были собраны, вырастая на наших глазах в своих размерах, от маленькой на пятьдесят-шестьдесят до большой на двести человек. На обоих он, со свойственным ему тактом и бережностью, попросил-подтолкнул меня выступить. И вот там, почти двадцать лет назад, в ходе, и особенно после каждого выступления, я пережил на себе благословляющую отеческую заботу, которая его словами и особенно отношением ко мне теплой поддержкой легла в сердце и придала жизнь моему желанию служить Богу. Служить устройению учебного дела. Это благословение до сих пор, а теперь, я знаю, и всегда, живет и будет жить источным началом в моей душе. Ныне и присно (т.е. всегда) – в этом свойство действительных благословений. Как чудно это слышать в своем жизненном опыте, переживать на себе, как Господь через служителей Своих собирает, созидает Церковь и придает Ей, т.е. своему народу Божиему из глубины сердца совершающийся в них деятельный характер.

Для нас, собирающихся в отделе, то время явилось временем дерзновенных устремлений ко Христу, желаний ради Него удержать строй и порядок жизни, который подобает иметь в Церкви. Иметь так, как если бы не было вокруг нее атеизированного государства с его препонами и запретами. И мы жили мимо тогдашних официальных устоев и препятствий, как будто их не существовало. Мы собирались в отделе религиозного образования и катехизации раз, бывало, и два раза в неделю и часами обсуждали планы развития церковного просвещения и образования. Из этого кружка выросли ныне всем известные иеромонах Киприан /Ященко/, (он в то время был сотрудником секции отца Глеба), и директор Ясневской гимназии «Радонеж» иерей Алексей Сысоев.

Только теперь, вслушиваясь в те события далекого прошлого, я начинаю сознавать, что дыхание и дух этих встреч неприметно для нас задавал отец Глеб Каледа. Его благословением, молитвою, его дерзновением идти за Господом в гущу событий и служить Христу, не оглядываясь по сторонам, неприметно для себя наставлялись и жили все участники кружка.

Он редко оставался с нами. Благословит, побудет немного и уйдет по своим делам. Потом уже, в личной беседе, вслушается в детали, подробности, задержится на отдельных вопросах, подскажет и благословит. Он обладал невидимой для тех, кто первый раз с ним встречался, способностью

проникать в суть содержания разговора. Он делал это, по-видимому, для него самого просто и сразу, по какому-то для него свойственному естеству. И поэтому в общении всегда говорил с нами от этой уловленной им сути. Отвечал или пояснял просто, настолько, что мне с моей замысловатостью речи и претензиями на ее научность поначалу казалось, что батюшка ничего путного мне не сказал. Тем не менее, он говорил мне и другим участникам кружка как лучше пойти, что лучше или нужно обсудить. Говорил всегда непритязательно, в тоне заботы и пожелания и всегда с добрым расположением – благословением к нам и к делу, ради которого мы собирались. Это были простые фразы, простого содержания. Мы не всегда шли по ним, но когда шли, оказывалось, что подсказанное направление было правильным.

Неприметно для меня самого вызревала в душе невольная потребность спроситься у батюшки, услышать, что чувствует или слышит он по тому или иному вопросу. Не только думает, а именно слышит и потому думает. Сердечная, в разуме души обращенность к батюшке развивалась произвольно из года в год моих обращений с ним. А причиной этого тяготения к нему являлся он сам. Что-то доброе, разумное и ласковое было в его отношении ко мне. Забота и наблюдение за ходом моей жизни и дела, внимание и добрая строгость к содержанию, о котором я говорил, мягкое радушие, с которым он поправлял и благословлял – все это произвольно вело, тянуло к нему. И я часто приходил, или, будучи в отделе, всегда обращался к нему, спрашивался о своих делах.

Тогда по его благословию, при постоянном с его стороны внимании и курировании, открылись в Москве трехгодичные очные курсы христианской педагогики и культуры преподобного Сергия Радонежского. Официально они устраивались под эгидой научного центра, а неофициально были организованы при отделе религиозного образования и катехизации города Москва. Это была первая ласточка церковного дела, которая вдруг прорвалась в полумрак тогдашней жизни и заявила о себе прямо со страниц официальной печати, где помещались объявления о наборе курсов. Около семидесяти человек съехались с разных концов страны, и тридцать четыре из них, пройдя все испытания, начали учиться. Все выпускники курсов служат сейчас в Церкви в том или ином качестве. Среди них – два иеромонаха, (а может быть, теперь больше – уже стали теряться во времени следы выпускников), священник, эконом отдела Патриархии, благочинная женского монастыря в Костроме, начальник православного лагеря, преподаватели воскресных школ. Сам я нес послушание директора этих курсов. Вдохновителем, духовным руководителем и молитвенником был отец Глеб Каледа. С этих курсов и вызвал меня митрополит Волгоградский и Камышинский Герман в Волгоград для устройства Царицынского православного университета. Когда я сказал отцу Глебу об этом, он думал минуту, потом ответил, сделавшись очень серьезным: «Это другой уровень. Позови, кто с тобой захочет поехать, и поезжайте». Так я оставил Москву и оказался в Волгограде.

Доброй памятью и благодарностью живет мое сердце к отцу Глебу. И чем дальше во времени я удаляюсь от минут общения с ним, тем глубже и яснее открывается в душе, как много он для меня значил. Увы, в то время, в увлечении будничных забот невозможно было это услышать. Но, оказывается, душа умеет впечатлеть и такие стороны общения с человеком, которые для сознания как бы не важны, но которые в протяжении жизни восходят в ней как добрый посев,

занимая собой все большие пространства сердца, питая его такими образами чувств, поступков, мыслей, о которых оно само не могло и подозревать. Это происходит теперь со мною. Я слышу, как Господь благодатью Своею бережно сохранил все, взятое по жизни, незримо для меня возвращал в моей душе и сейчас открывает, соединяя все благословения со мною или меня с ними, превращая их в достояния уже меня самого. И в этом еще и еще раз я слышу явь удивительного свойства Церкви – ее единства. Мы едины и даже с умершими не только одною памятью, но, более того, тем единением Духа, в Котором дается нам взаимное общение, проникающее нас любовью и теми дарованиями души, какие каждый имеет и которыми щедро и искренно участвует в другом. Это участие происходит во вне, в поступках, душевно по нраву каждого и духовно присутствием благодати. Общение это, по благодати совершаемое, имеет вневременный характер, хотя и происходит во времени, начинается здесь на земле и простирается в жизнь за гробом, объемлет собою и живых, и умерших, но в Боге всех живых. И во Христе собирается так Его Церковь – земная и небесная, взаимнообщающаяся в тех событиях жизни, в которых мы верою и любовью к Нему пребываем в Его Божественной воле.

??

Глава четвертая. Волгоградский период жизни

Волгоградский период – это время, посвященное внутренним достояниям нрава человека, достояниям души и духа. Достояния души – это ее силы и добродетели. Достояния духа – совесть и вера, а к ним свойства духа – сила, ревность, стойкость (способность стоять в духовных добродетелях). Правда, с первых дней хиротонии и священнического служения (сегодня ему исполнилось десять лет) я так не думал. Так вел мое служение Господь, и теперь, вглядываясь в события последних десяти лет, вижу, что это были поиски условий и средств высвобождения души и духа человека из тенет греха. Оказалось, что это невероятно трудно.

Я бесконечно благодарен Владыке Герману за его отеческую любовь и заботу, которыми он благословил мои труды сначала в Царицынском православном университете, а затем в Свято-Сергиевском училище православной катехизации и церковной педагогики после выделения его из университета в самостоятельное учебное заведение, находящееся в каноническом ведении правящего архиерея. Духовной мудростью Владыка шел с нами, со всеми, кто устраивал и учился в училище, учительными путями Божьего Промысла, наблюдая и заботливо участвуя в нем, шел, не угашая премудрой воли Божией о нас. Благодаря этому многое, что происходило с нами за эти десять лет, имело глубокую силу наставления, вразумления и упражнения в вере. Мы же старались усвоить уроки Господни как можно полнее.

Самою большою трудностью, с которою мы столкнулись, оказалась неизмеримая поврежденность души всех современных людей, а, следовательно, и наших воспитанников – учащихся училища. Сколько бы мы ни старались во время приемных испытаний отобрать наиболее подготовленных к

обучению, весь последующий ход событий показывал, как много нужно трудиться над каждым из них, чтобы выпестовать Божию душу. «Много званых», – говорит Господь.

Действительно, много людей, в том числе и молодежи, обращаются сегодня к Церкви. «Но мало избранных», то есть тех, кто в душе своей имеет задел духовной и нравственной жизни. Тот задел, который имеет человек по характеру своего рода, в котором родился, и по тому воспитанию детства, в котором закладываются важнейшие впечатления правдивой жизни. Вместо этого в роду один-два молитвенника на десяток и больше родственников, совсем далеких от Бога. И семья либо совсем атеизированная, либо с едва-едва хранимой верой, либо, в лучшем случае, имеющая церковную жизнь, но преимущественно внешнюю, обрядовую, в которой почти или совсем нет труда над внутренним человеком. По этой причине в наших поступающих нет образа послушания и соединенной с ним ревности о благословении. Ревность о благословении живет отдельно от послушания. И так называемое ими «послушание» не живет ценностью благословения. Мало слышится или не слышится связь между ними.

Вместо разумения себя и своей жизни идет саморазумие, и мешает всему своеобразие. Тут как тут рядом невольное, а где-то и вольное, т.е. дерзкое своеволие. При развитых способностях к знаниям глубокое нечувствие благочестия. Почти неслышание самоукорения. Слабое чувство долга, слабое чувство совести и малая вера.

Если бы училище давало только знания, вопросов бы больших не возникало. Способных к такому обучению достаточно много. Можно было бы выпускать преподавателей церковных дисциплин и кандидатов в священство, знающих, что, когда и как служить. Но мы взялись готовить воспитателей и священников, способных к пастырскому служению. Здесь одними знаниями не обойтись. Нужна сила нрава и веры, а пастырям еще и сила духа, т.е. присутствие благодатного Духа в них. Вне благодати где эту силу взять? Не силою же самолюбия и самоутверждения совершать требуемое служение.

Чтобы обратить человека к отношениям с благодатью, недостаточно научить его знаниям о ней и обо всем остальном, что есть в Церкви, – нужны условия, т.е. церковная среда и уклад жизни, которые бы содействовали в этом, и нужны нравственно-духовные занятия и упражнения, которыми он бы трудился над собой.

Поиски церковной среды нас ни к чему не привели. В Волгограде исконно верующих людей, желающих оставить прежние свои служения и перейти в училище, мы не нашли. Пришлось ждать годы, пока свои же выпускники не взяли на себя бремя училищных забот. Но и сейчас, куда ни кинься, везде нужда. Везде нужны зрелые люди с церковным нравом. А их нет.

Нужно было так упорядочить обучение, чтобы оно не голыми знаниями забивало голову, тем питая самолюбие, а высвобождало бы душу и дух навстречу Богу и людям. Чтобы разумение себя, своей жизни и своего служения благодаря Евангелию и церковному содержанию богослужений и святых отцов стало бы значительной в жизни потребностью. Чтобы человек вкусил сам сладость сообразования своих поступков с волей Божией и далее мог бы научить этому своих подопечных. Чтобы он любил Бога больше, чем себя, а ближних любил так, как велит его верующее, благодатью очищенное сердце, сообразующееся с любовью Господа.

Из года в год шла работа над устройением учебного дела. Искалось правильное соотношение между объемом богословских, церковно-исторических знаний и практической жизни в церковном укладе. Нужно было услышать тот характер отношений между старшими училища и учащимися, те действия, правила и слова, которыми поддерживается во всех опора на чувство долга, совести и веры. Нужно было выстроить содержание жизни между церковными праздниками, постовыми и непостовыми днями, в которых ясно слышалось бы хождение Господу и за Господом в годовом круге богослужений и церковной жизни.

С самого начала мы поставили задачу устроить учебное дело так, как хотел и имел чаяние устроить его святитель Иннокентий Московский и написал об этом в своей статье «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества». Долгое время мы никак не могли услышать, как воплотить его основное завещание, сказанное в этой статье: «Мы должны руководить и готовить юношество к тому, чтобы они мало-помалу сделались жилищем Святого Духа (а без Него духовный – не духовный). Какие бы мы способы и меры ни изыскивали и не придумывали к тому, мы не можем найти лучше пути, которым достигали того святые Божии человеки, т.е. молитвой, трудом, смирением и воздержанием... Воспитанники наши, от самого вступления в училище и до окончания курса, должны быть точно то же, что были и есть ученики у старцев-иноков, т.е. должны быть послушниками в полном значении сего слова, ибо и они готовятся точно к великому послушанию и к образу жизни иному – духовному, а не мирскому... На это мне могут сказать, что если в послушническое платье одевать всех, то мы можем через то лишиться людей с отличными дарованиями, ибо не всякий захочет носить такое платье. Я бы сказал на это: туда и дорога таковым; кто не хочет носить смиренного платья, тот, значит, горд, а гордым не дается и не дастся благодать, а без благодати пастырь – не пастырь, а наемник».

Каждый год и каждый день мы молимся святителю Иннокентию, изучили его труды, всматривались в его жизненный путь. И не постыдились в своих дерзновениях. Из года в год одно к одному стал складываться тот порядок и характер учебной жизни в строгом и порой очень трудном укладе, который все более приближается, как мы думаем, к завещанию святителя. Мы верим, что совершается это его живейшим участием в нас, его благословением.

Много дал Господь мне самому пройти за это время. Первые годы волгоградской поры были наполнены жизнью оглашения. Помимо занятий учащихся дневного обучения шли занятия вечерних и субботних огласительных групп для жителей города. Группы эти набирались поток за потоком каждые полтора месяца. К весне пять таких потоков занимались параллельно в разные

дни недели. Помимо этого шли пятидневные занятия-семинары дважды в год в политехническом университете для преподавателей и сотрудников, работающих в нем, устраивались встречи и конференции с учителями города. Одновременно проходили занятия трехгодичного священнического отделения при Царицынском православном университете. В первом потоке двадцать четыре священника, во втором – девять, все со стажем иерейского служения в начале обучения от четырех до одиннадцати лет, приезжали каждую вторую и четвертую недели месяца в Волгоград и изучали сокращенный курс семинарии, занимаясь четыре дня подряд с девяти утра до пяти вечера. Владыка благословил мне параллельно с остальными должностями быть на этом отделении директором и преподавателем догматического, нравственного и пастырского богословия.

Это было время вдохновенного, напряженного служения. Оно длилось четыре года. Потом внешнее служение было оставлено, и началась кропотливая работа вглубь над устройством уже сугубо училищного учебного дела. Последние два года идет серьезная работа над образованием и устройством церковной общины, как теперь я вижу, самого трудного дела в Церкви на сегодняшний день.

Вместе с тем, внешние события вокруг училища происходили столь разные по характеру, что, наблюдая одни из них, я невольно который раз вспоминал, однажды сказанные мне, слова, что враг будет разносить впереди меня всякие несусветные басни, чтобы предубеждениями отодвинуть людей от нас. Что нужно, не смущаясь, трудиться. Кому нужно – и услышат, и откликнутся, и помогут».

Действительно, ищущих пользы людей было и остается очень много. Каждый год в летние месяцы приезжает с разных концов страны сто двадцать детей и подростков в «Страну Детства» в каждую смену. В целом свыше двухсот детей за две смены. Некоторые из них остаются на две смены подряд. За десять лет побывало в детском поселении более двух тысяч детей. Об этой работе рассказывают два журнала, которые выпускает училище – «Студенческий альманах» и «Вестник церковной педагогики»*.

Параллельно с детским поселением несет свое служение семейное поселение «Отрада». Здесь каждый год в двух летних сменах бывает около ста шестидесяти человек. Больше принять не можем. Это дети, подростки и их родители. В основном мамы с детьми, редко полные семьи: одна-пять за смену. За десять лет побывало около пятисот семей. Из них может быть наберется от силы восемь или девять человек за все десять лет, которые уехали из поселения недовольными условиями (они действительно мало устроенные из-за отсутствия нужных средств), другие – распорядком жизни (это поселение трудовое, с немалыми трудовыми нагрузками и со всеми воскресными и праздничными богослужениями, какие приходится на лето), третьи – наткнувшиеся на необходимость работы над собой. В поселении есть действия, помогающие человеку оглянуться на ситуации, которые у него произошли за день, увидеть причину, по которой ситуация осталась неразрешенной, услышать разницу своих действий, и тех наставлений, к которым призывает Евангелие дня либо Церковь в лице своих святых. Не всем эта работа по нутру.

Большинство преодолевают свое болезненное самолюбие. Но бывают один-два человека, которые закрываются в себе, отгораживаясь раздражением, ропотом или подозрительностью; им кажется, что к ним применяют непосильные требования. В ответ на слова, что поселение живет по такому уставу, отвечают, что в своих храмах они таких занятий не имели, и потому начинают подозревать нас в неправославии. С этим и уезжают. Одна из них, о ней мы упоминали в предыдущей главе, по этому поводу очень много шумела в Москве, писала письма в разные места и, похоже, что враг через нее много успел собрать себе жатвы. Умножилось число людей, верящих слухам и подозрительно оглядывающихся на нас.

Только каждому, слушающему эти выдумки, можно было бы здраво подумать. Разве есть где-нибудь приход, в котором никто никогда не разбрался на священника, и где за десять лет существования прихода ему как-то удалось угодить всем? Может быть, есть монастырь, из которого никто не ушел, особенно из числа тех, кто едва появился в нем и не прожил еще и полгода? Чем строже и серьезнее жизнь монастыря, тем больше из него уходят. Уходят ли тихо, с укорением себя? Увы, чаще всего, ругаясь на монастырь – как-то надо же оправдать, почему ушел. Даже на святой горе Афон в нашем русском Пантелеимоновом монастыре мне рассказывали о невероятных слухах, которые распускают о монастыре ушедшие из него. Мне говорят: «Вот, из училища некоторые уходят с бранью». Не только уходят, но нам самим приходится отчислять, как неспособных к дальнейшему обучению, обычно впадающих в ропот, дерзость, убегающих от послушаний, богослужений, беспомощных в обращении с детьми и просто невоспринимающих знаний по разным причинам: неспособности, лени (таких, кого отчислили административным решением, наберется около десятка, а много больше сами попросились оставить учебу, особенно в первые четыре года, когда мы принимали всех подряд, лишь бы только человек выразил желание учиться). Теперь прием в училище – это строгий отбор и испытание абитуриентов по трем сферам жизни: церковному укладу, служению детям и усвоению знаний. В результате отсеяв в ходе обучения свелся к крайнему минимуму.

Два года назад один священник в Москве говорил пред аудиторией: «Вы заметьте, к нему (то есть ко мне) идут люди определенного склада». То есть, по его представлению, то ли какого-то ущербного склада, то ли чего-то особенно ищущие, то ли чем-то оскверненные и, видимо, в его понимании какие-то уж совсем «ненашенские». Но о людях какого-то определенного, ущербного и тем более «ненашенского» склада говорят все безбожники, имея ввиду под этим всех православных. В то же время, есть ли православные, не оскверненные никакими грехами? Мера у всех разная. Сейчас из тюрем все возрастает число писем от узников, прочитавших мою книгу «Обрести себя». Просят не оставить их, поддержать и другими книгами. Что касается слов «к нему идут люди», так ведь все в Церкви именно так и происходит. Одни через всю Москву едут именно к отцу Артемию Владимирову и не хотят ехать к отцу Димитрию Смирнову. Другие едут к отцу Димитрию и не хотят больше никуда. Третьи за пределы Москвы едут только к отцу Валериану Кречетову. Даже в Лавре одни многие годы ходят к отцу Науму, тогда как рядом принимает отец Кирилл. В то же время другие ходят к отцу Кириллу, тогда как рядом принимает отец Наум. Есть, конечно, и такие, которые везде бывают. Не будем же мы разбираться, по какой причине все это происходит. Тем более применять это для того, чтобы начать метить всех священников через их паству. Разве не есть все это вместе единый церковный народ, конечно же, ущербный, конечно

же, оскверненный, и, конечно, ищущий? Разве есть кто из нас не таков? Дело ведь не в ущербности нашей, а в желании и готовности трудиться над собой.

В семейных поселениях число людей, кто захотел трудиться над собой и искренне стал вникать в церковную жизнь, составляет за десять лет четыреста девяносто один человек (это из пятисот, речь идет только о взрослых). Они единодушно благодарят устроителей поселения, сотрудников и студентов за богатое по результатам и пользе прожитое время. Есть семьи, которые приезжают в поселение несколько лет подряд. Больше половины людей очень серьезно переживают за свое ближайшее будущее, как смогут они сохранить у себя на местах то богатство церковной жизни, которое обрели на поселении. Чаще всего у себя в городе, посещая храм, исполняя обычный порядок домашних правил, они и не подозревают, что жизнь Церкви совершается еще и во внутреннем человеке. Они об этом много читали, много знают, но, оказывается, мало что вводили в свою реальную внутреннюю жизнь. А когда в поселении начали это делать, встретились сначала в себе с бранью на такие действия. И только распознав поднявшуюся брань с помощью устроителей поселения, люди преодолевают ее, исповедуясь, причащаясь, молясь Богу. Затем, вступив в действия действительного осуществления заповедей Божиих и наставлений Церкви в обращениях друг с другом и со своими детьми, видя, как это делают другие, они приходят к той простой правде, к которой призывает Господь. Как же счастлив человек, когда все это пережив к концу смены испытывает искреннюю и нескрываемую радость свободы быть человеком Божиим, пусть в начатке, но для него начаток переживается уже как богатство. Он не хочет его терять.

В конце лета, уже шесть лет подряд, собирается традиционный (каждый год в одно и то же время, с 6 по 13 августа) Августовский педсовет как внутригодичная секция Международных Рождественских образовательных чтений. Около пятидесяти человек приезжают из разных концов России и Ближнего Зарубежья. Священники, руководители и учителя воскресных школ и православных гимназий, директора и преподаватели огласительных курсов, духовных училищ, активные прихожане разных храмов. Семь дней серьезной и углубленной работы над устройением дела обучения и воспитания в Церкви. Наиболее сильные педсоветы были в те годы, когда Промыслом Божиим собирались не столько те, кто хотел послушать, сколько те, кто на местах делает какое-либо реальное учебное дело и находится в серьезном поиске путей, как это делать. На таких педсоветах мы узнавали порой об удивительной работе, которую совершает тот или иной священник или устроитель у себя в городе или селе. Подходы, способы устройства дела, смыслы, практические решения, умение сохранить и умножить церковный дух, с которым совершается весь труд – все это было предметом особого внимания со стороны всех участников. Много обретений давали серьезные обсуждения ключевых вопросов, которые назрели в деле особенно церковного воспитания. Подробнее о содержании такого «сильного» педсовета можно прочитать в нашем «Студенческом альманахе», в 1-ом его номере.

За время педсовета люди подробно познакомились и с нашим училищем, встречались со священниками, преподавателями, сотрудниками и учащимися. Много добрых отзывов содержится в папке, которую наполняют участники в конце педсовета. За эти годы появилось какое-то число людей, которые регулярно приезжают на педсовет. «Это всегда, – говорят они, – сильное и значительное продвижение в наших представлениях о том, как возможно устраивать

дело церковного обучения и особенно воспитания». На педсовет люди приезжают свободно, кто может и кто хочет. Бывает, командируют архиереи из епархий. Результаты работы педсовета всегда выносятся в виде докладов на ближайшие Рождественские чтения в Москве.

Здесь, в Волгограде, в моем малосознаваемом желании дарить людям жизнь, началось новое, раньше незнакомое мне служение: поиск и живое, сердечное обретение условий и средств для высвобождения в людях духовной жизни. До этого было прочитано много церковных книг, учебников по разным богословиям, трудов святых отцов, житий угодников Божиих, разных статей в православных газетах и журналах. Но только теперь, в последние пять лет книжное содержание стало наполняться живой реальностью нравственной и духовной жизни. Все предыдущее служение в действиях и словах о духовной жизни, оказывается, было подготовительным, провозглашаемым, желаемым, но мало исполненным внутренней жизнью Духа. С другой стороны, и сегодня открывающаяся правда духовной жизни, скорее всего, есть лишь сколок с той, которую действительно может дать Бог. И, тем не менее, даже сколок, даже отражение – это столь явственная новь внутренней жизни, что невольно проникаешься искренней и сердечной благодарностью Богу за это обретение.

Видимо, нужно было пройти столь долгий путь (двадцать пять лет активной внешней церковной жизни), чтобы в собственном сердце когда-то начать делание, о котором так много и так подробно пишет святитель Феофан Затворник в своих двух важнейших книгах «Начертание христианского нравоучения» и «Путь ко спасению». Столько времени потребовалось, чтобы в служении людям только-только подойти к разумному применению православной аскетики и некоторым начаткам действительно пастырского труда. Увы, до нынешнего времени все это было хорошо известно моему сознанию и почти закрыто для моего сердца. Не знаю, открыто ли теперь. «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма» (Мф.6:23)? И сколько еще во мне тьмы, из-за которой я не слышу света?..

Теперь, вслушиваясь в путь, дарованный мне Богом, слышу, как первые годы в работе с детьми искал и находил условия и средства для жизни в них внешних достояний души – способностей, разсудка и эмоций; дальше в работе с молодежью началось высвобождение в них нравственных смыслов жизни и начатков разумения себя. В работе с родителями в семейном клубе все применяемое в нем я прилагал уже к внутренним достояниям души человека, ее силам, не вполне еще сознаваемым мною, но невольно, из попечения о людях и начинающейся нравственной чуткости к ним, пробуждаемым в событиях жизни клуба и их жизни в семье. В первый период в Волгограде открылся порыв уже к собственно духовной жизни. О ней можно было говорить открыто, в нее можно было идти не прячась. Это был период внешнего оглашения. И только теперь, в последние пять лет, начался действительный труд над воцерковлением, в котором люди обретают уже внутренние отношения с Господом.

Многие благословения моих духовных наставников и духовного отца только сейчас начинают обретать сугубую явь, которая не просто присутствует во мне, как это было раньше, а начинает руководить внутренней жизнью и моим служением людям.

Как не слышал я всего этого раньше? Не умел, не знал, а может быть, в самодовольном увлечении и не хотел подхватить Божии прикосновения, внутренние Господние уроки и живые назидания. Сколько их было за всю мою церковную жизнь! Благодатное горение в период призывающей благодати в первые пять лет после крещения, в первые пять лет после хиротонии. Непридуманые уроки, какие Господь сподобил пережить через молитвы и руководство моих духовников и наставников. Неизъяснимые чудные откровения, которые Господь подарил мне в дни пребывания: одно – на Святой Земле в храме Гроба Господня и другое – на Святой горе Афон.

В тот момент, когда все это давалось, я жил им, благодарил, а, бывало, и забывал благодарить Господа. Как младенец ни о чем не печется от себя, только принимает, радуется, а когда не дают, горюет, что не дали, и больше никаких движений не делает. Так и я провел двадцать лет в Церкви, оставаясь неразумным младенцем. И только теперь, в последние пять лет начал возстанавливать прошлые уроки, по крупницам собирать их, соединять между собою, соединять с самим собою, все вместе соединять с Евангелием и трудами святых отцов, обращая при этом сердечные расположения к Господу, Матери Божией и к святым. При том слышу, что и обращение это не столько мое, сколько по благодати подвигается во мне. Но я теперь могу разумно быть с ним, могу уроки усваивать и применять к обстоятельствам жизни, к своему пастырскому и педагогическому служению в училище, как это могут делать дети, став учениками первого класса школы. А до этого не было очень важного и главного. Внутренние уроки, которые давал Господь, я не соединял ни своим соразумением, ни с трудами святых отцов, ни с собою безблагодатным и тем более греховным. Отсюда многое знание, усвоенное мною, было схоластичным, многая деятельность, совершаемая мною, была больше внешней, нравственной, но малодуховной, по начальной вере устремленная в церковную жизнь, но не ведающая внутреннего делания.

Теперь я задаюсь вопросом: возможно ли моим подопечным, кто сегодня поступает и дальше, если Бог даст, будет поступать в училище, проходить этот путь не так долго, как пришлось идти мне? Можно ли так устроить обучение, чтобы этой способности разумения себя, своей жизни, своего служения, и далее соединенной с разумением способности внутреннего делания, т.е. сообразования своей воли с волей Божией можно было бы обучать с первых дней поступления в училище?

Опыт десяти лет развития учебного дела в училище показывает, что наша разборчивость в том, что мы делаем, обретаемые из года в год практика и умения делать лучше открывают нам в этом надежду. Тем более, что виден результат этих десяти лет, как в учащих, так и в сотрудниках. Виден и нам, виден и приезжающим к нам посмотреть на то, что происходит у нас.

В то же время есть и объективная немогота, из-за которой для многих людей неизбежен долгий путь. Что сделаешь, если человек не может услышать, что есть самоукорение, или разумение себя, тем более, что есть сообразование своей воли с волей Божией? В представлениях усваивает, на экзамене может ответить на «хорошо» и «полно», а в жизни этого не может пока делать.

Отсюда напрашивается смешанный тип учебного заведения. В него можно поступать хоть на всю жизнь. Жить в нем под руководством наставников, выполняя послушания и учебные действия. По мере усвоения очередной ступени, класса, переходить на следующую, в следующий класс. Если кто по испытанию не выдерживает, пусть останется в прежнем классе. Мера послушаний в училище у него увеличится, а мера учебных действий станет меньше. А может остаться прежней. Или наоборот, мера учебных действий возрастет. Здесь уже как решит педсовет. Лишь бы сам учащийся искренне хотел продолжать учиться церковной жизни и служению и имел бы серьезное старание. По окончании любого класса он мог бы закончить и обучение в училище. Ему бы выдали документ, из которого было бы ясно, к какого рода служению, в каком объеме и в каком качестве он подготовлен. Тогда и классов могло бы быть и десять, и пятнадцать. Знать бы только точно, что в каком классе осваивается, к каким служениям человек приготавливается, и какую классность он при этом обретает. Желающие оставаться в училищных послушаниях и служениях могли бы оставаться в них, возрастая духовно и нравственно, хоть всю жизнь. Тем более, что число училищных служений из года в год растет.

Мне думается, все это возможно, если только «оставив все (прежние) попечения своя», пойти за Господом в Его Церковь. И остаться в Ней раз и навсегда, в покаянном чувстве вздыхая: «Господи, помилуй» и послушанием Церкви совершая искреннее свое служение.

??

Глава пятая. Педагогическое призвание

С приездом в Волгоград начался сугубый труд над восстановлением в каждом человеке, приходящем ко мне, его богодарованной души. Того сокровища, ради которого Господь не пощадил Себя. Теперь, оглядываясь назад, вижу, что попечение об этом составляло с самого начала моей сознательной жизни главную движущую силу моих порывов и устремлений, по-видимому, то самое, что в народе называют призванием.

Действительно, этим я могу объяснить теперь занятия с первоклассниками в качестве шефства в то время, когда сам учился в пятом и шестом классе в школе. Затем был дворовый отряд «Сокол», в котором собралось около двадцати детей с двух улиц, где я жил. Сам я закончил тогда девятый класс и все лето, а потом и зиму занимался детьми младше себя. Мне хотелось открыть перед ними мир живой природы и удивительный мир звезд, их эволюции и устройства. Увлеченный биологией и астрофизикой, я прочел все популярные книги, какие нашел тогда в школьной и районной библиотеке. Содержание этих книг приносил ребятам, и они заворожено слушали мои рассказы. А потом мы шли в природу, на экскурсии, по вечерам наблюдали звездное небо, заучивали созвездия. Увлекаясь туризмом, учил их разжигать костры, готовить еду, ходить в небольшие походы. На привале мы много играли, разучивали народные игры, которые в обилии я

находил в книгах. Дома ставили спектакли, собирали родителей и показывали им. С концертами всем отрядом ездили к солдатам в военный гарнизон, выступали перед ними. Участвовали в городских состязаниях наряду с другими дворовыми отрядами и даже умудрились завоевать четвертое место среди двадцати отрядов. Для меня это было удивительно и радостно, так как другие отряды были руководимы взрослыми людьми, а я был школьник.

Несмотря на такое явное и живое призвание, я как-то не придавал ему никакого значения. Все рвался быть ученым: сначала астрофизиком, потом, в последний год перед выпуском, сильно потянуло в биологию.

С этим я и приехал в Москву поступать в МГУ на биолого-почвенный факультет. Провалился на математике, хотя и закончил школу с серебряной медалью. И оказался в Московском педагогическом институте им.Ленина на биолого-химическом факультете. Таков был Промысел Божий. Учился хорошо, за все пять лет было только две тройки, а несколько сессий сдавал на одни пятерки. И опять потянуло к детям. Весь третий курс я ходил в соседнюю школу и вел там кружок зоологии. Но и этому не придавал значения. Думал, что это мое увлечение, которое есть у меня для души, а главное дело моей жизни – наука.

По окончании института вместо распределения в школу ученый совет рекомендовал меня в аспирантуру. Из ста человек нас таких было двое. Дальше – год стажировки и четыре года очной аспирантуры в институте эпидемиологии и микробиологии им.Ф.Н.Гамалеи. В середине первого года аспирантуры я попросил моего руководителя Инну Михайловну Гроховскую, доктора биологических наук, разрешить мне преподавать уроки биологии и химии в школе два дня в неделю. «Справишься два дела тянуть?» – спросила она. «Думаю, справлюсь».

Она разрешила. Так началась моя педагогическая деятельность, которая с годами забрала меня всего. Началось с уроков. Мне хотелось вести их так, чтобы дети, занимаясь биологией и химией, стали жить всей широтой и глубиной своей души. Предметом занятий была биология и химия, а предметом моих забот и попечений – жизненная свобода и богатство проявлений их души.

Они забывали обо всем на свете, открывая для себя мир биологии и химии, совершая детские изыскания явлений окружающего их и казалось бы, привычного им мира. Они делали это на уроках и в домашних заданиях, делали с увлечением и радостью. Школа была специализированная, французского языка, входила в десятку лучших школ Москвы. Дети в большинстве своем – отобранные, одаренные.

Какое же счастье было для меня видеть их от всей души живущих на уроке. Мы общим решением четырех классов, в которых я преподавал, отменили оценки. Для формы что-то ставил в журнал, а с ребятами договорились заниматься биологией и химией не ради оценок. На уроках мы затевали

игры с предметным содержанием, групповые общения, время от времени дети распределялись на учителей и учеников, были у них контрольные работы, сочинения.

Дети знали оба предмета – и биологию, и химию. Это было видно по предметным олимпиадам, устным и письменным их работам и по тем сложнейшим порой схемам круговорота веществ в природе, которые они составляли сами на основании усвоенного материала. «Домашние задания по зоологии, – рассказывала одна мама, – дочь стала делать сразу после школы, отказываясь даже от обеда. Пока не сделает, не идет есть. А потом много рассказывает, что узнала нового». Все четыре класса как-то особо подтянулись. Чувство ответственности за себя, за природу, за все, что происходит в их классе, начало собирать детей.

Уроков нам стало мало. Душа жаждала простора, и однажды я предложил детям устроить клуб юных ботаников и зоологов. Детское «ура!» было таким звонким, что с четвертого этажа на пятый прибежала завуч с вопросом: «Что у вас тут делается?» Начались занятия вне школьной программы по биологии, по философии, психологии, мы завели живой уголок и стали проводить наблюдения за животными по этологии (наука о поведении животных), начались походы с субботы на воскресенье, экскурсии в московские художественные музеи и в музей природы, выходы в театры, отношения с московским обществом естествоиспытателей, по заданиям которых мы стали выезжать в летние экспедиции продолжительностью в сорок дней. Там же ходили в категорийные походы. Обходили все Подмосковье, прошли вдоль реки Мологи в Калининской области, побывали на Байкале, Алтае, на Кольском полуострове. За несколько лет ребята выросли до второго и первого юношеского разряда по туризму. А сам я выполнил норматив первого взрослого.

Мне не хотелось делать из них ни биологов, ни туристов, ни деятелей культуры. Все эти виды занятий нужны были только потому, что за каким-то внешним предметом душе нужно было идти. Шли за таким предметом, которым я сам хоть как-то владел или мог подтянуться в нем по ходу. С детьми жил их радостью, бодростью их жизни. Теперь, вслушиваясь в происходившее, слышу, что жил их жизненной живостью. Детское «ура», подъем и возвышенность в настроении, готовность идти ради высоких идеалов хоть на край света, предельная ответственность, предельная собранность сил души и духа, нравственное напряжение в размышлениях о смысле жизни, решимость переступить через свое худое, готовность к подвигу и вкус к жизни, устремленной ко всему высокому, совершенному – это составляло в то время важнейший предмет моих устремлений в детях. И дети отвечали искренней преданностью такому характеру жизни.

Больше того, не только дети, но и их родители ответили тою же искренностью и, оставив прежние свои домашние увлечения, пошли за нами, влились в нашу полную событий клубную жизнь. Появилась в «Комсомольской правде» большая статья И.И.Зюзюкина «Гармаев и другие». Потом был снят документальный фильм под тем же названием и показан по центральному телевидению. Полгода режиссер фильма С.М.Зеликин и его группа студии «Экран» почти жили с нами, снимая его, выезжали даже в составе нашей экспедиции на Кольский полуостров. Фильм вошел в золотой фонд документальных фильмов, вызвал бурную реакцию в самых разных кругах

общества. По нему в центральных газетах и журналах вышло тринадцать больших рецензий-исследований, написанных известными журналистами и писателями. Самой значительной была рецензия В.Тендрякова в газете «Правда». С этого времени я стал писать статьи по педагогике, которые печатались по две-три в год в центральных газетах и журналах. Так, по несколько статей вышло в разные годы в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Неделя», в журнале «Семья и школа».

Все это происходило до моего крещения. Было завершение работы над диссертацией и успешная ее апробация. Потом закрылся ВАК, который утверждал присвоение ученой степени, и все защиты по стране заморозились на два года. Я все еще теплился думами о научной стезе и никак не хотел признать педагогику как основное дело в своей жизни. Но Господь судил иначе. Без защиты диссертации я оказался в жизненной паузе. Кончилась тогда московская прописка, которую давали на время учебы, и я выехал в подмосковное село в Луховицкий район на 143 километр (так и называлась остановка электрички).

Потом женился. Вернулась московская прописка. Началась работа в школе №91 академика В.В.Давыдова. Был заместителем директора по воспитательной работе. Потом в такой же должности трудился в школе №343 и затем в микрорайоне Кировского района уже в должности педагога-организатора. Параллельно с этим на общественных началах позвал студентов с разных ВУЗов Москвы в двухгодичную молодежную школу общения, начались чтения лекций и занятия для родителей, которые переросли затем в Московский семейный клуб, куда, в конечном итоге, я и перешел его официальным руководителем. Из семейного клуба родилась лаборатория нравственной педагогики и культуры при инновационном объединении АН СССР, где Господь поставил меня заведующим. Возникли курсы нравственной педагогики и культуры преподающего Сергея Радонежского при отделе религиозного образования и катехизации Московской Патриархии. В промежутке между этими служениями был период работы в библиотеке Духовной семинарии и Академии в Сергиевом Посаде в должности библиографа.

Во всех этих перемещениях и изменениях должностных обязанностей никогда не трогала меня зарплата. Не ради нее я трудился. Не влекли и должностные ступени. Мне никогда не нужно было иерархическое место ради какой-либо власти или руководства. Должности помимо моей воли сопутствовали самому служению и всегда отвечали тому масштабу и характеру служения, которым я жил в тот или иной период. Поэтому, если служение меняло свой характер и масштаб, я без промедлений расставался с прежней должностью и переходил на новую. Это равноценно переходу с летней одежды на осеннюю, с осенней на зимнюю.

Как теперь слышу, главным были для меня занятия с людьми, детьми, подростками и молодежью. Но и не просто занятия сами по себе, а возможность этими занятиями дарить жизнь людям, чтобы они испытали, пережили, что такое – жить от всей души.

И Господь давал это делать. Делать щедро, забывая самого себя и, одновременно, живя всем собою, насколько мог в тот или иной период своей жизни. Люди, побывавшие в этих событиях, до сих пор вспоминают о них, как о самом ярком, радостном и нравственно чистом периоде своей жизни. До своих тридцати лет я не мог подарить им духовной жизни, я не был еще с ней знаком. И поэтому дарил им жизнь нравственную. Богатую, полную сердечных откровений, творческих находок, неожиданных поворотов к новым нравственным смыслам, которые и для меня открывались в своей непредсказуемой глубине от события к событию, от одного периода жизни к другому. Много давало знакомство с бытом и нравом русского народа. Много я черпал из педагогического наследия классиков педагогики, труды которых с карандашом в руке внимательно изучал. Во многом помогала мне суровая и строгая школа научной работы, которую прошел в годы институтской учебы и аспирантуры.

Здесь я должен сказать, что никогда, ни в каком качестве не занимался оккультными делами. В основном по просьбе людей и, отчасти, по своему естествоиспытательскому интересу, один-два раза посещал занятия различных групп в первые годы после своего крещения. Люди, приходившие на педагогические занятия, спрашивали, как относиться к ним. Чтобы было, что ответить – приходилось бывать в этих группах. Нравственным чувством (другого у меня не было) вслушивался в то, что происходит. И Господь всегда давал слышать ложь происходящего, давал то разумение, которым можно было сказать всем спрашивающим, почему этим не нужно заниматься. С разъяснениями в ответах на вопросы я выступал потом перед большими аудиториями в Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Киеве и еще в ряде малых городов, куда меня приглашали ради лекций педагогического и нравственного содержания.

Потом, в Волгограде, будучи уже священником, в течение двух лет пытался сам вникнуть, что происходит с женщинами, у которых вдруг открылся дар целительства. Несколько таких человек приходили ко мне, как священнику, с вопросом, как им быть с этим даром и как к нему относиться. В искреннем желании помочь им выпутаться из тенет вражиих я какое-то время занимался с ними, вслушивался в то, что происходит в их душах, наставлял, исповедывал, давал правила, советовался о некоторых из них с Владыкой. За полтора года моих занятий с каждой из них результата никакого не вышло. Так они и остались при своем целительстве. Не смогли его преодолеть. Выводы из всех этих изучений записал в главе «Об экстрасенсах, целителях и о том, как относиться к болезням» книги «Пути и ошибки новоначальных».

Нравственный труд в моих занятиях с детьми, молодежью и родителями открывал удивительный мир человеческой души. Ее дарований, красоты и дивных возможностей, которые так богато являли люди в прежние времена, в прежних поколениях, даже в каждом предыдущем. Опыт всей моей работы с людьми поддерживал во мне веру и подтверждал убеждение, что эта красота, сила и богатство души возможны и в наше время, в современных людях. Нужно только заниматься этим. Первое – людям с самими собою. Второе – воспитателям, наставникам, нравственным и духовным руководителям заниматься с ними, зная и умея, как это делать. Третье – создавать условия для нравственной и духовной жизни, т.е. тот уклад, в котором самими обстоятельствами, традициями и обычаями жизни задается необходимость нравственных поступков.

В московский период (до Волгограда) эта встреча с дарованиями и возможностями своей души переживалась людьми через яркие внешние события, которыми мы жили. Народные песни, но не тот фольклор, который поют открытым глоточным или трубным голосом разные хоры так называемой народной песни, а те песни, что исполняются естественным голосом в манере задушевной, глубокой, слушающей слова и идущей в своих переживаниях за ними, где главное – слово, а уже вслед за ним – мелодия. Народные игры, хороводы, ремесла, одежда, обычаи трапез, чин посадки, чин обращения к старшим, занятия и игры для младших, трудовые обычаи. Все это изучалось сначала в виде лекций, бесед, встреч с людьми, несущими это богатство в своей жизни, затем в практических занятиях, репетициях, уроках, а потом входило в реальную жизнь как минимум на те часы, в которые мы собирались в семейном клубе и жили в укладе, заданном этими обычаями. Летние выезды в семейные поселения были уже полным погружением на целый месяц в эту «народную жизнь». Внешне, для сторонних людей, это выглядело как игра в жизнь, многих, в том числе и отдельных священников, раздражало, вызывало насмешки.

Для нас же все было всерьез. Потому что за каждым событием, за каждой деталью этой жизни стояли нравственные смыслы. За смыслами стояли те или иные дарования души, благодаря которым только и возможно было правильно, нравственно расположиться в том или ином событии или действии и искренне исполнить их, будь то песня, игра, многоголосие, ремесло или труд на поле.

Оказалось, что душа не всегда и не во всех этих движениях свободна. Ее держат в своих тисках различные неверные установки, худые привычки нрава или своенравие, комплексы, эмоциональные зажимы и множество разных проявлений греха, из-за которых человек стесняется открыто побыть в простых и, в общем-то, естественных действиях. Может быть, совсем и не вполне привычных, но так желаемых и нужных для души. Например, петь народные песни, которые давно уже не принято петь; играть в игры, в которые никто уже давно не играет (в лапту, «бояр», в ручеек); поучаствовать в многоголосии, вместо того, чтобы устраивать концерт с артистами на сцене и зрителями в зале; быть на трапезе, где нет вина или есть общая чаша, при этом быть в искренней и широкой радости, откуда невозможно ни напиться, ни упиться за время праздничного застолья, но жить одним только его церковным содержанием.

В современной церковной среде все эти потребности души остаются в людях, но исполняются на современный и, часто совсем не благочестивый, лад. Вместо трапез – застолья с обильным вином и водкой. Вместо посвященности трапезы церковному празднику: Господу, Матери Божией, святому – обычное веселье с разговорами на какие угодно темы и пение современных песен, которые никак не связаны с церковными событиями. Вместо игр – танцы, вместо хороводов – концерты и зрелища телевизионные, вместо многоголосий – пересуды и обсуждения, вместо единого содержания – многоцветье тем разговора обо всех случаях жизни. А в основе всего этого лежит жизнь себе в удовольствии.

На поверку вся эта, исполненная довольства, жизнь оказывается проявлениями не только не облагодатствованной души, но еще и не воспитанной в добрых манерах, поступках, содержаниях, к тому же и не знающей естественных благородных и простых обычаев, в которых душе жилось бы нравственно, свободно и чисто. В народе эти обычаи и искреннюю преданность событию обретали веками и удерживали в каждом следующем поколении благодаря старшим хранителям уклада. А ныне после советской семидесятилетней разрухи откуда всему этому взяться, если не возстановлять по крупицам, с усилием и тщанием? Придется при этом преодолевать насмешки и укоризны сомневающихся, сопротивление противящихся и возстание ненавидящих. Сколько всего этого уже вылилось на мою голову за последние двадцать с лишним лет...

Если бы эти люди знали, как дороги душе каждого человека, в том числе и их душе, эти, да, устаревшие обычаи русского православного народа, но устаревшие для души, помраченной грехом и потому более привычной к современным «нормам», а в глубине остающейся все равно молодой и потому желающей все старое для нее как всегда молодое и новое. Потому что новизна эта приходит не от придумок и пустых фантазий, а от любви и доверия к старине, от богодарованных свойств души, которые в старинном находят свою жизнь, от чистоты сердца, от правдивости ума и честности в поступках, от искренней веры и живой совести. Это то содержание и те древние формы, в которых живет добрый нрав человеческий. Его, высвобождающаяся навстречу друг другу жизненность, в этих формах видимую, творит новизну. Более того, даже само высвобождение из-под уз греха и смерти душа слышит как новизну жизни. Это та новизна, которая дорога Богу, в которой живет Его благословение, и которая обретается Его участием в нас. Она обретается в таинствах крещения, покаяния и Причастия, в богослужебных бдениях, постах и воздержаниях, молитвах. А проявляется в жизни мирян в богатстве дарований души, в простом и благодатном укладе, добрых отношениях друг с другом, благодатных искренних обычаях, пришедших к нам из старины.

Для того, чтобы после внутрихрамовой богослужебной жизни войти в жизнь бытовую и трудовую, в которой бы продолжались дыхание и содержание богослужения, нужно переступить порой через свое насмешничество или горделивое надмение, идущее из сознания, будто век нынешний прогрессивнее, умнее века прошлого, будто все современное навсегда отменило все патриархально-старое. Будто благодатно жить нужно в тех именно формах и содержаниях, которыми живет весь современный мир. Будто нынешние условия сами собой отменяют прежние и труд, и семейный лад, и общинно-церковный уклад жизни, или переводят их в иные, современные формы и содержания. Для кого отменяют и переводят, а для кого и нет.

Пусть не пугают искренних в вере людей обращение к исконным обычаям Церкви. Трудны они и порой кажутся непосильными, но непосильность эта только потому, что мы не решаемся искренне и решительно пойти за Господом. Но сегодня именно это и только это нужно. Взять крест свой и следовать за Ним. Все остальное разве имеет значение?..

Слово к братьям и сестрам

Из года в год все возрастает церковная община прихода Сорока Мучеников Севастийских, а в ней Свято-Сергиевское училище общинноустроения – православной катехизации и церковной педагогики. Действуют младшее подготовительное отделение, где обучение подростков в десятом и одиннадцатом классах совершается в общеобразовательной школе, а проживают они в православном укладе общины и училища; старшее подготовительное отделение первого и второго года обучения – люди старше 18 лет, специально в стенах училища готовящиеся к обучению в нем; само училище и в нем четыре ступени обучения (первая ступень двухгодичная) – это люди от 18 до 35 лет, прошедшие испытания на обучение и теперь учащиеся. Есть сотрудники, преподаватели, воспитатели, в их числе священники, диаконы, несущие те или иные послушания по обучению, воспитанию, общинноустроению; сотрудники хозяйства общины, обеспечивающие ремонтные, строительные работы, поддерживающие огород, сад, коровник, птичник, бытовые службы; сотрудники и строители храма преп.Серафима Саровского, храма Сорока Мучеников Севастийских, жилых и учебных корпусов, которых сегодня нет, а нужда в них стала крайне острой; сотрудники и персонал двух летних поселений – детского и семейного, где нужно почти все строить заново, так как старое пришло в невозможную ветхость. Все, перечисленное выше, небольшое по своим размерам. Сотрудников хозяйства, ремонтников, строителей храма, корпусов, летних поселений остро недостает – верующих, готовых трудиться и проживать в церковной общине, сегодня есть по два-три на каждом участке, новые люди постоянно приходят и приезжают, но по степени воцерковления и по нраву большинство из них не могут понести требования общинного церковного устава: нужно действительно трудиться, нужно действительно верить.

Ждем искренно верующих людей (в ближайшие три года принимаем только несемейных, для жизни семей нет пока условий), ждем желающих посвятить Богу всю свою жизнь и ради этого быть с нами, или приехать на год-два, чтобы потрудиться во славу Божию, или на месяц, два, три, чтобы и свою лепту вложить в дело Божие.

Еще большая нужда сегодня в материальных средствах. Значительные долги накопились за коммунальные услуги и аренду части помещений (более двухсот тысяч рублей за многие годы). Два года, как банковский наш счет находится на картотеке. Недостает денег на поддержание питания, бытовых нужд, зарплаты сотрудникам, а ведь это нужды ежемесячные и требуют постоянного притока денег.

Взять их неоткуда, кроме как через людей, которым Господь положит на сердце поучаствовать в нас. Сегодня дело училища и общинноустроения обретает такие размеры, что совершать его можно

только старинным православным способом – всем миром. Этому обычаю обязано немало добрых дел на Руси, начиная с храмов, различных благотворительных учреждений, и кончая крупными монастырями.

Мы сердечно благодарны всем людям, кто в последние годы поддерживает нас разовыми пожертвованиями, и особенно тем, кто стал регулярно присылать от своих доходов на поддержку наших нужд. Таких людей сейчас немного, чуть больше десяти. Тем более дорого для нас их сердечное участие.

Есть какая-то надежда, что в эту помощь нам обернется добрый отклик на мои книги. В значительной мере книги, особенно теперешние, есть результат напряженного труда, который совершается сейчас в церковной общине и училище. Чтобы поддержать содержание книг, нужно поддержать само дело, в котором они рождаются. Поэтому искренне надеемся на живой и деятельный отклик наших читателей, на силу взаимоотношений, которая по пробуждении своем не сможет пройти мимо нашей просьбы-обращения о помощи. Равно полагаем надежду на ревность и желание стать участниками общего для всех нас дела – церковного общиноустроения, воспитания, обучения, которое в малом своем опыте совершается здесь, в Волгограде. Примите участие сами или найдите тех, кто сможет принять участие. Господь да благословит любое Ваше доброе движение.

К этому добавим, что храмы у нас начинают строиться из кирпичей, за которые люди вносят свой вклад ради имен своих близких. Имена эти пишутся на кирпичиках, на каждом – по одному имени (стоимость кирпича – 15 рублей). Так что все стены будут возведены из имен людей, как усопших, так и живых. И каждую литургию, каждое богослужение они будут приходить на память Богу. Господи, это все чада Твои. Прими их и благослови благословением Твоим.

Деньги и имена нужно присылать на почтовый адрес училища Оринчай Ольге Павловне. Пожертвования на жизнь и дело училища присылайте на почтовый адрес, также Оринчай О.П. или на расчетный счет прихода Сорока Мучеников Севастийских.

Протоиерей Анатолий Гармаев, сотрудники, учащиеся

Для желающих принять участие в развитии училища сообщаем наши реквизиты:

Местная православная религиозная организация

Приход Сорока мучеников Севастийских г.Волго-

града

Волгоградской епархии

Русской православной Церкви

ИНН 3448022450 КПП 344801001

Р/с 40703810411140100132

в Красноармейском отд. 7247

г.Волгограда Волгоградское ОСБ 8621 г.Волгограда

БИК 041 806 647

Кор. Счет 30101810100000000647

При посылке пожертвований просим очень внимательно переписывать все слова в названии, начиная: «Местная православная религиозная организация» и далее, не пропуская ни одного слова. Иначе деньги ваши до нас не дойдут.

волгоградское свято-сергиевское епархиальное училище православной катехизации и церковной педагогики

Директор – протоиерей Анатолий Гармаев

Училище существует с 1993 года. За пять лет обучения студенты изучают два круга предметов – богословского и педагогического содержания.

Богословский круг составляют: катехизис; догматическое, нравственное, основное и пастырское богословия; Новый и Ветхий Заветы; апологетика; церковно-славянский язык; история Церкви; богослужебный устав, литургия, церковное пение.

Педагогический круг составляют: общая церковная, практическая, семейная, возрастная, школьная и коррекционная церковная педагогика; христианская антропология; история православной педагогики; домострой; катехизаторское дело.

Большое место в жизни училища занимает педагогическая практика. Силами студентов и преподавателей проводятся летние семейные и детские православные поселения (по две смены), осенний и весенний четырехдневный сбор, Рождественские и Пасхальные праздники, действуют при училище «Трудовая дружина» подростков и детское объединение «Страна Детства».

С 2000 года открыта православная гимназия – старшее звено (10-11 классы).

Общеобразовательные предметы учащиеся гимназии изучают в обычной светской школе, а церковные – в гимназии. Проживают в общежитии, в церковном укладе. В гимназии, как и в училище, могут учиться юноши и девушки из разных городов. Принимаются в гимназию лица, имеющие минимум год (в училище минимум два года) активной церковной жизни: регулярно посещающие богослужения, участвующие в таинствах исповеди и Причастия. 21 день испытаний желающих поступить в гимназию начинаются ежегодно с 3 июля в семейном православном поселении.

В училищном храме – «Сорока Мучеников Севастийских» проходят алтарную, клиросную и ризничную практику и практику чтеца. Юноши готовятся к служению диакона и священника с пастырским попечением о детях и их родителях.

В настоящий момент материальная база училища крайне скудная. Все средства уходят на содержание студентов. Питание и проживание в училище бесплатное.

Училище готовит:

катехизаторов;

православных педагогов;

кандидатов для принятия священного сана.

Условия приема:

на дневное и заочное отделения училища

Срок обучения – 5 лет.

В училище принимаются лица с полным средним образованием, имеющие стаж активной церковной жизни не менее 2-х лет. Возраст поступающих на дневное отделение – до 35 лет, на заочное – до 45. Семейные на дневное отделение не принимаются.

Приемные испытания совершаются в летнем поселении с 1 июля каждого года.

Испытания проходят в три этапа:

Испытания жизнью и укладом поселения (продолжительность 7-12 дней);

Пребывание на детском поселении в течение 7 дней. Для поступающих на заочное отделение испытания могут быть ограничены первым и третьим этапами. Прием на заочное отделение происходит с 13 по 26 августа и с 5 по 19 февраля.

Экзамены по «Закону Божию» (прот.Слободского), на знание Евангелия (событий, чудес, притч), сочинение на одну из церковных тем;

Прошение на имя директора училища.

Копия аттестата об образовании.

Медицинская справка по форме 086-У.

Три фотографии 3х4 см.

Характеристика или рекомендация от приходского священника (по возможности).

Прошение присылается письмом. Остальные документы привозятся с собой.

Необходимо заранее узнать стоимость проживания в испытательный период (24 дня).

Дальнейшее обучение в училище бесплатное.

Поступившие в училище остаются в поселении для начинающегося сразу обучения.

Учащиеся обеспечиваются общежитием.

Адрес училища:

Свято-Сергиевское епархиальное училище

православной катехизации и церковной педагогики,

ул. Голубева, 1-а, г. Волгоград,

400031, Россия

тел./факс (8442) 40-76-81

при волгоградском свято-сергиевском епархиальном училище православной катехизации и церковной педагогики

Открыты

заочные родительские курсы церковной педагогики

В программе курсов следующие предметы:

Общая церковная педагогика

Возрастная церковная педагогика

Семейная педагогика

Практическая педагогика

Учение Церкви о семье

Заочные курсы рассчитаны на два года: по восемь учебных месяцев в году.

Обучение совершается в четырех формах: аудиторные групповые занятия, практика в летнем семейном православном поселении (1 смена – 21 день), самостоятельная работа с книгами, пособиями и письменные домашние задания.

Аудиторные занятия в группах по 3-7 человек проводятся раз в неделю по прописям и аудиозаписям лекций, которые прилагаются к данному курсу.

Каждое занятие состоит из нескольких действий, различных не только по содержанию, но и по форме. Это и знакомства, и несколько видов общения в группах, и изложение трудностей домашнего воспитания.

Второе действие каждого занятия – это прослушивание кассеты с очередной лекцией по одному из видов православной педагогики.

Третье действие – чтение нравственных бесед из книги «Тихий разговор с совестью». Они имеют большое значение и требуют в последующем самостоятельного неторопливого чтения и размышления. Разобравшись в содержании бесед, хорошо и полезно читать их своим детям и вообще всем домашним. По вечерам, в тесном домашнем кругу чтение такой беседы принесет несомненную пользу. Разговор о ней желательно перенести на следующий день, чтобы глубину впечатлений не осуетить в беседе.

Четвертое действие – сообщение о предстоящем церковном празднике.

Для учащихся курсов желательна практика в летнем семейном поселении в июне или июле. В осеннее-зимний сезон будут организованы еще три смены продолжительностью 21 день.

Группа приобретает комплект для своих занятий. В него входят пособия для проведения занятий и четыре книги по два экземпляра. Комплект кассет первого года обучения с записями 24-х занятий и начальными пособиями стоит 1500 руб.

Занятия можно совмещать с уроками в воскресной школе. Там вы получите знания вероучительные, на курсах же идет церковно-педагогическое содержание: одно будет помогать другому.

По завершении года учащиеся показывают экзамены.

На курсы принимаются люди всех возрастов, начиная с 17 лет. Желающим учиться нужно на местах собрать группу и от ее лица старшему группы вступить в отношения с училищем.

Для поступления на курсы от каждого подается прошение на имя директора училища, краткая характеристика семьи (члены семьи, их возраст, проблемы и вопросы, волнующие семью: о воспитании детей, о развитии и становлении семьи).

Прошения и характеристики нужно высылать на адрес училища:

Свято-Сергиевское епархиальное училище

православной катехизации и церковной педагогики,

ул.Голубева, 1-а, г.Волгоград,

400031, Россия

тел./факс (8442) 40-76-81

e_mail: izdat@vlink.ru

Книги священника Анатолия Гармаева, изданные ранее

Этапы нравственного развития ребенка

Идание 1998 года

Книга была написана на основе лекций по нравственной педагогике, прочитанных в перестроечные годы тогда еще мирским педагогом Анатолием Гармаевым. В середине 20-х годов XX века был провозглашен лозунг: «Детям — счастливое детство!» — и с этого момента все начало работать на человеческий эгоизм, потому что состояние счастья в таком понимании — это, на деле, состояние эгоистичной удовлетворенности. А состояние совестливости, о котором идет речь в предлагаемой работе — это радость, но другая, неэмоциональная, не свойственная эгоизму.

На Западе педагогика и психология были подхвачены в одном только плане — в работе над обеспечением потребностей человеческого эго. У нас же этими проблемами долгое время не занимались вовсе.

Забота о возрождении подлинно духовного подводит сегодня всякого здравомыслящего педагога к необходимости обращения к Церкви. Здесь совершается духовное воспитание человека. Это — не просто отвлечение людей от нынешнего кризиса, а само решение большинства из поставленных нашим временем проблем. В книге нет речи о церковном воспитании. Она рассказывает, как происходит в ребенке, подростке, молодежи нравственное развитие. Раскрывает причины трудного нрава в детях, подростках.

Обрести себя

Издание второе, дополненное

Книга составлена по материалам лекций и бесед священника Анатолия Гармаева, кандидата педагогических наук, директора Свято-Сергиевского Волгоградского епархиального училища православной катехизации и церковной педагогики.

В доперестроечные годы возглавляемая им лаборатория нравственной педагогики и культуры, его лекции, семинары и семейные курсы для многих стали тропинкой из мира повседневной обыденности к запретному тогда Золотому Городу православной духовности. «Курсы много давали для нравственного развития слушателей, это была первейшая задача, — пишет отец Анатолий, — люди получали образ нравственного воспитания детей, не словесного только, но деятельного, опытного. Кроме того, большая работа и серьезное содержание шло на восстановление ценности семьи и возможности ее сохранения и укрепления. Занятия и знания давали видимый результат. От этого слушателей из года в год становилось все больше и больше. Лекции размножались и способом самиздата расходились по разным городам.

Всего закончили эти курсы в разные годы около тысячи человек. Насколько я знаю, почти все воцерковились и сейчас многие из них — активные прихожане своих храмов, немало из них

трудится на разных участках церковного служения. Мне известно до сорока человек. Сам я в то время был светским человеком, только начинающим свой путь воцерковления. Активный церковный стаж был 7-10 лет. Сейчас уже двадцать пять лет, как я в Церкви. Став священником, я совсем оставил содержание той работы и не думал к ней возвращаться. Поэтому для меня было неожиданностью предложение издать эти лекции в виде книг. После некоторого колебания я согласился. Встал вопрос, переписывать ли содержание, т.е. переводить ли его на церковный язык? Издатель первого выпуска книг, игумен Евмений, искренне радеющий о воцерковлении тех, кто еще не прикоснулся к церковной жизни, но кто ищет выхода в жизненных коллизиях, убедил меня, что нужно сохранить содержание в том виде, в каком оно было тогда прочитано. По его словам, и сегодня есть немало людей, которые в этих книгах нуждаются. Святоотеческие труды они читать не могут, а книги, которые бы подводили их к церковному порогу, т.е. предогласительных, почти нет. Это меня убедило. После выхода книг стало очевидным, что их содержание приносит пользу и тем, кто уже воцерковлен. Люди находят в них объяснение многих проблем в семейной жизни и в воспитании детей, которых до этого не могли разрешить».

Весь огромный опыт прошлых лет отец Анатолий переработал, переосмыслил, и настоящее издание – плод этой работы.

«Обрести себя» — не сборник духовных советов, это скорее рабочий дневник, который нужно читать с карандашом в руке, а еще важнее – перечитывать.

Задача этой книги – разобраться в душевном устройении внутренней жизни человека, ибо, по слову апостола Павла: «не духовное прежде, а душевное, потом духовное».

Психопатический круг

в семье

Издание второе, дополненное

Эта книга – продолжение предыдущей – «Обрести себя». В ней подробно рассматриваются такие животрепещущие темы, как привитие трудовых навыков детям, правильное воспитание наших детей, формирование правильного отношения к пище, что значит празднование нашего дня рождения и как отмечать свой день Ангела. В книге рассматривается такое явление, как психопатические отношения в семье, объясняется, откуда они появляются, и даются подробные рекомендации, как выйти из этих отношений.

Здесь помещены родительские правила, супружеские правила и правила общения, из которых вы узнаете очень много полезного, сможете на практике проверить эффективность предлагаемых упражнений в работе над собой.

«Чем больше мать внимает становлению своего ребенка, тем больше жизнелюбия будет в нем на протяжении всей его последующей жизни. Со стороны же отца дитя получает способность к покрову – к покровительствующему, заботливому и участливому отношению к людям.

Если девочка не имела отца, или же отец не обращал на нее внимания, будучи погруженным в собственную жизнь, то, вероятнее всего, она не будет иметь способности к заботе. Чертам ее характера будет свойственна хладность, равнодушие, черствость по отношению к другим. Образа заботы, идущего от отца, она не получила. Тем паче мальчик: если он не имел отцовского отношения к себе, то в дальнейшем не сможет быть ни покровом, ни главою семьи, и не станет проявлять заботу о ближних».

Сегодня немало матерей, в одиночестве воспитывающих своих сыновей, и явно или скрыто страдающих от неправильных отношений с ними. «Неудовлетворенность мужем или его отсутствие пробуждают блудную страсть к своему собственному сыну. Выражается она в чувственной нежности к нему, в привязчивой сладости общения, иногда в кокетстве по отношению к нему, не замечаемой самой матерью».

Надеемся, что эта книга поможет Вам узнать очень многое в себе и в своих близких, поможет ориентироваться во многих человеческих отношениях.

От зачатия до рождения

Издание 2000 года

Зарождение новой жизни – великая Божия тайна. Автор книги, опираясь на опыт Церкви и творения святых отцов, раскрывает ее пытливому читателю.

Известно крылатое изречение Плутарха: «Пьяница рождает пьяниц». Автор с еще большей глубиной подходит к этой проблеме века.

Пристальное внимание уделяется автором причинам преждевременных родов. «Ребенок начинает переживать чувство глубокой асфиксии любви еще в утробе матери. Постоянная потребность в материнской любви и требования, чтобы мать любила, будут вызывать активность ребенка и побуждение, призывание ее к себе. Но материнская глухота порой бывает настолько глубока, что мать может не обращать внимания на дитя, не замечать толчков, переворачиваний, различных его движений. Младенец сначала кулачками, потом ножками ударяет и даже бьет мать изнутри, но не с желанием нанести ей боль, а с желанием достучаться до нее. А мать, несмотря на это, увлечена своими семейными делами, общественной деятельностью, диссертацией. Тогда, вслед за недостатком любви, начинается голодание физиологическое. Ребенок, оказавшись обвитым пуповиной, начинает задыхаться, и сам вызывает преждевременные роды, дабы вырваться наружу, потому что чувствует, что может просто погибнуть в неприветливой утробе».

И утроба «изрыгает» младенца, «хотя неверующие врачи в большинстве своем объясняют преждевременные роды чисто физиологическими причинами, – в действительности преждевременные роды наступают по причине нравственной глухоты родителей. Чем больше эта глухота, тем раньше начинает страдать ребенок, тем раньше активизация к родам».

В книге автор также указывает на три причины нежеланного рождения ребенка. А если ребенок все же желанный? Всегда ли родители осознают при этом, кем является для них их ребенок? Зачастую они принимают свое чадо не как создание Божие, а как свое собственное творение. Отсюда, вместо поиска единодушия, совершающегося во Святом Духе, родитель ищет единодушия в чувственном обращении, замкнутом друг на друге. Вместо возрастания ребенка в угождении и служении Богу и ближним, родитель желает угождения самому себе, своим жизненным нормам и ценностям.

«Каким должен быть отец? Как должна вести себя мать во время беременности и во время родов? Что такое асфиксия любви? Каковы причины травм и повреждений плода? Отчего случаются преждевременные роды? Должен ли присутствовать отец во время родов?» – на эти и многие другие вопросы Вы найдете довольно подробные и обстоятельные ответы со стороны автора: священника и педагога.

Пути и ошибки

новоначальных

Издание второе, дополненное

Выход книги священника Анатолия Гармаева «Пути и ошибки новоначальных» представляет собой значительное событие. Редакция издательства «Свет Православия» готовила первый ее выпуск

около двух лет. В основу труда легли лекции и беседы, прочитанные автором в паломническом рейсе во время посещения святынь Палестины. После расшифровки текстов они были в значительной мере дополнены автором.

Начинается книга с главы «Оглашение и воцерковление совершает Господь». В ней повествуется о путях оглашения и воцерковления человека. Нередко к современному пастырю люди обращаются с различными вопросами: «Что такое воцерковление?», «Как подготовиться к Причастию?», «Как правильно молиться?», «Как воцерковить своих ближних?», «За что меня Господь оставил?» и многими-многими другими.

В последующих главах идет речь о призывающей благодати Божией и противодействующей ей греховной натуре человека, об этапах воцерковления, о том, как, пытаясь воцерковить своих ближних, мы нередко только отталкиваем их от Церкви, становясь для них преткновением на этом пути.

Автор выделяет пять этапов воцерковления. Период призывающей благодати – это первые пять лет вдохновенного вхождения в церковную жизнь. Второй этап — переходный, когда благодать сокрывается в сердце ради личных трудов человека, и человек остается один на один с самим собою. Длится этот период пятнадцать-двадцать лет. Наиболее трудный и опасный период. Третий – собственно воцерковление, когда к трудам человека прибавляется содействующая благодать Божия. Четвертый – истинного христианина, и пятый – совершенный.

Важная глава – искушения переходного периода. О них часто люди не подозревают и не отдают себе отчета, в чем находятся.

В последней главе под названием «Нрав человеческий и нрав Христов» повествуется об изменении нрава человеческого по мере воцерковления, о том, насколько в современном христианском мире трудно найти человека, который бы стяжал нрав Христов, по слову прп.Серафима Саровского: «Стяжите дух мирен», носил бы в себе этот драгоценный образ.

Автор также касается вопроса необходимости искоренения тех оснований, которыми падшая человеческая натура противится усвоению нрава Христова: самомнения, своеволия, своеволия.

В силу того, что проблемы экстрасенсорики, целительства, астрологии буквально заполонили в послеперестроечные времена полосы газет, экраны телевизоров и радиоэфир, отдельная большая глава посвящена такой животрепещущей теме, как отношение к экстрасенсам, целителям и отношению христианина к телесной болезни. К сожалению, многие люди,

посещающие православные храмы, несмотря на предостережения пастырей, нередко пытаются совместить столь несовместимые вещи...

В конце книги приведены ответы на вопросы, которые были заданы автору в процессе пастырского общения.

Главное при чтении этой книги – не столько усвоение содержания, сколько внутренний труд, который нужно совершать человеку, вступающему в церковную жизнь. Без этого труда его церковности угрожает остаться внешней, а с годами пережить угашение и переход в вяло-текущие формы, в обрядоверие. Задача книги – предупредить и по возможности предотвратить невольное охлаждение веры, которое переживают сегодня много людей.

Тихий разговор

с совестью

Издание 2001 года

Название книги говорит само за себя. Тихий разговор с совестью... Это разговор души самой с собой, возможность души взглянуть в глубь себя открыто, честно...

Оказывается, если человек с детства умеет дружить, заботиться и благодарить, то с обретением своей семьи все эти три умения начнут соединяться в нем в одно большое чувство – любовь – через действия: отдавать, прощать, уступать.

Эта небольшая, совсем тоненькая книжечка, составленная из нескольких бесед на очень важные темы, научает также не столько помнить сказанные в ней слова, сколько иметь впечатления от слов, запавших в душу и позволяет очень внимательно прислушиваться ко всем моментам пробуждающейся совести.

Для искреннего, вдумчивого читателя книга может явиться учебным пособием в жизни для всех возрастов, ибо учит умению мириться, правильному сочетанию в себе «хочу» и «нужно», разумному хождению в гости и многому, многому другому.

Предложенные в этой книге беседы лучше слушать, нежели читать. Они для восприятия на слух...

Беседы полезны учителям и воспитателям школ, преподающим детям уроки нравственности. Незаменимы они и в домашнем воспитании.

Культура семейных
отношений

Издание второе, дополненное

Сегодня почти нет семьи, которая не нуждалась бы в добром наставнике, мудром руководстве. Однако, проблемы семейные порой так сложны, что не всякому человеку удастся помочь супругам. Возможно, в таком положении жизненных затруднений ко времени будет книга «Культура семейных отношений».

Если возникает чувство: «Еще немного и мы разведемся», – может быть, не нужно опираться на него. Вместо погружения в отчаянную безпросветность, имеет смысл разобраться в причинах, которые разрушают мир и лад в семье. Не с другим разобраться, а с собой, чтобы знать, что созидать и как.

Книга открывает удивительную возможность аскетические труды святых отцов, из них особенно свт.Феофана Затворника и прп.Аввы Дорофея, применить в семейном домостроительстве и иметь из этого реальную помощь и разрешение трудных супружеских узлов.

Неожиданная, очень живая и увлекающая глава «Дети» открывает детство с той стороны, которую редко видят родители в наше время.

Доверие, бережность, целомудрие супружеских отношений – без них невозможна сколь-нибудь всерьез семья. Этими добродетелями определяется ее долгожительность.

В книге указанные темы развернуты до узнаваемой ясности и зовущей глубины. Образ мужа и жены, семейного уклада, множество упражнений по преодолению неправильных настроений и расположений сердца найдет читатель в помощь своей семье.

Второе издание значительно дополнено новыми материалами. Книга может послужить супругам на любом году их брачной жизни.

О видеофильмах

В училище можно приобрести видеофильмы, рассказывающие о жизни училища, о делах и о событиях. Фильмы выполняют три задачи:

рассказывают, как устраивается общинная жизнь в годовом богослужебном круге;

имеют огласительную задачу – представить содержание важнейших церковных праздников, их значение в деле воцерковления;

раскрывают методику устройства общинных праздников, поселений, детских праздников.

Список фильмов:

В Рождество рожденные – 3 части (1 часть – 1, 5 часа, 2 и 3 – по 1 часу).

О детском празднике – 1 часть.

О Пасхе и пасхальной седмице – 3 части.

Детское православное поселение и «Страна Детства» – 4 части.

Семейное православное поселение «Отрада» – 3 части.

Военно-боевые детско-юношеские учения «Горлица» – 1 часть.

Свято-Сергиевское училище общинножительствa и церковной педагогики – 1 часть.

Стоимость одной части – 120 руб.

Фильмы № 1-2 высылаются с 1 ноября 2003 г.

№3-4 высылаются с 1 марта 2004 г.

№5 – с 1 июня 2004 г.

№6-7 – с 1 октября 2004 г.

Заказ и деньги необходимо высылать по почте с прибавлением 60 руб. на почтовые расходы.
Возможны заказы, высылаемые наложенным платежом.

1 Путь ко спасению, репринтное издание с книги 1899г., Издательский отдел Московской патриархии, С.107

2 Путь ко спасению, с.112

3 Там же, с.132

4 Там же, с.126

5 Там же, с.108

* О том, как приобрести фильмы, рассказано в конце книги, в приложениях.

6 Там же, с.108-109

7 Там же, с.110

8 Там же, с.110-111

9 Там же, с.112-113

10 Там же, с.114

11 Там же, с.115-117

12 Там же, с.30-31

13 Там же, с.31

14 А.Ельчанинов, Записи. YMCA-PRESS, Париж, с.35

15 Там же, с.25

16 Там же, с.61

17 Там же, с.56

18 Там же, с.26-27

19 Путь ко спасению, с.129-130

20 Путь ко спасению, с.129-133

21 По кн. «Россия перед вторым пришествием» Изд.3, т.2,с.351, 356

22 Там же, с.355

23 Там же, с.359

24 Там же, с.369-371

25 Там же, с.368

26 Псалтирь с изъяснением святых отцов и учителей Церкви, Святая Гора Афон, 2001, изд. третье, с.308.

27 Псалтирь с изъяснением святых отцов и учителей Церкви, Святая Гора Афон, 2001, изд. третье, с.293.

28 Изд-во «Правило веры», М., 1998, с.200

29 УМКА PRESS, изд.3, с.20

30 Там же, стр.65

31 Там же, с.203

32 Там же, с.204-205

33 Там же, с.205

34 Там же, с.206

35 Там же, с.202

36 Там же, с.209

37 Там же, с.200-201

38 Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. – М., 1996, с.396

39 Россия перед вторым пришествием. М., 1998, т.2, с.366, 376

40 Иоанн Максимович, митрополит Тобольский, Илиотропион. – Киев, 1896

41 Там же, с. 83

* Я, к великой скорби своей, не помню ее имени.

* Журналы высылаются училищем из Волгограда по почте, равно развозятся по епархиям оптовиками из Москвы.